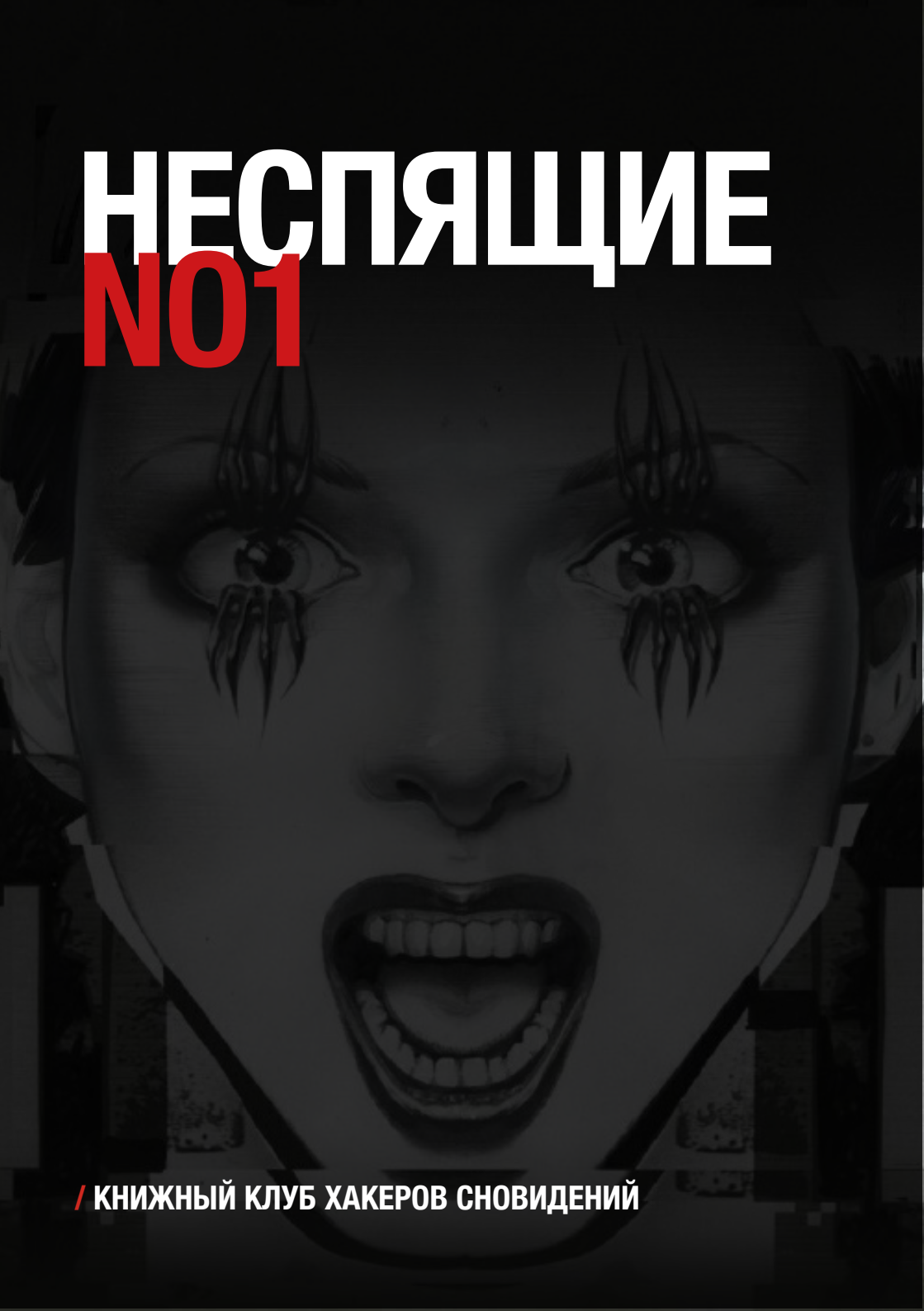
НЕСПЯЩИЕ
NO1



/ КНИЖНЫЙ КЛУБ ХАКЕРОВ СНОВИДЕНИЙ

КНИЖНЫЙ КЛУБ ХАКЕРОВ СНОВИДЕНИЙ

/ СОСТАВИТЕЛИ
vachap
Tsathogua

/ ПЕРЕВОД
vachap
CT

/ ХУДОЖНИК
Eskaton

/ КОРРЕКТУРА
lugebana

/ ВЕРСТКА
узелок
lelit

СОДЕРЖАНИЕ

/ ВОШЛИ В НОМЕР

ЛЕДИ В СЕРОМ [2]
Дональд Уондри

СОН — ЭТО ВРАГ [11]
Энтони Гилберт

ПОДКРОВАТЬЕ [31]
Грэхем Мастертон

ДРЕМЛЮЩИЙ ЛОНДОН [58]
Тони Баллантайн
Перевод Сергей Трофимов

§1 ОДИН: КАПИТАН ДЖИМ ВЕДДЕРБЕРН [59]
§2 КРАСНЫЙ: АЛЬФОНС, ОН ЖЕ АЛАН [71]
§3 ДВА: ДЭДДИО КЛАРК И МЭКОН УЭЙЛЕРС [83]
§4 ГОЛУБОЙ: ЯДОВИТЫЙ ТИС [98]
§5 ЗОВ ПУТЕШЕСТВИЯ: БИЛЛ ДИКЕНСОН [109]
§6 ТРИ: КОЛОКОЛЬНЫЙ КВАРТАЛ [124]
§7 ЧУВСТВО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ: МИСТЕР МОНАГАН [139]

/ ДОСТУПНЫ ТОЛЬКО VIP-ЧЛЕНАМ ККХС

ОЖИВЛЕННЫЙ В СМЕРТИ
Лесли Эллин Льюис

В ЛЕСУ
Роберт Эйкман

ДРЕМЛЮЩИЙ ЛОНДОН
Тони Баллантайн
Перевод Сергей Трофимов

§8 ЖЕЛТЫЙ: ЦИФРОВОЙ ЭТАЖ

ЛЕДИ В СЕРОМ

ДОНАЛЬД УОНДРИ
20 апреля 1908 — 15 октября 1987

Американский писатель, работавший в жанрах вирд, научной фантастики и фэнтези, поэт и издатель. Его 14 историй издано в Weird Tales, еще шестнадцать — в Astounding Stories, плюс несколько в других журналах, включая Esquirt. Он был одним из соучредителей (вместе с Августом Дерлетом) издательского дома Arkham House. Автор романа «Паутина острова Пасхи», сборников «Глаз и палец», «Странная жатва» и «Колосс».

Эта прелестная история повествует о странной женщине и отвратительном сером слизняке, которые являлись спящему в его кошмарных снах.

На протяжении всего моего существования часы в пределах от заката до рассвета — часы, когда другие люди спят — угнетали меня парализующим страхом. С раннего детства я был жертвой ужасных кошмаров, перед которыми пасовали и врачи, и психологи. При многочисленных проверках доктора не находили у меня никаких физических расстройств, кроме нескольких незначительных недугов, обычных для большинства мужчин и женщин. Моя жизнь не была омрачена инцидентами, трагедиями, шоковыми ситуациями или серьезными неудачами. Финансовые затруднения не беспокоили меня. Я продвигался по карьерной лестнице, и мои дела уверенно шли к успеху. Психиатры посвящали месяцы, анализируя меня, проверяя этапы социального и эмоционального развития, мое сознание и подсознание. Они гипнотизировали меня, проводили бесчисленные тесты и выискивали тайные страхи или одержимости, которые могли бы объяснить мои кошмары... Тщетно! Раз за разом мне предписывались успокаивающие средства, опиаты, диета, путешествия и отдых. Однако это не приносило желаемого результата. Для докторов я был и оставался здоровым мужчиной двадцатичетырехлетнего возраста. Психиатры считали меня умственно здоровым, нормальным и уравновешенным человеком, чьи экстраординарные сны не принимались ими в расчет или не вызывали доверия.

Тем не менее, их выводы не устраивали меня. Приближавшиеся ночные часы по-прежнему вызывали во мне ужас. И я с радостью потратил бы состояние, если бы мог освободиться от видений, которые овладевали моим ночным умом. К сожалению, великие диагностики Америки и передовые психиатры Европы ничем не могли мне помочь.

Сейчас, когда я пишу эти последние слова, спокойствие и отчаяние отягощают меня, хотя мой рассудок редко бывал столь ясным за прошлые годы. Несколько минут назад мне удалось преодолеть тот первый и, я надеюсь, финальный шок, который был вызван невероятным ужасом, парализующим страхом и отвращением. И теперь я лишь молюсь, чтобы свет дня сопровождал меня до завершения жизни. Чудовищная тварь сидит у самого моего локтя, и после составления этого прощального письма я буду уничтожен.

Позвольте мне вернуться на многие годы назад. Повторюсь, я с раннего детства был подвержен страшным снам. Катившиеся за мной отсеченные головы, города с колоссальными инопланетными статуями, безжалостный всепоглощающий огонь, прыгающие на людей звери, падения с гигантских обрывов, воспарения в небо из ям вечного зла, поджидающие древние существа, полеты через бесконечную тьму из пустоты или пространства, которое мог чувствовать только я, сверла адских пыточных машин в моей плоти, чудовища из диковинных миров растений и животных, рыб и птиц, камней, деревьев, металлов и газов, с невероятными вариантами их объединенных форм, бледные кровожадные мстители, спуски в некрофилические регионы, настойчивое наблюдение бестелесных глаз посреди огромных безлюдных равнин; трупы, которые поднимались и принимали вид моих друзей, с щупальцами и лентами вывернутой наружу, разорванной черной плоти, будто бы трепетавшими под порывами ветра.

А еще были маленькие существа, со странной мольбой говорившие со мной скороговоркой, и солнечный свет на покрытом дубами холме — свет, с пульсирующими и пугающими безымянными оттенками, и некий запах, наполнявший меня беспричинной ненавистью, которая граничила с безумием. Я видел орхидеи, поднимавшие соцветия, словно детские лица, разбрызгивая кровь на зеленые листья. Меня окружали подходившие со всех сторон мертвые, и бывали ужасные моменты, когда я тонул, и жирная тварь выплыла из морских глубин, чтобы съесть меня. Я помню траву, которая испуганно мяукала и алчно мурлыкала, когда мои ноги наступали на нее. Эти бесчисленные кошмары тянутся далеко в мое прошлое, насколько я могу его помнить. Они вросли в меня, укоренив отвращение ко всем сновидениям. Однако мне полагалось спать, как и остальным смертным людям. Только я видел странные темные сны — фантазматические картины — которые не соответствовали никакому привычному человеческому знанию. Ну, как можно описать город на морском дне, полностью построенный из ярко-красного мрамора и проржавевшей бронзы, в чьей искаженной и порочной геометрии содержатся конфигурации вещей, которых земля никогда не носила? Был ли шепот во тьме притягательным зовом Ктулху? Я видел семь смертей Коммориума и двадцати трех спящих в том месте, где в Каркозе черная Хали поднимает к небу свои острые пики. Кто еще наблюдал за пробуждением мертвых титанов, за появлением лучей из внешнего пространства, за пролитой кровью каменных богов?

Кошмары мучили меня. В часы после полуночи — в безмолвии перед серостью рассвета — я пробуждался в поту и ознобе. Но старые сны были малыми бедами в сравнении с теми, которые пришли ко мне позже.

Я не хотел бы рассказывать о событиях, приведших к моему знакомству с Мириам: о краткой, но безграничной и радостной любви, о вечном браке, планируемом нами в будущем, о ее трагической гибели, когда накануне нашей свадьбы у аэроплана, в котором она возвращалась в город после поездки к своим родителям, внезапно отказал мотор, и машина рухнула на землю. Шок от этого кошмара, случившегося наяву, завершился медленным опустошением, к которому вели мой ум ужасные сновидения. О чем тут еще говорить? Мириам умерла. Вся ее странная красота, серость глаз, покорная податливая личность, бледность щек и трепетный сметенный дух — все это исчезло. Когда она лежала в гробу, я мог бы назвать ее леди в сером, словно женщину из рассказа По или то феерическое существо из фильма *«Поворот винта»*. Она выглядела такой прекрасной и нереальной, такой неземной и, однако, сверхъестественно желанной. Мертвая и больше не моя. День тоже выдался серым: печальный осенний вечер, и листья, гонимые по аллеям кладбища. Они наполняли мир своим сухим шуршанием. Позже начался дождь, и воздух стал тускло-серым. Шум вездесущих капель соперничал с унылыми завываниями ветра. В тот скорбный час ко мне пришло одиночество.

Она выглядела такой прекрасной и нереальной, такой неземной и, однако, сверхъестественно желанной. Мертвая и больше не моя.

А ночью я увидел странный сон с явившейся Мириам. Она взяла меня за руку и увлекла в неведомую даль. Вскоре мы оказались на берегу огромного моря, заполненного вязкой жидкостью. Пугающий цвет воды страшил меня больше, чем ее зловонный запах. Черные липкие волны и атмосфера тотального разложения породили во мне тошноту еще до того, как Мириам потянула меня в море. Войдя в эту мерзкую жидкость, я почувствовал удвоенный ужас. Внезапно твердый грунт ушел из-под моих ног, и пока я, захлебываясь, барахтался среди волн, леди в сером плавала вокруг меня, будто светящийся призрак. Затем она приблизилась ко мне и без каких-либо пояснений перенесла меня обратно в мою спальную комнату.

Утром я не мог понять, что за омерзительная пленка покрывала мое тело. Квартиру наполнял гнилостный запах разлагающейся плоти. Только после энергичных усилий под горячим душем мне удалось убрать слизь, прилипшую к коже. Чуть позже я сжег каждый предмет, запачканный эти липким тошнотворным веществом.

Следующей ночью мне снились пламенеющие небеса и местность, где зловещие красные скалы поднимались узкой грядой на сухой безжизненной равнине. Ни одно растение не цвело в этой мертвой

метрополии под багровым небом. Сначала я подумал, что после долгого времени ко мне вернулись старые сны, но затем рядом со мной появилась леди в сером. Она потянула меня за руку, и мне пришлось покинуть постель. А потом мы шли через блеклые поля к огромной серой колонне. Там обитал большой белый червь — точнее, не червь, а жирная тварь, похожая на слизняка. У этой отвратительной разумной твари с рогатой головой было серое морщинистое лицо. Ее красновато-белая раздувшаяся плоть вызывала у меня тошноту. Однако Мириам велела мне подойти к огромному слизняку, и я подчинялся. Когда мы приблизились, от колонны отвалился округлый нарост. Он упал к нашим ногам. Среди разбившейся скорлупы ползал омерзительный червь, которого я поднял на руки. Он извивался в моих ладонях. Леди в сером быстро провела меня через ужасную пустую равнину, и когда мы вернулись в спальную, она исчезла, поручив моей заботе гадкую тварь из колонны. На прощание моя мертвая невеста склонилась надо мной, и белый червь поцеловал эту серую женщину своим клювообразным ртом, после чего Мириам погладила мои ноги и выскользнула, словно туман, из комнаты — беззвучно и без видимых шагов.

Утром я был напуган, обнаружив в постели рядом с собой огромного и ужасного слизняка. Спрыгнув с кровати, я схватил каминные щипцы и начал молотить ими по гнусной твари, пока не превратил ее тело в кровавое месиво. Затем мне пришлось завернуть раздробленную мякоть в испачканную простыню и сжечь останки слизняка в печи. Приняв ванну, я начал одеваться, но, увидев на туфлях серую пыль, вновь пережил приступ страха. Дело в том, что на кладбище, где похоронили Мириам, имелись большие участки земли с пепельно-серой почвой. Несмотря на высокую зеленую траву и россыпь диких цветов, растительность не могла одержать победу над проплешинами безжизненного грунта. Весной все кладбище выглядело серым, а осенью пыль покрывала жухлую траву и упавшие листья.

Естественно, я не пошел туда на поиски своих следов. Если бы я отыскал их там, к моему почти бредовому состоянию добавился бы ужас сомнамбулизма. А если бы следов не оказалось, во мне зародился бы еще более мучительный страх. *Где я был? Откуда взялся этот мерзкий червь?*

Затем на протяжении многих ночей — столь многих, что утрата Мириам стала тусклой болью, частично стертой временем — я видел старые сны о падениях, бегствах и городах, затонувших в море, о пытках, неизвестных пугающих тварях и пустых глазниц.

И вот в начале зимы, когда я начал забывать о леди в сером, она вновь посетила меня. Это случилось прошлой ночью. Весь

день падал снег, и северный ветер с пронзительным воем царствовал снаружи, наметая сугробы. Ветви голых деревьев клонились вниз и печально постукивали друг о друга. Возможно, поэтому с наступлением вечера я погрузился в меланхолию и был подавлен мыслями о Мириам — моей мертвой невесте. Свист вьюги стал выше, все больше напоминая отдаленный плач. Наконец, я заснул, и тогда пришла она, увлекая меня за пределы реального мира.

Мы проносились через дикие пустоши и темные чащи, затем какое-то время углублялись в древний лес, где вокруг нас возвышались стволы огромных деревьев. Наконец, перед нами открылся вход в пещеру. Мириам вошла в нее, и я последовал за ней. Несмотря на мои усилия, мне не удавалось нагнать ее. Я не мог сократить расстояние между нами даже на дюйм. Потом случилась странная вещь: пещера резко усилила наклон, пока не превратилась в вертикальную шахту, ведущую в недра земли. Затем случилась еще более странная вещь: мы продолжали погружаться в шахту, хотя и достаточно мягко, но были вынуждены передвигать ногами, словно шли нормально. Создавалось впечатление, что горизонтальная плоскость поменялась местами с вертикальной. Я начал медленно приближаться к Мириам, и после долгого и плавного падения мы оказались посреди огромного склепа где-то далеко под поверхностью земли.

При этом слабом свете я увидел, что Мириам зашевелилась, и судорожный вздох наполнил ее тело жизнью. Я поднял на руки свою невесту.

Над нами простирался высокий потолок, чья дуга невероятной протяженности была создана из кривых гротескных линий. Стены, словно нефы погребенного в некротическом космосе кафедрального собора отступали в туманную даль, и пока я следовал за своей мертвой невестой по центральному проходу этого фантастического сооружения, пламя призрачных свечей, возвышавшихся рядом с нами, как гигантские факелы, дрожало под мягкими порывами ветра, которые раскачивали не только огни, но и пугающие тени на полу. Когда расстояние между мной и Мириам сократилось, ее порхавшая в воздухе серая мантия — точнее, полусгнивший саван — касался моего лица. Наконец, мы подошли к двери из черного дерева, которая внезапно распахнулась перед нами и замерла на ржавых петлях. Леди в сером прошествовала в тайные покои, и я последовал за ней. Предо мной возвышалось погребальное ложе, на котором три красные свечи с восковыми подтеками освещали комнату зловещим заревом: одна в изголовье, другая в ногах и третья роняла алые капли на груди Мириам. На мраморной плите лежала моя леди в сером. У изголовья стояла

чаша со слизью из черного моря, в ногах извивался воскресший белый червь, а ее сложенные на груди руки сжимали свечу и гардению, чей пряный и невинный аромат заглушал неприятный запах склепа.

И тогда в моем сне, с эксцентричной логикой сновидений, я подумал, что вся эта ситуация вполне естественна — что не нужно бояться. Я приблизился к моей мертвой невесте. Внезапно чаша со слизью упала и разлилась. Я небрежно смахнул ее в сторону. Большой червь с шипением накинулся на меня, но я сбросил его с мраморного ложа и затоптал ногами. Свечи, вспыхнув, погасли. Гардения вдруг засияла сверхъестественной флуоресценцией. При этом слабом свете я увидел, что Мириам зашевелилась, и судорожный вздох наполнил ее тело жизнью. Я поднял на руки свою невесту. Цветок по-прежнему освещал мне путь, и я нес Мириам через шелестевшую тьму. Серый саван свешивался вниз и путался в моих лодыжках. Мы прошли через темный коридор и оказались среди свечей, освещавших величественные своды подземного кафедрального собора.

Затем, с любопытной нелогичностью снов, вертикальный коридор исчез, и я зашагал по огромному залу к широкому проходу, ведущему на серую равнину. Пыль взвилась вихрем и помчалась ко мне, но саван Мириам скрыл меня от нее, и вихрь промчался мимо. На небе не было звезд. Я шел в темноте, и только сияние цветка озаряло мне путь. Его запах смягчал зловоние тлена и смерти. Наконец, после долго путешествия я принес леди в сером к свою спальную.

После этого сна прошло лишь несколько минут.

Я мог бы смотреть вечность на дико вращающиеся круги застывшей черноты и красные полосы огня финального всесожжения — их образы навечно разбили спокойствие моего ума. Отныне пути людей не для меня, как и простая земная жизнь смертного человека, с ее мимолетной эфемерной неопределенностью. Закончив эти стоки, я умру, хотя пишу пока своей рукой и по собственному выбору.

Проснувшись утром, я увидел в постели ее — мою любимую невесту, леди в сером. Ее лицо было покрыто гниющими следами смерти. Порванные в клочья и заплесневевшие одежды едва скрывали высохшее тело. Но мой уход в небытие гарантируют три вещи: свежая гардения в полуразложившихся руках; длинные и желтые ногти, которые бывают лишь у мертвецов, захороненных более шести месяцев; *и то, как Мириам вертит цветок в своих пальцах, пока ее черные, заполненные слизью глаза неотрывно следят за каждым моим движением!*

ЭНТОНИ ГИЛБЕРТ

СОН — ЭТО ВРАГ

ЭНТОНИ ГИЛБЕРТ
15 февраля 1889 — 9 декабря 1973

Настоящее имя — Люси Беатрис Маллесон (Lucy Beatrice Malleson)

Я не верю им! Это просто сон. Конечно, сон. Иначе, если они правы, то каких неприятностей мне ждать в будущем?

Я всегда впечатлялась снами, хотя и старалась не говорить о них другим людям. Мама и Хонор (моя замужняя сестра), утверждают, что вредно рассказывать о своих сновидениях. Мне часто намекали, что с теми, кто видит сны, как это делаю я, творится нечто странное. На всякий случай я утаиваю их от Ронни — не потому, что он осуждал бы меня. Естественно, он понял бы все верно. Просто нам незачем говорить на подобные темы — ведь между нами не существует никаких секретов.

Я знаю Ронни так же долго, как и всех остальных обитателей нашего поселка. На самом деле вы не начинаете понимать природу людей, пока вам не исполнится примерно восемнадцать лет. До этого времени вы живете в своих грезах, где, как в поэме Теннисона, все мужчины кажутся благородными, а женщины — благопристойными.

Сама я очень благопристойная и... как бы лучше выразиться... изящная. Однажды я сказала Хонор, что видела в журнале картину с Андромедой, выходящей из волн, и если бы богиня не была такой высокой, она во всем напоминала бы меня. Хонор тут же возразила: «Какая чушь! Андромеда была прикована цепями к скале, и ее освободил Персей!». И тогда я гордо ответила, что если бы меня приковали к скале, Ронни поступил бы точно так же!

Раньше мы с ним были почти неразлучными. Но потом мне пришлось уехать в Испанию, чтобы позаботиться о маминой сестре. Тетя Роза была хозяйкой большого поместья, и ее вилла вообще не соответствовала моему понятию комфорта. Ни водопровода, ни электричества! Представьте, что ближайший сосед живет в двух милях от вас! Не удивительно, что она чувствовала себя одинокой. Вот мама и решила, что я должна побыть с тетей Розой какое-то время. Я знала, что в долгу у матери из-за каких-то очень важных соглашений с Ронни, поэтому поехала без лишних уговоров. Только мое путешествие не продлилось так долго, как все ожидали. Не понятно, почему, но планы тети резко поменялись, и мне пришлось вернуться домой.

Самой странной частью этого сна было его начало. Все мои сны похожи друг на друга — реальность внезапно сливается с сюжетом сновидения, и иногда я не могу определить момент, когда это случается. Однако я точно

знаю, что сначала все было наяву — поездка в Испанию, мое возвращение и то, как Хонор встречала меня на вокзале.

Пока я гостила у тети, они переделали мою комнату. В восторг это меня не привело. Мне нравились прежние полосатые обои и белый китайский котик, которого я купила в ларьке в Дорчестере. И еще у меня была музыкальная шкатулка — канарейка в клетке. Птичка насвистывала мелодию, когда вы нажимали на пружину.

Я жутко разозлилась, обнаружив, что котик был сломан. «Кто это сделал?» — спросила я, и мать ответила: «Не беспокойся, мы найдем тебе другого». «Но он не будет моим котиком», — возразила я. С таким же успехом она могла бы сказать, что найдет мне другого Ронни.

Я с самого начала знала, что, рано или поздно, мы с ним поженимся. Возможно, нам следовало объявить о помолвке до моего отъезда в Испанию, однако, полагаю, это выглядело бы странно, поскольку в следующий миг мне предстояло подняться на борт корабля.

Став замужней женщиной, я могла бы называть себя Сарой. Мне не нравится имя Салли — ну, знаете, как в песне: «это Салли с нашей улицы». Конечно, мы обитаем не на улице, а в красивом доме, который принадлежит мне и маме. Хонор живет со своим мужем Чарльзом и гостит у нас, когда ее супруг уезжает для выполнения тех или иных миссий. Отца я не помню: он то ли умер, то ли ушел, то ли еще куда-нибудь запропастился.

Кажется, мой сон начался с того момента, когда я увидела Ронни, переходившего Маркет-стрит (это главная улица нашего поселка). Он шел с девушкой, которая была мне не знакома. Обычно в снах вы никого не узнаете. Но Ронни я ни с кем не спутаю — он для меня почти родной.

Он шел с девушкой, которая была мне не знакома. Обычно в снах вы никого не узнаете. Но Ронни я ни с кем не спутаю — он для меня почти родной.

Та девушка была крупнее и выше, чем я. И вы сразу поняли бы, что она не из наших краев. Летом все местные женщины носят кардиганы поверх платьев, а зимой — по две твидовые юбки, одна на другую. Наверное, незнакомка хотела впечатлить нас своим нарядным костюмом. Представьте, на ней была даже шляпка и красные перламутровые украшения.

Конечно, моя бижутерия считается поддельной, но она хотя бы культурная. А ее украшения были сделаны из дохлых устриц! Не знаю, откуда у меня эта информация, однако я не сомневаюсь в ней ни

секунды. И еще девушка носила брошь на отвороте воротника — в виде павлина, раскрывшего хвост. Этот хвост искрился маленькими драгоценными камнями: изумрудами и сапфирами. А грудь павлина была усыпана алмазами. Когда на незнакомку падал солнечный свет, брошь сияла огненным узором.

Я ожидала, что Ронни попрощается с ней и побежит ко мне — мы еще не виделись после моего возвращения из Испании. Но он будто бы не замечал меня. А городская чертовка способствовала этому: она то подталкивала его, то тащила за собой через дорогу. И она говорила с ним так громко, что Ронни, наверное, оглох.

Конечно, девушка знала обо мне. Вот почему она старалась увести его подальше от меня. Это выглядело так забавно, что я рассмеялась. В один момент мне захотелось пойти за ними, но потом я подумала, что не должна гоняться за Ронни. Пусть он домогается моего внимания!

Вернувшись домой к обеду, я весело сказала:

— Угадайте, кого я видела во время утренней прогулки? Моего жениха! Но Ронни поначалу не заметил меня. Похоже, он не знал о моем возвращении.

Я должна пояснить (если еще не сделала этого), что моя поездка в Испанию завершилась раньше, чем все ожидали.

— Тебе удалось побеседовать с ним? — спросила мама.

Мы с ней примерно одинакового роста, но из-за сутулости она кажется немного коренастой. Наверное, в свое время мать много тревожилась о моем отце. Бедная женщина, подумала я. У меня не будет таких огорчений — даже когда я выйду замуж за Ронни.

Я начала хихикать, хотя не часто смеюсь в реальной жизни. Но вы же знаете, в снах все по-другому.

— Нет, я не стала догонять его. Решила не отвлекать Ронни от беседы с городской кривлякой. Обычно он робок с девушками — с теми, которые знакомы со мной.

— Это Тельма Беннет, — сказала моя сестра. — Ее отец купил поместье и перевез свою семью сюда. Пока ты была в отъезде, Ронни познакомился с Тельмой. Теперь они проводят много времени друг с другом. Кстати, она довольно известная пианистка.

— Никогда не слышала о ней.

Через миг я заметила, что мама жестами просила Хонор замолчать. Мне было ясно, что она имела в виду: «Не пробуждай у Салли ревность». Как будто я стала бы ревновать девушку, которую Ронни знал всего лишь несколько недель. И потом это казалось вполне естественным: надо же ему было с кем-то гулять, пока я находилась в Испании.

— Девушка является заменой, — озвучила я свою мысль. — Временной заменой! Интересно, она знает, что мы с Ронни помолвлены?

— Откуда ей знать об этом? — грубо съязвила Хонор. — Ты же еще не обручена.

— Мы с Ронни так хорошо понимаем друг друга, что нам не нужно облекать желания в слова. Впрочем, я не вижу никакого смысла в отсрочке. Зачем мне теперь откладывать объявление о нашей помолвке? Кроме прочего, это будет честно по отношению к... Как ты сказала ее зовут?

— Тельма Беннет. Ее отец богатый фабрикант.

— Торговля, — с презрением прокомментировала я, хотя сказала это милым и шутливым тоном.

Девушка была не виновата в том, что ее отец выбрал торговлю, а не какую-то приличную профессию.

— Разве Ронни не писал тебе, пока ты была в Испании? — спросила мать.

Я пожала плечами.

— Ты же знаешь, как это бывает. Никто не пишет писем в наши дни. Вскоре детей в школах вообще перестанут обучать правописанию. Они будут общаться друг с другом с помощью телефонов и компьютеров. Но как только Ронни узнает, что я вернулась домой, он тут же объявится здесь. И меня не удивит, если мы увидим его этим же вечером.

— Но ведь ты говорила, что он не заметил тебя, — напомнила Хонор.

— Он почувствует мое присутствие, — надменным тоном ответила я.

Тем вечером я не выходила из дома: ужасно устала. К тому же, мне не хотелось пропустить его звонок. Только, наверное, что-то помешало ему. Я даже не расстроилась. Когда вы абсолютно уверены в своем женихе, какое значение имеет один вечер?

Тем не менее, на следующее утро я решила прогуляться по поселку. Любовь должна быть скромной, но не слишком! Поэтому я беззаботно попросила сестру принимать любые звонки и сообщения, предназначенные мне.

Она попыталась разозлить меня:

— Куда ты собралась, милая?

Я весело ответила:

— Хочу немного пройтись.

Заглянув в два-три магазина, я купила пару вещиц, которые могли оказаться полезными в моем собственном доме... после нашей свадьбы с Ронни.

— Господи! — возмутилась Хонор. — Зачем они тебе понадобились?

— Это современные бытовые приборы, — нежным голосом ответила я. — Разве ты не видишь?

— Конечно, вижу. Но зачем ты купила их?

— Для моей собственной кухни.

Меня саму удивляло, насколько терпеливой я была с сестрой.

— Ты сначала дождись, когда она у тебя появится, — огрызнулась Хонор.

— Конечно, у меня будет своя кухня. Я не собираюсь жить в гостинице. После свадьбы мы с Ронни купим собственный дом. Кстати, эта мысль напомнила мне кое о чем.

Взглянув на сестру, я совершенно небрежно спросила:

— Мне кто-нибудь звонил?

Когда Хонор покачала головой, я начала сердиться. Сначала мне показалось, что она специально дразнит меня. Но затем я задала матери тот же вопрос и получила отрицательный ответ. Ах, вот как, подумала я. Если он не пожелал позвонить любимой невесте, то, возможно, мне следует дать ему небольшую встряску. Точнее, большую — для полной гарантии!

Ах, вот как, подумала я. Если он не пожелал позвонить любимой невесте, то, возможно, мне следует дать ему небольшую встряску. Точнее, большую — для полной гарантии!

После чаепития я достала из секретера свой блокнот и начала писать письмо. В нем говорилось, что, пока я гостила в Испании, у меня было много времени для пересмотра нашей ситуации — для расстановки фактов по размерам, так сказать. В конечном счете, я пришла к выводу, что, возможно, излишне торопила события. Ну, что у меня было в жизни до этого момента? Ведь я ни с кем не встречалась, кроме него.

А теперь мой кругозор расширился, и я подумала, что было бы неплохо осмотреться вокруг — во всяком случае, перед тем, как принять окончательное решение. Поэтому я попросила его не объявлять о нашей помолвке и какое-то время считать нас свободными от прежних обязательств.

Письмо получилось хорошим: оно даже меня затронуло до глубины души. Перечитывая текст, я удивилась, какими длинными получились мои объяснения. Но мне не удалось убрать ни строчки. Во-первых, составление письма утомило меня, поэтому последние абзацы немного растянулись; а во-вторых, я просто не нашла тех слов, которые решилась бы вычеркнуть.

Вернувшись с почты, я увидела в коридоре взволнованную маму.

— Где ты была, дорогая? — спросила она.

— Я, что, какая-то сумасшедшая или ненормальная? Неужели я даже не могу самостоятельно сходить на почту?

Мать странно посмотрела на меня.

— Ты отправила Ронни письмо?

Я хлопнула в ладоши.

— Ты просто миссис Всезнайка! Угадала, мама! Но я знаю, что делаю. Можешь считать, что я рискнула малым ради большой игры.

Сама не понимаю, зачем сказала ей это. Мне просто показалось, что последняя фраза прекрасно завершала наш разговор.

Тем вечером я пребывала в бархатном настроении: как говорится, даже тигровая кошка играла бы со мной. Я пела в ванной, словно святой Даниил, оказавшийся среди львов — львов с лицами Хонор. Будь ее воля, она давно засунула бы меня в клетку. Сестра следила за мной ежеминутно. Я начала подозревать, что Чарльз ушел от нее. И я поделилась этой догадкой с мамой. Мужчинам, знаете ли, не нравится, когда за ними следят.

— Чушь, — ответила мать. — Они любят друг друга. Не делай глупых выводов.

На следующее утро я часами представляла, как Ронни будет открывать мое письмо. Конечно, текст повергнет его в шок. На самом деле я не удивилась бы, увидев бедного парня у нашего стола за завтраком. Но почему я должна потворствовать людям в их незыблемой вере в меня? Это было бы худшей ошибкой. Та девушка, с которой он теперь... та Тельма. Какая-то... она никогда не

озволила бы своему жениху быть слишком уверенным в ней.

Когда Ронни не пришел, я подумала, что он позвонит. Но он не позвонил. Я допустила, что разговор со мной был слишком важным для него, и что ему не хотелось говорить о наших чувствах по телефону. В любом случае, я решила остаться дома, хотя сестра предлагала мне сходить в «Одеон» на какой-то диснеевский фильм, который показывали там сеанс за сеансом.

Хонор с удивлением взглянула на меня.

— Ты же никогда не пропускаешь «Диснея». А этот фильм про животных.

— Ну и что? — ответила я, холодная, как снежинка.

Однако внутри я кипела! День прошел, а телефон ни разу не зазвонил. И лишь позже до меня дошло, что Ронни, оставаясь верным рыцарем, смиренно принял мое решение. Любовь не должна быть робкой. Но посмотрите, что я сделала ради своей любви! Результат озадачил меня. Какую глупость я совершила! Хотя интуиция подсказывала мне, что в уравнении были и другие переменные.

Но он не позвонил. Я допустила, что разговор со мной был слишком важным для него, и что ему не хотелось говорить о наших чувствах по телефону.

На следующее утро пришло письмо от него. Ронни сообщал, что мое послание приятно удивило его, и что он был рад улучшению моего самочувствия. (Улучшению? Я же не болела. Я уезжала в Испанию, чтобы составить компанию для моей тетушки. Интересно, какие еще сплетни распространяла обо мне Хонор?) Ронни хвалил меня за мудрость и правильное решение не делать скоропалительных выводов. Еще он утверждал, что не держит никакой обиды. (А по какой причине он мог бы обижаться на меня?) Письмо заканчивалось добрым пожеланием: он надеялся, что однажды, когда мое здоровье окончательно восстановится (вновь это предположение о каком-то непонятном недуге!), я обязательно найду свое будущее счастье. В постскриптуме он полагал, что Хонор уже рассказала мне о его помолвке с мисс Беннет, хотя сама церемония еще не проводилась публично. Он обещал, что когда я познакомлюсь с его невестой, мы вместе...

Прошло много времени — так иногда бывает в снах. Затем я услышала сердитый голос Хонор.

— Соберись, Салли, — раздраженным тоном сказала она. — Не позволяй всему этому начаться заново. В прошлый раз было хуже некуда.

— Меня расстроили слова Ронни, — ответила я. — Если это шутка...

— Конечно, шутка, — заверила меня сестра.

— Ты читала письмо?

— Как я могла бы прочитать его? Ты смяла лист в кулаке. Похоже, Ронни рассказал тебе о Тельме Беннет?

— Понимаешь, он думает, что я всерьез писала ему о нашей временной приостановке отношений. Эта мерзавка забрала себе Ронни, воспользовавшись моей оплошностью и его сердечной слабостью.

— Она ничем не пользовалась, — возразила Хонор. — Их неофициальная помолвка состоялась несколько недель назад. Все знают об этом.... кроме тебя. Мы пытались осторожно намекнуть тебе, но как-то...

— Я не ожидала, что он окажется таким непостоянным. Еще один случай на тему «с глаз долой, из сердца вон»! А все из-за того, что я добрая и безотказная... уехала в Испанию, чтобы скрасить одиночество тети Розы...

Я не могла продолжать. Мой язык стал таким толстым и большим, что больше не помещался во рту. Слова получались смазанными и неразборчивыми.

— Всем известно, что он собирался жениться на мне!

— Это было известно только тебе. И ты знаешь правду! Верно? Или ты снова будешь говорить, что все забыла?

— Я ничего не забыла! Ронни был мой! Как это можно забыть?

— Тогда вспомни реальную причину твоего отъезда в Испанию. Ведь тебе пришлось уехать очень быстро. Вспомни, как мать умоляла тетю Розу...

— Ты хочешь сказать, что вы пытались избавиться от меня? Великолепно!

Вскочив на ноги, я закричала:

— Мама! Мама!

Мать пришла, двигаясь, как те маленькие красивые птички... куропатки, наверное. Они такие быстрые, что кажется, будто у них имеются невидимые крылья.

— Салли, в чем дело? Хонор, надеюсь, ты не...

— Она получила письмо от Ронни, — унылым голосом ответила сестра.

— Что он написал?

— Парень рассказал ей правду.

— О, нет! Как он мог быть таким грубым?

— Когда-нибудь она должна была узнать... Особенно, после того, что случилось...

— И что же случилось? — закричала я. — Почему вы отправили меня в Испанию?

— У тебя был нервный срыв, — сказала мать.

— Из-за Ронни?

— Ну... да. Дорогая ты должна принять тот факт, что в жизни не всегда все складывается так, как нам хотелось бы. Мы знаем, какие чувства ты испытывала к Ронни...

— Слова! — сказала я с размашистым жестом.

Что-то разбилось — не знаю, что. Возможно, сама природа перешла на мою сторону.

— Я написала ему и сообщила, что отныне он свободен.

— Это было очень благородно, Салли. Я горжусь тобой. Не каждая девушка способна на столь храбрый поступок.

— Ах, мама, что толку в твоих утешениях? — вскричала Хонор. — Они не приведут нас ни к чему хорошему. Если бы Ронни не собирался жениться на Тельме, он все равно не взял бы Салли в жены. Ты и сама это знаешь, верно?

— Из-за того, что у меня был нервный срыв?

— Я говорила тебе, что она не должна возвращаться, — тихо буркнула Хонор.

— Но Роза написала, что больше не может..., — начала оправдываться мать.

Они говорили так, словно меня не было в комнате. Мне пришлось прерывать их диалог.

— Я схожу и повидаюсь с Ронни. Нам нужно объясниться...

— Он не будет объясняться с тобой, — сказала Хонор. — Ему и

одного шрама достаточно — на всю оставшуюся жизнь.

Я не знала, о чем она говорила. У Ронни не было шрамов. Он казался мне самым красивым мужчиной, которого я когда-либо встречала.

— Мы можем уехать в круиз, — вдруг предложила мама. — На два-три месяца. Только мы с тобой, моя девочка.

— Но я только что вернулась!

Быстрый взгляд на сестру подсказал мне их тайные помыслы.

— О, я понимаю, что происходит! Хонор не нравится мое присутствие. Но если ей не по душе жить со мной в одном доме, то пусть она и уезжает. У нее же имеется муж, не так ли?

Я вспомнила о вежливости и ласково добавила:

— Только не думай, что я прогоняю тебя. Просто помни, что это мой дом, в котором ты являешься гостьей.

Поднявшись наверх в свою комнату, я начала размышлять о сказанных словах. Не было ли мое поведение излишне эгоистичным? Мать действительно нуждалась в отдыхе. Я заметила, какой уставшей она выглядела. Мне следовало бы понять, что, говоря о возможном круизе, она на самом деле беспокоилась о своем здоровье. И я не винила ее. Хонор могла источить любой капающий камень. Что-то в этой фразе показалось мне неправильным. Ах, да! Это же вода точила камень.

В доме царила неестественная тишина. Казалось, что внезапно мы оказались в абсолютном вакууме. Вскоре Хонор вошла в комнату с подносом.

— Я принесла тебе ланч, — сказала она. — Можешь не спускаться вниз. У мамы приступ головной боли.

— Ей нужен свежий воздух. Я сожалею, что не поняла этого сразу. Обещаю, что вечером мы поговорим о возможном круизе.

— Ты хочешь сказать, что согласишься уехать вместе с мамой?

— Ах, дорогая! — со смехом ответила я, закатив зрачки вверх в лукавой манере. — С тобой-то она вряд ли поедет! Тебе следовало лучше заботиться о ней, пока я была в Испании. В ту пору мне приходилось присматривать за тетей Розой, и я физически не могла быть в двух местах одновременно.

— Я передам ей твои слова, — сдержанным тоном пообещала Хонор.

— Пусть лучше она услышит об этом от меня, — снисходительно ответила я. — Давай, не будем ждать, когда ланч остынет.

Моя речь была беспечной и легкой. Я чувствовала абсолютный контроль над ситуацией. О, бедная мама! Все эти недели она сидела взаперти вместе с Хонор. Не удивительно, что она была против моего замужества с Ронни. После того, как отец умер или ушел, или сделал что-то хуже этого, ей приходилось заботиться о благополучии семьи. От Хонор помощь была невелика — моя сестра вышла замуж очень рано. И когда я уехала в Испанию, мать осталась совершенно одна. Наверное, это ужасно быть женщиной, которая не может ни на кого опереться. Я впервые поняла, как ужасно мать нуждалась во мне.

Моя речь была беспечной и легкой. Я чувствовала абсолютный контроль над ситуацией. О, бедная мама! Все эти недели она сидела взаперти вместе с Хонор.

— Мистер Микобер, вы не будете покинуты*, — прошептала я и, увидев лицо Хонор, разразилась громким смехом.

Я заметила, что съела весь ланч только после того, как Хонор забрала пустой поднос. На мои слова о том, что не мешало бы вздремнуть, она согласно закивала головой — мол, они тоже хотели бы немного поспать.

— Хорошая идея! — похвалила я ее.

И тогда она ушла. Я долго выжидала, прежде чем приоткрыть дверь моей спальной. В доме было тихо... по-робкому тихо. Держа туфли в руках, я прокралась на лестничную площадку. Никто не вышел мне навстречу. Я спустилась вниз, не забыв о ступени, которая скрипела. Ноги сами понесли меня в сад по извилистой аллее.

Яркое солнце раскрашивало бликами розы, цветущие на круглых клумбах. У меня возникла новая идея, и я поспешно начала срезать цветы, пока в моих руках не оказался огромный букет. Девушка с картины Греза имела только голубя, подумалось мне, но я несла в ладонях целый сад. Если вы решили причинить кому-то горе — а как я могла отказать себе в этом? — действуйте обдуманно и нежно. И лучше всего, с розами в руках.

Я подошла к задним воротам и оглянулась на окна, наполовину ожидая увидеть отдернутую занавеску или чье-то лицо. К счастью, все было пронизано тем божественным летним покоем, который дарует нам надежду, что подобной будет и вечная жизнь.

*Фраза из романа Чарльза Диккенса «Жизнь Дэвида Копперфилда»

Обходя Маркет-стрит и используя боковые улочки, я быстро добралась до поместья Беннет. На их пруду был белый лебедь — неподвижный, с зеркальным отражением в воде. А я чувствовала себя привидением. Никто не обращал на меня внимания.

Я подошла к крыльцу, держа в руках розы, хотя часть их упала по пути. Наверное, кто-то заметил мое появление, потому что дверь открылась еще до того, как я позвонила в колокольчик.

— Букет для мисс Беннет, — сказала я, не поднимая взор. — Для мисс Тельмы Беннет.

— Для меня? — спросил голос.

Взглянув на нее, я убедилась, что это была девушка, которая гуляла вместе с Ронни.

— Для вас, — ответила я, передавая ей розы.

Несколько шипов зацепились за мои волосы, и мне понадобилось время, чтобы освободиться от них. Время роз! Поэт Суинберн* писал что-то об этом.

— В своем письме Ронни попросил меня встретиться с вами, — сказала я.

Мы пересекли холл и вошли в зал, обставленный изысканной мебелью. Ронни там не было. Я вздохнула с облегчением.

— Еще он хотел передать вам небольшое сообщение.

— Вы Сара Трент?

— Как вы догадались? — шутливым тоном спросила я.

Меня переполняло чувство легкости — чувство полной раскрепощенности. Казалось, еще мгновение, и я могла бы взлететь.

— Не сомневаюсь, что он рассказывал вам о нас. Знаете, мы с ним собирались пожениться.

— Нет, — тихим голосом ответила она, — Ронни не говорил мне об этом.

— Возможно, он и сам не знал. Понимаете, я написал ему, а потом порвала письмо.

— И теперь вы изменили решение?

Она выглядела, как Снежная королева — с бледным лицом, непоколебимая и прекрасная. Словно статуя изо льда! Однако ни

*Автор книги «Цветы зла»

один мужчина не захотел бы жить с холодной статуей. Вы можете поклоняться такой красоте... но как ее любить? А Ронни нуждался в любви.

Я попыталась объяснять ей это. Было видно, что мои красноречивые слова затронули ее каменное сердце.

— Вы говорили, что у вас имеется сообщение от Ронни, — напомнила она.

— Да. Он хочет, чтобы вы поняли свою ошибку. Он хочет, чтобы вы отпустили его на свободу.

— Но он не пленник, — возразила девушка. — Ронни всецело принадлежит самому себе.

— Вот тут вы не правы, — ответила я. — Он принадлежит мне. И если понадобится, я буду драться за него до смерти.

— Вы просто не понимаете, что говорите! — вспылила она.

Внезапно меня охватил ужасный гнев.

— Какие гадости Хонор рассказала тебе обо мне? А знаешь, почему она лжет? Из-за матери! Хонор хочет получить в наследство наш дом. Но она ленивая эгоистка! Пока я там живу, она может перекладывать всю ответственность на меня. Только... я не согласна.

Мне понравилось, как прозвучали последние слова, поэтому я повторила их снова.

— Я не согласна! Мне тоже хочется жить собственной жизнью. И я собираюсь жить вместе с Ронни.

Она приблизилась ко мне и спокойным голосом сказала:

— Положите эту вещь на место.

Я с изумлением заметила, что держу в руке серебренный нож для разрезания бумаг — нож с идеально заточенным лезвием.

— Спасибо, что вовремя предупредила меня, мисс Тельма Беннет. Зачем разрезать бумагу таким острым и опасным предметом? Не нужно оставлять его на столе.

— Да, я все поняла и обязательно уберу его в ящик секретера, — пообещала она, протянув ко мне ладонь.

У нее была красивая рука — с длинными пальцами, гибкая и на вид

обладавшая собственным разумом. Но ее рука предназначалась для игры на фортепьяно... а не для того, чтобы выхватить Ронни из моих объятий или контролировать меня.

— Вот видите!

Я слегка чиркнула кончиком лезвия по ее руке. Она попыталась выхватить у меня нож. Разве это не доказывает ее безумия? Ведь она сама только что говорила мне, каким острым был этот предмет. Внезапно из раны хлынула кровь. Меня всегда шокируют подобные картины.

— Что ты натворила? — закричала я, отводя нож за спину.

Она подходила все ближе. Кровь капала на пол. Я попросила ее держаться подальше от меня.

— Отойди, иначе пожалеешь!

Она хотела прижать меня к стене. Разве я не должна была защищаться? Мужчина, которого я видела позже в больнице — ну, того, кто не вел себя, как доктор — согласился со мной. Конечно, я должна была защищаться. Он сказал, что я поступила правильно. Я уверена, что он так говорил...

Одной из странностей снов является момент, когда вы понимаете, что спите. Вам кажется, что, сделав усилие, вы можете проснуться и убежать из плена сновидений. Но это понимание длится лишь долю секунды, и усилие должно быть очень огромным. К сожалению, если вы промедлите, точка невозврата будет пройдена, и вам придется жить во сне до окончания сюжета. К тому времени с вами случится что-нибудь плохое, и вы просто не сможете ничего исправить. Это как шрам. Кто-то говорил мне уже о шраме, но я не помню, кто именно... А в этом сне я так и не распознала судьбоносный момент, когда пробуждение было еще возможным. Похоже, меня слишком сильно затянуло в череду событий.

Открыв глаза, я не увидела Тельму Беннет. Она исчезла. И я находилась в комнате, в которой прежде никогда не бывала. Впрочем, это меня не удивило. В снах вы редко обнаруживаете себя в знакомых местах — еще одна фундаментальная странность.

В комнате с белыми стенами располагался бледно-зеленый камин. Еще тут стоял большой светлый шкаф

с блестящим металлическим ключом. На окне была установлена решетка. Сначала я не поняла, зачем им понадобилась решетка, но потом мне стало ясно, что она удерживала птиц. Через стекло я видела деревья, а там, где растут деревья, всегда летают птицы.

У людей много неверных представлений о птицах. Одни восхищаются мелодиями пернатых певцов; другие говорят, что щегол на Голгофе вытащил шип из брови нашего Владыки. Я слышала, что некоторые особи — кажется, малиновки — укрывают листьями детей, уснувших в лесу. Но все это не имеет отношения к реальности. Главным атрибутом птиц являются клювы, которыми они клюют, клюют, клюют. Некоторое время назад я смотрела фильм в «Одеоне» — о нападениях птиц. Хонор пришла в ярость, когда узнала об этом. «Теперь ты неделями будешь видеть кошмары», ворчала она, но я почти не слышала ее из-за шума птичьих крыльев. Казалось, что надо мной кружила эскадрилья реактивных самолетов. Когда я вышла из кинотеатра, шум крыльев еще долго звучал в моей голове.

Но все это не имеет отношения к реальности. Главным атрибутом птиц являются клювы, которыми они клюют, клюют, клюют.

Позже я заметила, как птицы полетели к форточке, которую кто-то оставил открытой. Я тут же вскочила с постели — ведь даже маленькие пернатые хищники могут быть очень опасными. Едва я потянулась к форточке, дверь распахнулась, и в комнату вбежала женщина — судя по полосатому халату и шапочке, горничная. Я не знала, кто тут кем был. Она подошла и схватила меня за руку.

— Что вы собирались предпринять?

— Хотела закрыть форточку.

— Этого делать нельзя! Вам нужен свежий воздух.

— Тогда оставьте дверь открытой.

Женщина сказала, что такая вольность была бы нарушением правил.

— Каких правил? Где я нахожусь?

— В клинике, естественно.

— Но я не больна.

Затем ко мне пришли воспоминания.

— Что она сделала со мной?

Просто удивительно! Раньше в снах я никогда не оказывалась в медицинских учреждениях.

— Она тоже здесь? Я имею в виду Тельму Беннет?

Женщина бросила на меня странный взгляд.

— Нет, — ответила она. — Мисс Беннет находится теперь в другом месте.

— Ее нужно посадить за решетку, — сказала я, сердито закивав головой. — Вы знаете, что она набросилась на меня с ножом в руке?

— Почему, по-вашему, она так поступила?

Я даже не заметила, как горничная уговорила меня вернуться в постель.

— Это все из-за Ронни. Я сказала ей, что она зря старается. Как можно навязываться в жены к парню, который хочет жениться на мне? К счастью, Ронни понял, какая она на самом деле.

Впрочем, это уже не имело значения, потому что он все равно не женился бы на ней.

— Скажите, а он здесь?

Я представила себе, как Ронни нервно мерил шагами малолюдные коридоры клиники.

— У вас сейчас не то состояние, чтобы принимать посетителей.

— Я чувствую себя нормально.

— Давайте дождемся решения доктора.

Женщина вышла и закрыла за собой дверь. И тогда я поняла, что она не сказала мне всей правды. Тельма была где-то рядом. Им приходилось запирать дверь на ключ, чтобы защищать меня от ее нападений. Они боялись, что я не смогу сохранять бдительность и днем и ночью.

Я сказала об этом доктору, когда он пришел повидаться со мной. Точнее, он не был похож на доктора: не задавал обычных вопросов, не измерял мой пульс и температуру. Мужчину интересовали только мои воспоминания о ссоре с Тельмой Беннет.

— А что там помнить? — раздраженным тоном ответила я. — Мне пришлось сказать ей, что она не выйдет замуж за Ронни, и тогда

эта истеричка схватила ножницы и набросилась на меня.

— Ножницы?

— Нет, кажется, это был нож для резки бумаг. Я предупредила ее, что он очень острый. Такие предметы не нужно оставлять на столе.

— И что случилось потом?

Внезапно я ужасно устала и начала зевать.

— Какая разница? Это только сон, и он уже почти закончился. На самом деле такой девушки, как Тельма Беннет, никогда не существовало.

Когда я это сказала, ко мне вернулось изумительное чувство легкости. Такова чудесная природа снов: однажды вы освобождаетесь от них и понимаете, что терзавшие вас, кошмарные события никогда не случались. В реальности я никогда не видела Ронни, шагавшего по Маркет-стрит с незнакомой мне женщиной. Я никогда не посещала поместье Беннет с охапкой роз в руках... о чем даже немного жалею, потому что это было действительно красивое зрелище. Одним словом, все то, что мучило меня и доводило до края бездны, отныне было неважным, так как никогда не происходило.

Мой восторг был таким чистым и большим, что я засмеялась.

/

Потом был период темноты, похожий на тайный проход, соединявший сферы нереальности с повседневным миром. Выйдя из тьмы, я оказалась в постели. Но теперь меня не страшили отголоски сна, потому что это была моя кровать. Открыв глаза, я увидела новые обои с махровыми розами и музыкальную шкатулку с поющей птицей. Интересно, куда они подевали моего котика? За окном покачивались знакомые деревья. Со сладким вздохом я перекатилась на бок и протерла глаза.

И тогда все вернулось: белые стены, бледно-зеленый камин, шкаф с блестящим ключом и железная решетка.

— Проснись, — неистово сказала я себе. — Проснись! Проснись!

Очевидно, все-таки возможно так глубоко войти в сон, что оттуда нельзя уже выбраться. И тогда кто-то приходит и забирает себе ваше бессознательное тело — забирает и не позволяет уйти, как было с той девушкой, которая заснула в шезлонге, и с ней случилось что-то ужасное. Забавно, но я не помню, что именно.

Наверное, я закричала, потому что дверь открылась и вошла медсестра. Теперь я знала, что она была медсестрой, а не горничной.

— Этот шум не позволителен, — авторитарным тоном заявила она. — Вы мешаете другим пациентам. Если вам приснился кошмар...

— Так и есть, — рыдая, ответила я. — Заставьте меня проснуться! Почему вы не хотите пробуждать меня?

Я схватила запястье женщины, хотя и не думала царапать ее. Она резко отдернула руку.

— Вы уже проснулась, юная леди. Осмотритесь вокруг. Вы находитесь в той же комнате, не так ли?

— Это не моя комната, — закричала я между рыданиями. — Пусть она изменится. Вы слышите меня? Заставьте ее поменяться!

— Я не могу сделать этого, — ответила медсестра, опуская рукав на красные царапины.

Наверное, позже она говорила, что я напала на нее, как сумасшедшая.

— Мы же не волшебницы. И что не так с этой комнатой? Узнав, что вы боитесь птиц, мы установили цинковый козырек над окном. Теперь сюда не залетит даже муха. Вы в полной безопасности. И тут к вам будут относиться лучше, чем в любом другом месте.

Тон ее голоса предполагал, что она говорила это не только мне, но и кому-то другому.

Женщина вышла и заперла дверь на замок. Перед уходом она сказала, что принесёт мне снотворное. Однако я не хотела спать. Сон — это враг. Если бы я не уснула в тот момент, когда увидела Ронни, то не заблудилась бы во сне. Теперь мне ясно, что сон является входной дверью. И, значит, где-то должна быть дверь наружу.

Но если выхода не существует, то что мне делать дальше?

ГРЭХЕМ МАСТЕРТОН

2003

ПОД-КРО-ВАТЬЕ

ГРЭХЕМ (ГРЭМ) МАСТЕРТОН (GRAHAM MASTERTON)
16 ЯНВАРЯ 1946, Эдинбург

Популярный британский писатель, известный как автор романов ужасов

Как только мать закрывала дверь его спальной, Мартин зарывался с головой под одеяла. Для него это было одним из лучших периодов дня. В такие теплые часы между явью и сном неудержимое воображение уносило его почти куда угодно.

Иногда он лежал на спине с подтянутыми к носу одеялами и с подушкой на голове — так, чтобы только глаза смотрели наружу. Это была игра в астронавта, где подушка служила ему шлемом. Его путешествия растягивались на многие искрящиеся световые годы. Он пролетал так близко от Юпитера, что мог видеть бури, бушевавшие на поверхности планеты. Затем его целью становился холодный зеленый Нептун, а за ним и Плутон. Некоторыми ночами Мартин преодолевал такие расстояния, что уже не мог вернуться на Землю. Он дрейфовал все дальше и дальше во внешнее пространство, пока не превращался в крохотное пятнышко, мерцание которого погружало его в сон.

В другие времена он был капитаном немецкой подводной лодки, потерпевшей аварию в тысячах футов ниже поверхности океана. Ему приходилось метаться по узким затемненным коридорам, открывая запорные краны, пока со всех сторон струилась вода, и единственным средством спасения оставалась торпедная камера, до которой еще предстояло добраться. Но, в конечном счете, он все же поднимался на поверхность и судорожно хватал ртом свежий и прохладный воздух спальной.

Затем он подползал к самому краю кровати, где простыня и одеяла собирались складками в плотные слои. Он был шахтером, пробивавшимся через узкие расщелины, с миллионами тонн каменноугольных скал, нависавших над его головой.

Мартин никогда не брал с собой в постель фонарик. При свете можно было увидеть, что внутри его космического шлема не имелось циферблатов, датчиков или дыхательных патрубков; что на клапанах и металлических узлах подводной лодки отсутствовала смазка; и что черный угольный пласт, который он так отчаянно бурил, представлял собой ничто иное, как чистую белую простыню.

Раннее этим вечером он смотрел телевизионную программу о спелеологии, и теперь ему не терпелось испробовать новую тему в своих приключениях. Мартин

планировал стать командиром подземной спасательной команды, которой поручили найти парня, застрявшего в узкой расщелине. Выполняя задание, он должен был пройти по нескольким взаимосвязанным тоннелям шахты, затем преодолеть зумпф — отстойник, заполненный водой — подняться на другой стороне к очередному лабиринту подземных проходов и найти небольшую пещеру, в плену которой находился незадачливый юноша.

Мать Мартина сидела на краю кровати и продолжала затянувшийся разговор. В течение двух следующих дней ему предстояло вернуться в школу. Она с грустью говорила, как сильно опечалена разлукой с ним. Он знал, что тоже будет скучать о ней, их золотому ретриверу Тигги и тому, что останется здесь — на Хоум Хилл. И больше всего он будет скучать о своих приключениях под одеялами. Вы не можете зарываться в постельное белье, находясь в общей спальной школьного корпуса. Иначе вас задразнят одноклассники.

Он всегда считал свою маму красавицей. Этот вечер не был исключением, однако сейчас Мартину хотелось, чтобы она ушла и позволила ему исследовать тему спелеологии. В следующем апреле ей должно было исполниться тридцать три года — факт, который делал ее красоту еще более впечатляющей, хотя Мартин находил такой возраст почти доисторическим. Маме его лучшего друга тоже было тридцать три, но она выглядела, как старая леди.

Ему нравились черные, коротко подстриженные волосы матери, ее доброе округлое лицо без единой морщинки и темно-коричневые глаза, всегда источавшие любовь. Каждый раз перед его возвращением в школу она становилась грустной и печальной. Мартин просто еще не понимал, какую сильную боль причиняла ей разлука с ним: как часто после отъезда сына она сидела на его кровати, с руками, прижатыми к губам, и с глазами, полными слез.

— В четверг приедет твой отец, — произнесла она. — Папа хочет прогуляться с нами перед тем, как ты отправишься в школу. Куда тебе хотелось бы пойти?

— А мы можем сходить в то китайское заведение? Где дают сухие печенья с предсказаниями?

— К Пангу? Конечно, можем! Папа тревожился, что ты выберешь Макдональдс.

Она встала и поцеловала его. На миг их лица сблизились. Знал бы он, как сильно походил на нее! Они смотрели друг на друга, словно в зеркало. Наверное, он заметил бы это сходство, если бы был женщиной, и, возможно, мать тоже увидела бы его, если бы была мальчиком. Со стороны они выглядели двумя различными

проявлениями одной и той же персоны, и это создавало между ними тайную близость, которую другие люди не могли понять.

— Спокойной ночи, — сказала она. — Сладких снов.

Мать прикоснулась к его голове, как будто чувствовала, что с ним должно было случиться нечто важное — событие, которое навсегда унесет его за пределы ее досягаемости.

— Спокойной ночи, мама, — ответил Мартин и поцеловал ее в щеку, которая казалась мягче всего остального, к чему он когда-либо прикасался в своей жизни.

Она закрыла дверь.

Какое-то время мальчик лежал на спине и, глядя в потолок, прислушивался к звукам дома. Крохотная полоска света под верхней планкой дверного косяка не позволяла темноте воцариться в комнате и, озаряя белый бумажный фонарь, висевший над кроватью, придавала ему вид огромной планеты (которой он часто бывал). Мартин оставался неподвижным, пока не услышал, что мать закрыла дверь гостиной. Тогда, забравшись под одеяла, он приложил руку ко рту, будто та была микрофоном.

— Подземная спасательная команда номер три готова к выполнению задания.

— Приветствуем вас, подземная спасательная команда номер три. Мы рады, что вы отозвались на вызов! Один парень застрял в расщелине на глубине 225 метров. Это так называемый Локоть Легга. Он находится неподалеку от Дьявольского угла. Юноше семнадцать лет. Он получил серьезное ранение.

— Штаб, мы вас поняли. Немедленно отправляем специалиста в шахту.

— Это должен быть ваш лучший человек! Там очень опасно. Начался дождь, и вскоре все пещеры будут затоплены. В лучшем случае, у вас только час на выполнение задания.

— Не волнуйтесь. Мы справимся. До связи.

Мартин занялся снаряжением. Термальное нижнее белье, водонепроницаемый комбинезон, куртка, ботинки, рюкзак и защитные очки. Любой сторонний наблюдатель увидел бы под одеялами лишь извивающийся бугорок с мальчишескими формами. Но к тому времени, когда Мартин облачился в походную одежду, он был полностью готов к прохождению

узких подземных лабиринтов в районе Дьявольского угла.

Его последнее радиосообщение было следующим:

— Штаб, прием? Я приступаю к миссии.

— Будьте осторожны, спасательная команда номер три. Дождь становится сильнее.

Мартин высунул голову из-под одеял и вдохнул прохладный воздух спальной. Затем он начал спуск по первой расщелине, которая вела к подземным пещерам. Каменный свод нависал над ним опасно низко, поэтому ему приходилось передвигаться по-пластунски — на локтях — как коммандос. Вскоре рукав куртки порвался о выступ скалы. Мартин порезал щеку, но, будучи истинным героем, он просто вытер кровь тыльной стороной ладони и двинулся дальше.

Ему предстояло добраться до узкого поворота расщелины, который в реальности был окончанием матраца. Там, лежа на боку, он должен был пробраться в створ шахты — до спинки кровати и, поднимаясь дюйм за дюймом к перекладине, свернуть за угол, чтобы пройти по металлической раме до другого края постели.

Воздух в пещерах становился все более удушающим. Мартин изнывал от жары. Но он знал, что должен продолжить миссию. Парень, застрявший в Локте Легга, рассчитывал на него, как и остальная подземная спасательная команда номер три. Весь мир затаил дыхание, с тревогой ожидая, когда он вернется обратно.

Парень, застрявший в Локте Легга, рассчитывал на него, как и остальная подземная спасательная команда номер три.

Мартин изогнулся, перелезая на наружную сторону спинки. Когда он достиг зумпфа — отстойника для сточных вод — его пальцы кровоточили от глубоких царапин. Перед ним располагалась десятиметровая часть шахты, затопленная черной ледяной водой. С тех пор, как эти пещеры были открыты, здесь утонуло пять проходчиков тоннелей — причем, двое из них считались специалистами высшего класса. Отстойник был не только затоплен! В его средней части имелся узкий изгиб, с острыми скалистыми выступами, которые запросто могли зацепиться за пояс или рюкзак исследователя. На мгновение Мартин замедлил движение, но затем, вдохнув спертый воздух пещеры, нырнул в ошеломляюще холодную воду.

Используя ровные и мощные гребки, он плыл по затопленной шахте, пока не достиг рокового изгиба. С трудом удерживая дыхание, Мартин обогнул массивный выступ и начал протискиваться между двух сужавшихся стен. Он почти преодолел препятствие, когда одна из лямок рюкзака зацепилась за край выступавшей скалы. Опытный спасатель просунул руку за спину, пытаясь высвободить лямку. Однако та не поддавалась. Он изогнулся в другую сторону, но петля зацепа затянулась еще туже.

От долгой задержки дыхания у него болели легкие. Он в отчаянии сунул руку в карман и вытащил складной нож. Разложив лезвие, Мартин попытался разрезать натянувшуюся лямку. Два первых взмаха не достигли цели. Третье движение рассекло капроновый ремень до середины. От напряжения его глаза выпячивались из орбит. Он выпустил изо рта воздух, с трудом не позволив воде попасть в легкие. Еще один взмах руки, и лямка, наконец, освободилась.

Мартин оттолкнулся двумя ногами от выступа стены и поплыл на максимальной скорости. Он добрался до другого края зумпфа и вынырнул из воды, жадно вдыхая прохладный воздух подземелья.

Преодолев отстойник, он понял, что впереди его ожидали новые опасности. Дождевая вода уже начинала проникать в систему пещер. Мартин слышал, как она вырывалась из трещин и хлестала в узкие проходы. Меньше чем через полчаса вся шахта будет затоплена, и он не сможет вернуться назад.

Высота расщелины сократилась до 30 сантиметров. Он продвигался ползком, задыхаясь от усталости и боли в оцарапанных пальцах. Перед ним маячил темный вход в так называемый Дьявольский угол. Дальше, всего в нескольких метрах находился Локоть Легга.

Дождевая вода сочилась с низкого потолка и стекала по стенкам прохода. Мартина это мало беспокоило. Он уже промок до нитки. Пробравшись в Дьявольский угол, отважный спасатель дополз до вертикального спуска в пещеру, называемую Локтем Легга. Он осмотрел ее, пытаясь увидеть раненого парня.

— Эй! — позвал он. — Тут кто-нибудь есть? Ты слышишь меня? Я пришел забрать тебя отсюда!

Мартин прислушался, но ответа не последовало. Не было даже воображаемого ответа. Стараясь заглянуть в расщелину, он склонился еще ниже. Его взору предстали лишь острые камни. Никто не плакал; никто не звал на помощь. Ни одно бледное и испуганное лицо не смотрело на него с восторженной благодарностью.

На самом деле он дополз до края матраца и перегнулся через вал скомканных одеял.

Оставалось очень мало времени. У него был выбор: спуститься в Локоть Легга, чтобы попытаться найти затерявшегося парня, или, отказавшись от миссии спасения, вернуться назад. Примерно через двадцать минут все подземные пещеры будут затоплены. Любой человек, задержавшийся здесь, найдет свою смерть под водой.

Он решил рискнуть. Спуск и осмотр пещеры займет семь-восемь минут, затем еще пять на подъем и путь до отстойника. На другой стороне зумпфа узкий проход начнет круто подниматься к поверхности. Это позволит ему выбраться наружу, прежде чем шахта заполнится водой.

Перебравшись через край откоса, он начал дюйм за дюймом спускаться по вертикальной стене. Его руки и ноги, в любой момент готовые соскользнуть с выступавших камней, дрожали от усилий. Внезапно он почувствовал, как целый пласт глиняного откоса пришел в движение. Этот медленный неумолимый оползень вызывал в его уме ужасную картину: весь мир вокруг Мартина распадался на части. Упав в Локоть Легга, он мог оказаться в ловушке под завалом — как раз в то время, когда все больше дождевой воды поступало в подземные пещеры.

Задыхаясь от напряжения, он цеплялся за податливые бугорки размокшей стены. Будь у него такая возможность, он повернул бы назад. Но внезапно все полетело вниз: одеяла, простынь, пласт глиняного откоса... Погребенный заживо, он оказался на дне пещеры.

На миг его сковала паника. Он едва мог дышать. Затем, подтягивая к себе комья упавшего грунта, Мартин начал прокладывать путь вглубь расщелины. Где-то должен быть выход. Если он проберется в нижние пещеры, то, возможно, спустится к подножию холма и найдет какую-нибудь лисью нору. Подойдет любая трещина, ведущая наружу. Если дождевая вода проникает через известковую породу, то, конечно, он тоже сделает это.

Сдвинув в стороны большие комья и глыбы, Мартин принялся разгребать песок и мелкую породу. Он набирал грунт большими охапками и подминал его под себя, пока, наконец, не почувствовал приток свежего воздуха. Сквозняк в расщелине подсказывал нужное направление. Он на четвереньках выполз из Локтя Легга и оказался на морском берегу. Жемчужно-серый день был на исходе, но солнце, еще не ушедшее за горизонт, раскрашивало волны яркими бликами. Мартин оглянулся и увидел за собой лишь мили и мили серой равнины с пучками жесткой травы. Ему как-то удалось выбраться из-под них... словно из-под тяжелого одеяла.

Он встал и стряхнул пыль с одежды. На нем по прежнему были горные ботинки, водонепроницаемый комбинезон и теплая куртка. Мартин порадовался этому, потому что ветер, хотя и не сильный, нес с собой прохладу океана. Над ним летали белые чайки. Они не хныкали и не кричали, а просто кружились и кружились, и в их безжалостных глазах угадывалась алчность акул. В песке у его ног виднелись обломки радужных раковин.

Какое-то время он не мог решить, что делать дальше. Наверное, если бы он снова вкопался в песок, перед ним открылся бы путь к знакомым пещерам. Но в данный момент Мартин находился на пустой равнине без видимых точек входа в подземный лабиринт. Кроме того, расщелина, через которую он выбрался на поверхность, густо заросла травой, и теперь ее не было видно.

Он доставал из лодки жирные треугольные рыбины и нанизывал их на бечевку. Его улов искрился, сияя всеми цветами радуги.

Может, немного пройтись, подумал Мартин. Поискать дорогу или какой-нибудь дом? Или указатель, чтобы понять, куда он попал?

Затем, немного в отдалении — на линии, где небо встречалось с морем — он увидел небольшую рыбацкую лодку, которая направлялась к берегу. У нее был красновато-коричневый треугольный парус, как на старомодных акварельных картинах. Мартин направился к лодке — сначала, не торопясь, а потом, оценив расстояние, быстрым шагом, а то и бегом. Его комбинезон шуршал и поскрипывал; ботинки оставляли на песке глубокие следы. Морские чайки по-прежнему держались вровень, назойливо кружась над головой.

Примерно через двадцать минут он подошел к рыбацкой лодке, которая к тому времени уже была на берегу. Рядом с ней на коленях стоял белобородый мужчина в штормовке оливкового цвета. Он доставал из лодки жирные треугольные рыбины и нанизывал их на бечевку. Его улов искрился, сияя всеми цветами радуги. Некоторые рыбы, еще живые, раздували жабры и размахивали хвостами.

Мартин, сохраняя молчание, остановился в нескольких ярдах. Вскоре мужчина отвлекся от рыб и посмотрел на него. Он был красивым в старомодном стиле. Точеные черты лица, как у Чарльстона Хестона. Голубовато-серые глаза — цвета неба в мрачный день. Он был похож на какого-то знакомого, хотя Мартин не мог припомнить, на кого именно.

Неподалеку, скрестив ноги, на мотке веревки сидел худощавый мальчик, одетый в плащ с капюшоном.

Он играл на флейте грустную мелодию. Его запястья были такими тонкими, а музыка — настолько печальной, что мотив воспринимался почти как плач.

— Наконец-то, ты пришел, — сказал мужчина с глазами небесного цвета. — Мы ждали тебя.

— Меня? Почему?

— Ты проходчик туннелей, верно? Ты специалист по подземным поисковым операциям.

— Да, я разыскивал одного парня. Мы думали, что он застрял в Локте Легга, но теперь... Я не знаю, что мне делать. Вся шахта затоплена водой. Там начались оползни.

— То есть, ты считаешь, что выбрался из подземелья?

— Я в этом уверен.

Мужчина встал, и его прорезиненный плащ заскрипел. От свежепойманных рыб — возможно, от слизи на их чешуе — исходил сильный запах.

— Это был единственный путь сюда. Ты опытный проходчик туннелей, и нам нужна твоя помощь. Что ты думаешь о моем улове?

— Я таких рыб раньше не видел.

— На самом деле это не рыбы. Не в прямом смысле слова. Они, скорее, идеи.

Он приподнял одну извивавшуюся рыбину. Мартин увидел, что это действительно была идея: идея о гневе на людей, которых ты любишь, но не можешь успокоить словами о своей любви. Затем мужчина приподнял другую рыбу; и это была новая идея. Блестящая идея о числах: что метраж можно измерять по скорости света. И если свет сжать в одну точку, то расстояние... Смысл подобной концепции был очень пугающим.

Мартин не понимал, как радужным существам удавалось быть идеями и рыбами. Однако они совмещали в себе эти качества, и некоторые из них казались такими странными и прекрасными, что он стоял и чувствовал, будто вся его жизнь перевернулась вверх ногами.

Солнце клонилось к горизонту. Маленький мальчик отложил флейту и помог рыбаку собрать снасти. Седобородый мужчина дал Мартину большую плетеную корзину, наполненную катушками с леской и синими стеклянными поплавками.

— Если мы хотим попасть домой до темноты, нам следует прибавить шагу.

Какое-то время они шли, сохраняя молчание. Ветер гнал по берегу песчаные полосы, похожие на шипящих змей. Морской прибой за их спинами напоминал отдаленные аплодисменты восторженной публики. Выждав около четырех-пяти минут, Мартин задал вопрос:

— Зачем вам нужен проходчик туннелей?

Рыбак бросил на него косой взгляд.

— Ты можешь не верить мне, но существует другой мир, отделенный от нашего. Это место находится рядом с нами, и оно напоминает пространство, которое ты видишь в зеркале... по сути, тот же самый мир, однако кое в чем иной.

Тут нечего объяснять. Под одеялами скрывается иной мир. Некоторые люди могут находить его, другие — не могут. Я полагаю, это зависит от воображения.

— А при чем здесь прохождение туннелей?

— Потому что это единственный способ проникнуть в тот мир. Тебе нужно будет лечь в кровать и переползти на другую сторону.

Мартин замер на месте.

— О чем вы говорите, черт возьми? Какая кровать? Я проникаю в пещеры и шахты, а не ползаю в кровати.

— Здесь нет никакой разницы, — ответил рыбак. — Пещеры, кровати... Всё одно и то же... Пути и туннели, ведущие через что-то еще.

Мартин снова зашагал вперед.

— Вы не могли бы пояснить свои слова?

Солнце опустилось к горизонту. Их тени походили на гигантов с ногами-ходулями и удаленными крохотными головами.

— Тут нечего объяснять. Под одеялами скрывается иной мир. Некоторые люди могут находить его, другие — не могут. Я полагаю, это зависит от воображения. У моей дочери Леоноры всегда было богатое воображение. Она любила прятаться под одеялами. Ей нравилось представлять себя пещерной дикаркой в доисторические времена или краснокожей скво в индейском вигваме. Месяц назад она сказала мне, что нашла другой мир — прямо под кроватью. Она видела его, но не знала, как пробраться туда.

— Она описала этот мир?

Рыбак кивнул головой.

— Дочь говорила, что он темный — очень темный, с густыми колючими кустами и огромными ветвистыми деревьями. Она клялась, что видела тени, сновавшие вокруг. Эти тени могли быть животными — например, волками — или горбатыми людьми, одетыми в черные меховые накидки.

— Вряд ли кто-то захотел бы попасть в такой мир.

— Мы не знаем, хотела ли Леонора попасть туда. Хотя, наверное, хотела. Два дня назад моя жена вошла в спальную дочери и обнаружила пустую кровать. Сначала мы подумали, что девочка сбежала. Но в нашей семье не было ссор, и Леонора не имела причин для бегства. Распутав одеяла, мы увидели, что нижняя часть простыни была располосована, словно какое-то животное порвало ее когтями.

Он замолчал и затем, прочистив горло, добавил:

— Еще мы нашли кровь. Не очень много. Возможно, девочка поцарапалась о шипы колючего куста. Или ее укусила тварь из другого мира.

Они подошли к невысокому травянистому холму и начали подниматься по пологому склону. На другой стороне располагались три коттеджа: два с белыми стенами, третий — с розовыми. В окнах горел свет. Вокруг домов были развешены рыбацкие сети.

— Вы пробовали пойти за ней? — спросил Мартин.

— Да. Но ничего не получилось. У меня не хватило фантазии. Я видел на ее постели только подушки и одеяла. Понимаешь, я рыбак! Вылавливаю в море рациональные идеи: для астрономии, социологии или физики. Однако мне не удается вообразить Подкроватье. Я не могу попасть туда.

— Подкроватье?

На лице рыбака появилась мрачная усмешка.

— Так моя дочь называла тот мир.

Подойдя к коттеджу, они опустили с плеч корзины и снасти. Кухонная дверь открылась. На крыльцо, вытирая руки о цветастый передник, вышла женщина. Ее белокурые волосы были заплетены узлом на макушке головы. Она выглядела очень красивой — в той странной невыразительной манере, словно была не реальной женщиной, а образом, изображенным на картине.

— Ты вернулся, — сказала она. — А это проходчик туннелей?

Рыбак по-дружески похлопал Мартина по плечу.

— Да. Ему полагалось прийти, и он, как видишь, здесь. Парень может начать ее поиски сегодня же ночью.

Герой подземелий хотел возразить, но женщина, подойдя к нему, взяла его за руки.

— Я знаю, ты сделаешь все, что сможешь, — сказала она. — Благослови тебя Господь за то, что ты пришел к нам на помощь.

Тот вечер они провели в гостиной. Мартина угощали холодным сидром и сочным рыбьим пирогом с хрустящей картофельной корочкой. Рыбак с женой почти все время молчали, но не сводили глаз с желанного гостя. Возможно, они боялись, что он исчезнет в сумеречном воздухе.

Незамысловатые деревянные часы громко тикали на каминной полке. Рядом на соседней стене висела акварельная картина с домом, который Мартин уже где-то видел. Там, в саду, спиной к нему стояла женщина. У него не было сомнений, что, если бы она повернулась, он тут же узнал бы ее.

В комнате имелись и другие знакомые предметы искусства: большой зеленый глиняный кувшин, ароматическая свеча в форме маленького коттеджа и китайский котик, смотревший на него с улыбкой. Мартин никогда здесь не был, и он не понимал, почему обстановка гостиной выглядела настолько привычной. Возможно, от усталости он испытывал эффект дежавю?

После ужина они какое-то время

сидели у камина, и хозяин дома рассказывал, как он ежедневно ловит рыбы-идеи. В глубоких водах узкого пролива плавали большие косяки теоретических концепций и потрясающих гипотез.

— Это страна идей, — произнес он будничным тоном. — Даже ласточки и дрозды, летающие в небе, представляют собой, чьи-то мелкие эксцентричные мысли. Поймав такую птицу, человек вдруг вспоминает нечто ранее забытое или маленькие сладкие размышления, которых прежде не было в его жизни. С другой стороны, ты пришел из страны действий, где люди совершают поступки, а не просто обсуждают их возможность.

— А Подкроватье? Что это за страна?

— Не знаю. Страна страха, я полагаю. Страна темноты, где все всегда идет не так.

— И вы хотите отправить меня туда на поиски вашей дочери?

Жена рыбака подошла к каминной полке и, взяв фотографию в рамке, стоявшую там, без слов передала ее Мартину. На снимке изображалась юная белокурая девушка, одетая в тонкое летнее платье. Светлоглазая и пленительно милая, она стояла на морском берегу, и ее босые ступни утопали в золотистом песке. Вдали, в бескрайнем небе, застыла стая птиц, и, глядя на нее, Мартин подумал о «маленьких сладких размышлениях», которых у него раньше не было.

Вздохнув, он вернул фотографию.

— Хорошо, — сказал проходчик туннелей. — Я попытаюсь найти ее.

Прежде всего, спасение людей было его работой. Ему не удалось найти парня, застрявшего в Локте Легга, но, возможно, он восстановит свою репутацию, вернув домой пропавшую девушку.

За час до полуночи ему показали комнату Леоноры. Это была маленькая скромная спальная, с туалетным столиком, заставленным куклами и мягкими игрушками. У стены располагалась деревянная кровать, над которой висела гравюра со старой парковой оградой. Мартин, нахмурившись, присмотрелся к картине. Изображенный на ней парк казался очень знакомым. Возможно, он ходил по этой аллее когда был ребенком. Неужели он и раньше посещал страну идей?

Жена рыбака закрыла на окнах красные полосатые занавески и сложила на постели одеяла.

— Я мог бы использовать ту простыню, которая была на кровати в момент исчезновения вашей дочери? — спросил Мартин.

Женщина кивнула головой и открыла небольшой сосновый сундук, стоявший у подножия кровати. Она вытащила из него сложенную белую простыню и развернула ее. Один конец был разорван на зазубренные полоски, словно он попал в шестеренки вращавшегося механизма или оказался растерзанным крупным животным размером с тигра.

— Сама она такого не сделала бы, — произнес рыбак. — Не смогла бы сделать.

— Возможно, вы правы, — ответил Мартин. — Но если это не она, то кто порвал простыню?

/

Около полуночи он лег в постель. На нем была длинная белая пижама, позаимствованная у хозяина дома. В комнатах коттеджа воцарилась темнота. Рама подъемного окна тревожно дребезжала под порывами ветра, и казалось, что кто-то пытался проникнуть внутрь. За дюнами шумели волны. Мартин всегда считал, что в мире не существовало ничего более одинокого, чем ночное море.

Он еще не решил, насколько сильно можно было верить в Подкроватье. Он даже не знал, как относиться к стране идей. Возможно, она просто снилась ему. Но сны обычно менее реальные. А здесь он чувствовал жесткость деревянной кровати, и подушки были правдоподобно мягкими. И еще он только что повесил на спинку стула свою походную одежду.

Мартин неподвижно лежал на спине почти пятнадцать минут. Затем он перевел взгляд на спинку кровати. В худшем случае, если Подкроватья не существует, он проведет какое-то время в душном и жарком пространстве под одеялами. Подтянув их края к подбородку, проходчик туннелей создал точку входа и нырнул туда.

Он тут же оказался в торфяной пещере, стены которой были густо увиты корнями деревьев. В ноздри ударил терпкий запах плесени и мокрых листьев. Очевидно, он проник в лабиринт переходов под настом леса. Тут было непроглядно темно. Корни цеплялись за волосы и царапали его лицо. Он с омерзением чувствовал, как по его рукам сновали черные тараканы, которые настойчиво пытались заползти за воротник. На нем больше не было ночной пижамы. Ее заменили прочные джинсы и фланелевая клетчатая рубашка.

Преодолев полсотни метров, он втиснулся в узкое пространство под корневищем огромного дерева. Большая часть ненадежного свода уже сильно подгнила. Пробивая путь через цеплявшиеся отростки, Мартин с тревогой осознавал, что дерево весило несколько тонн. Если он потревожит уцелевшие остатки корневища, ствол может пробить потолок подземной пещеры и раздавить его своим весом. Он разгребал руками торф и землю. В какой-то момент его пальцы наткнулись на податливую вязкую плоть. Это был разложившийся труп барсука. Наверное, животное застряло между корней при неожиданном проседании грунта. Задыхаясь от тошноты, Мартин замер на пару секунд, но затем услышал громкий треск дерева. Комья сырого торфа посыпались на его голову и шею. Опытный проходчик туннелей знал, что если не выберется отсюда, то вскоре будет погребен заживо.

Извиваясь всем телом, он выскользнул из узкого прохода, развел руками густую занавесь волосатых корней и оказался на небольшой лесной прогалине. Ночь встретила его предрассветным холодом. Изо рта при дыхании вырывались клубы пара. Ему вспомнилось, как зимой по утрам он с друзьями ожидал школьный автобус, и как они делали вид, будто курят папиросы. Вот только когда это было? Вчера или месяц назад? Или с той поры прошли уже годы?

Во всяком случае, теперь он стоял на поляне. На небе не было луны, однако деревья вокруг него освещались слабой феерической фосфоресценцией. Возможно, подумал он, где-то рядом совершил посадку инопланетный корабль. Мартин представил себе их огромный звездолет, со множеством кают и коридоров, где даже опытный механик мог блуждать месяцами, петляя среди угловатых переборок в невероятно узких служебных проходах.

Лес удивлял своим безмолвием. Ни трескотни насекомых, ни шелеста ветра среди качавшихся ветвей. Единственным звуком был шорох его шагов, пока он осторожно пробирался через кусты куманики, не зная, в какую сторону идти. Тем не менее, Мартин чувствовал, что выбрал правильное направление. Он ощущал почти неуловимое притяжение — словно некое магнитное поле направляло его, как стрелку компаса. Он все дальше и дальше проникал

в страну Подкроватья: в страну клаустрофобии и безвоздушного пространства; в страну, в которой многие люди просто не могли бы дышать. Но для него она являлась местом уединения и полной безопасности.

Ветви деревьев над его головой были так плотно переплетены, что он не видел неба. Возможно, выше крон тлел серый и унылый день, но здесь, в лесу, всегда царила ночь.

Примерно полчаса мальчик шел, спотыкаясь о корни. Он часто останавливался, напрягая слух, однако лес сохранял молчание. Вскоре Мартин заметил за деревьями бледное мерцавшее пятно — прямо у самого уголка его глаза. Он замер на месте, затем повернулся вокруг, но мерцание исчезло, как будто его и не было.

— Здесь кто-нибудь есть? — крикнул он.

Его голос быстро угас в густой темноте окружающих деревьев. Ответа не последовало, но Мартин услышал шуршание сухой листвы и тихий звук сломавшейся ветки. И еще он был уверен, что уловил чье-то дыхание.

Он двинулся дальше, мельком отслеживая бледную фигуру, которая кралась за ним. Она напоминала подвешенный на шесте бумажный фонарь, скользивший между деревьями на самой грани доступного обзора. И хотя фигура умело скрывалась в темноте, производимый ею шум становился все более громким. Мартин слышал ее затрудненное дыхание и отчетливые шаги на мягкой подстилке леса.

Внезапно что-то вцепилось в рукав его рубашки — судя по треску ткани, чья-то когтистая лапа. Он быстро развернулся и едва не потерял равновесие. Рядом с ним в фосфоресцирующем мраке стояла девушка шестнадцати-семнадцати лет. Очень стройная и с абсолютно белой кожей. Ее дико распущенные волосы напоминали солому и были зачесаны в огромное птичье гнездо, украшенное колючками, остролистом, мхом и блестящими ягодами каштанового цвета. Радужная оболочка глаз выглядела угольно-серой. То были глаза ночи, с черными зрачками — глаза, которые видели в темноте. Симпатичное, хотя и истощенное от голода лицо производило гипнотический эффект. Из-за ее невероятно белой кожи Мартина и думал, что его преследовал бумажный фонарь.

Радужная оболочка глаз выглядела угольно-серой. То были глаза ночи, с черными зрачками — глаза, которые видели в темноте.

Экстраординарный наряд девушки был крайне экзотическим. Она носила

короткую гофрированную блузку, сделанную из сотен грязных, сшитых вместе разлохмаченных кружев. Каждую тесьму украшали бусинки, пайетки, кроличьи лапки или птицы, вырезанные из фольги. Но блузка доходила только до пупка, а больше на незнакомке ничего не было. Ниже Мартин видел лишь голые бедра, вымазанные глиной, и грязные ноги.

— Что ты тут высматриваешь? — спросила девушка высоким шепелявым голосом.

Смущенный ее наготой, Мартин отвернулся в сторону.

— Я ищу кое-кого.

— Тут никто никого не ищет. Это Подкроватье.

— А я ищу! Девушку по имени Леонора.

— Девушку, которая выбралась из-под земли?

— Скорее всего, да.

— Мы видели, как она проходила мимо. Эта девушка искала причину своего страха. Но она не нашла ее здесь.

— Я думал, что ваш мир зовется страной страха.

— Да, однако имеется разница между страхом, которого ты тут не найдешь, и тем, что действительно заставляет тебя бояться.

— Не понял.

— Это же так просто. Вот, например, страх темноты. Обычный страх. В нем нет ничего реального. Другое дело — вещи, которые прячутся в темноте! Допустим, плащ на спинке твоего стула, который вообще не плащ. Или твой умерший друг, стоящий в углу рядом с плотяным шкафом. Он стоит там каждую ночь, ожидая твоего пробуждения.

— Интересно, что именно искала Леонора?

— Это зависит от того, что напугало ее. К сожалению, она выбрала путь в Нижнее Подкроватье. А там обитают самые темные вещи.

— Ты можешь показать мне дорогу туда?

Девушка сердито покачала головой. Ленты ее кружев закачались, и бусины отозвались тревожным шуршанием.

— Я же сказала, что там обитают самые страшные и ужасные создания.

Она закрыла лицо руками, глядя на него сквозь широко расставленные пальцы.

— Это самые темные существа! Как только ты появишься в Нижнем Подкроватье, они узнают, откуда ты пришел. Они запомнят твой запах и на обратном пути последуют за тобой.

— И все же мне нужно найти Леонору, — ответил Мартин. — Я обещал.

Долгое время девушка молча смотрела на мальчика. Казалось, она знала, что больше никогда не увидит его. Возможно, ей хотелось запомнить, как он выглядел. Затем она отвернулась и поманила его за собой.

Около двадцати минут они продирались через густую лесную чащу. Вездесущие ветви царапали щеки и уши Мартина. Приподняв ладони к глазам, он упорно шел следом за незнакомкой, пока та вела его сквозь непроходимое на вид скопление деревьев. Вскоре тоскливым и пронзительным голосом она запела грустную песню.

Мне отвратителен этот день!

У него лицо, которое я никогда не узнаю так,

Как мне хотелось бы.

Кольца на пальцах,

И шелковистые полосы дорог в его глазах.

Через некоторое время они вышли на небольшую поляну. На одной ее стороне виднелся холмик взрытой земли, густо покрытый влажным зеленым мхом. Девушка без колебаний присела на корточки и, словно одеяло, приподняла слой мха, открывая вход в темную подземную расщелину. Ее стены были покрыты тонкими спутавшимися корнями.

— Мне туда? — с тревогой спросил Мартин.

Девушка кивнула головой.

— Только помни мои слова. Если ты найдешь их, на обратном пути они последуют за тобой. Так всегда случается, когда ты входишь в мир самых ужасных и темных существ.

— Я дал обещание.

— Очень жаль. Но у тебя еще имеется время, чтобы подумать, кому и зачем ты обещал свою помощь. Подумай, кем может оказаться Леонора; кто я, и что ты делаешь здесь.

— Я не знаю, — ответил Мартин

Он действительно не знал ответов на эти вопросы.

Пока девушка из последних сил приподнимала слой мха, он спустился в узкую полость, лег на бок и пробил ногами путь в подземелье — так, как будто забирался под одеяла. Корни приняли его в свои объятия. Они цеплялись за него, словно женщины с тонкими пальцами. Вскоре он погрузился в мшистый пригорок по самую шею. Девушка встала рядом с ним на колени. Ее лицо было спокойным и уважительным. По какой-то причине, нагота спутницы больше не смущала Мартина. Казалось, что он знал ее многие годы. Затем, без лишних слов, она опустила слой мха на его лицо, и мир стал абсолютно темным.

Если сейчас он приподнимет слой мха и проберется к лесной пещере, самые страшные темные твари не узнают о его появлении в их мире. Они не последуют за ним.

Мартин сделал глубокий вдох и почувствовал привкус сырой земли. Он начал пробираться вперед по узкому туннелю — сначала почти горизонтально, потом под наклоном. Через некоторое время он оказался перед широким провалом, где расщелина резко уходила вниз в непроглядную тьму. Оттуда тянуло слабым сквозняком, и отчетливо слышался отдаленный стук молота. Похоже, здесь проходила граница между Верхним и Нижнем Подкроватьем. Там, внизу, обитали самые жуткие и свирепые создания. Не просто страшные идеи, но реальные существа из мира невообразимого ужаса.

Впервые после начала спасательной операции ему захотелось вернуться назад. Если сейчас он приподнимет слой мха и проберется к лесной пещере, самые страшные темные твари не узнают о его появлении в их мире. Они не последуют за ним. Но Мартин должен был выполнить свою миссию. Как только вы ложитесь в постель и погружаетесь в Верхнее, а затем и в Нижнее Подкроватье, на вас накладываются особые обязательства.

Преодолев край обрыва, он завис на почти отвесном склоне. К счастью, здесь было множество корней, которые покрывали грунт, словно волосы на голове гиганта. Цепляясь за них обеими руками, он осторожно спускался вниз. Его ботинки скользили по рыхлому торфянику, вызывая небольшие, но шумные оползни. Самой пугающей частью пути было то, что он вообще ничего не видел. Мартин даже не знал, как глубоко располагалось дно расщелины. Пока ему казалось, что отвесный склон уходил вниз на большое расстояние, и что спуск в другой мир мог продолжаться вечно.

Каждый раз, цепляясь за корни, он невольно сдирал с волокон тонкую

кору, поэтому вскоре его руки стали скользкими от сока. Доносившийся снизу стук молота звучал все громче и громче. Он создавал удвоенное эхо.

Внезапно, когда Мартин ухватился за большой корень, его рука соскользнула. Он попытался поймать в ладонь пучок маленьких отростков, но выдернул их из земли со звуком, похожим на треск разорванной занавески. Мальчик вонзался пальцами в рыхлую почву, однако там не было ничего прочного, что могло бы замедлить падение. На миг он подумал о смерти: сейчас я разобьюсь о скалы.

Мартин с треском пробил сырой оштукатуренный потолок, упал на промокший матрац и скатился на пол, покрытый влажным ковром. Минуту он лежал на боку, отдуваясь и восстанавливая дыхание. Затем, встав на колени, он осмотрелся по сторонам. Эта спальная комната выглядела очень знакомой, хотя на стенах шелушились заплесневевшие обои, а дверь шкафа кренилась на одной петле, открывая ряд пустых проволочных вешалок.

Мальчик встал и подошел к окну. Сначала он подумал, что снаружи была ночь. Но потом Мартин понял, что перед ним, за стеклом, располагалась стена из рыхлого торфяника. Спальная — а значит, и весь дом — находились глубоко под землей.

Герой-спасатель почувствовал трепет нарастающей паники. Что если он не найдет обратный путь домой? Что если ему придется провести остаток жизни погребенным под землей — под слоями почвы, мха и удушающих одеял? Он попытался составить план действий, но вскоре отказался от этой затеи. Ему мешал громкий стук молота, от которого

подрагивал деревянный пол и позвякивали вешалки в шкафу.

Мартин понимал, что должен успокоиться и вернуть контроль над собой. Прежде всего, он был экспертом: опытным проходчиком туннелей. Его главным приоритетом являлся поиск Леоноры и их совместное преодоление крутого откоса. Возможно, ему удастся отыскать другой путь из Нижнего Подкроватья — путь, не вовлекавший двадцати- или тридцатиметровый опасный подъем по почти вертикальной стене.

Он вышел из спальной комнаты и оказался в длинном коридоре. Блестящий линолеум, деревянные панели на стенах и дюжина одинаковых дверей вызывали в уме ассоциации со школой или госпиталем. В дальнем конце коридора с потолка свисала лампа без плафона. Прямо под ней, в круге света, стояла девушка в белой ночной рубашке. Если бы не сильный сквозняк, развевавший светлые волосы незнакомки, Мартин принял бы ее за гипсовую статую.

Нижний край ночной рубашки был разорван и испятнан кровью. На икрах ног и на ступнях виднелись глубокие порезы. Кожа в нескольких местах свисала тонкими полосками, с которых на пол падали красные капли.

— Леонора? — тихо окликнул Мартин.

Очевидно, девушка не услышала его, поэтому он повторил ее имя громче:

— Леонора!

Она повернулась к нему и, подволакивая ногу, сделала один шаг... Потом другой... Затем она остановилась и прислонилась к стене. Это была та самая Леонора, фотографию которой он видел в доме рыбака. Сейчас она выглядела на три-четыре года старше.

Мартин поспешил к ней навстречу. Когда он проходил мимо закрытых дверей, те открывались, будто по собственной воле. Удары молота стали затихать. Комнаты по обе стороны были безлюдными. Он видел лишь кресла и кушетки, кофейные столики и картины на стенах. Это были живые картины из жизни каких-то людей. На них чередовались важные события, происходившие год за годом, десятилетие за десятилетием.

— Леонора, — прошептал он, заключив ее в объятия.

Кожа девушки была влажной и холодной. Она дрожала от страха.

— Давай, уйдем отсюда. Я должен отвести тебя домой.

— Отсюда нет обратного пути, — дрожащим голосом ответила Леонора. — Здесь обитают самые ужасные и темные создания. Они скоро придут за нами.

— Всегда можно найти выход. Позволь, я понесу тебя.

— Отсюда не возвращаются! — закричала она прямо ему в лицо. — Мы слишком глубоко под землей. Ты не найдешь пути назад!

— Без паники! — ответил он. — Если мы вернемся в спальную комнату, то сможем подняться вверх в Подкроватье! Не сопротивляйся. Я понесу тебя!

Он пригнулся и поднял ее на плечи. Девушка почти ничего не весила. Ее ноги были сильно изранены. Два больших пальца висели, покачиваясь, на полосках кожи. Кровь капала с них прямо на джинсы Мартина.

Пока они шли по коридору, боковые двери захлопывались при их приближении так же внезапно, как и открывались прежде. До спальной комнаты оставалось метров десять, когда Леонора обхватила руками его горло и испуганно закричала:

— Они уже здесь! Самые темные создания! Они преследуют нас!

Мартин оглянулся через плечо, и в тот же миг лампочка в конце коридора разбилась вдребезги. В последнюю секунду он увидел нечто ужасное. За ними гнался высокий тощий мужчина в серой монашеской накидке с капюшоном. Его лицо было идеально красивым — как у святого. Идеально красивым... кроме рта, который растянулся в похотливой усмешке, открывая джунгли неровных заостренных зубов. Под этим ртом, с такой же похотливой алчностью, зияла еще одна пасть, с раздвоенным тонким языком, метавшимся по сторонам в безумном нетерпении изголодавшейся твари. Обе верхние конечности существа были приподняты. Рукава мании, опустившись вниз, приоткрывали крючковатые черные лапы.

За ними гнался высокий тощий мужчина в серой монашеской накидке с капюшоном. Его лицо было идеально красивым — как у святого.

Одно из темных созданий Нижнего Подкроватья почуяло добычу — та самая ужасная тварь, которую боялась Леонора. Теперь они встретились лицом к лицу.

Свет погас так внезапно, что Мартин, испугавшись, потерял равновесие. Он едва не уронил Леонору, но в последний момент подхватил ее и попятился в направлении спальной. Он нащупал дверь, открыл ее и, вбежав в комнату, повернул ключ на два оборота.

— Торопись! — крикнул Мартин. — Ты должна вскарабкаться на спинку кровати и пробраться через дыру в потолке!

Он услышал волочащиеся шаги в коридоре и ужасный скрип изогнутых когтей, царапавших стены. Дверь спальной содрогнулась от внезапного толчка, и с потолка дождем посыпалась штукатурка. Последовал еще один удар, а затем когтистые лапы начали медленно скрести дверную панель. Мартин обернулся. Несмотря на раненые ноги, Леонора уже поднялась на медную перекладину качавшей спинки кровати. Ей никак не удавалось протиснуться в отверстие на потолке. Он запрыгнул на матрац и помог ей. Когда она пробраться в дыру, дверь снова зашаталась по ударами лап. Мартин быстро последовал за Леонорой. Расщепленные планки потолка оцарапали его плечи и руки. Едва он подтянул ноги вверх, дверь спальной с грохотом открылась. Мальчик мельком увидел ужасное существо в серой монашеской мантии. Взмахнув черными лапами, оно приподняло голову и посмотрело на Мартина. Оба его рта растянулись в алчной усмешке.

Казалось, что подъем по отвесному склону длился несколько месяцев. Дюйм за дюймом они взбирались по стене, цепляясь за рыхлый грунт и используя для поддержки тонкие ненадежные корни. Пару раз они срывались вниз. Их осыпало торфом, галькой и заплесневевшей листвой. Мартин не успевал протирать глаза и сплевывать грязь, попадавшую в рот. Все это время он знал, что самая ужасная и темная тварь гналась за ними — голодная, торжествующая и неумолимая. Мартин знал, что она всегда будет преследовать их, куда бы они ни пошли.

Внезапно они добрались до края обрыва. Леонора плакала от боли и усталости, но Мартин, поддерживая девушку за руку, тащил ее по подземному проходу через заросли корней. Наконец, они оказались в небольшой полости под слоем мха. Дрожа от истощения сил, Мартин приподнял мох одной рукой, и Леонора выбралась на поляну. Он последовал за ней.

Лесная девушка куда-то ушла, поэтому ему снова пришлось задействовать интуицию. Они с Леонорой слишком устали, чтобы говорить друг с другом. Продираясь через густой подлесок, беглецы бок о бок продвигались вперед, и не было сомнений в их обоюдной симпатии, возникшей за последнее время. Им удалось бежать из Нижнего Подкроватья! Оставалось лишь найти обратную дорогу в пространство света и свежего воздуха.

Мартину потребовалось много усилий, чтобы отыскать расщелину, ведущую в мир Леоноры. К счастью, он обладал обостренным чувством направления — чутьем, которое помогло ему создать путь наверх. Когда герой-спасатель уже было решил, что они навсегда потерялись в подземных туннелях, его пальцы нащупали не тонкие корни, а край простыни. Вскоре они с Леонорой выбрались из-под скомканных одеял и оказались в спальной комнате девушки. Ее отец сидел на стуле рядом с кроватью. Когда они появились, он обнял их и пустился в специфический рыбацкий пляс.

— Ты храбрый парень, — повторял он раз за разом. — Ты молодчина! Вернул мне мою Леонору.

Мартин потер руками лицо, размазывая грязь по щекам.

— У нее ранены ноги, и ей необходимо лечение. Тут есть поблизости доктор?

— Нет. Но для изгнания дурных снов у нас имеются мирт и луговые ноготки.

— У нее почти оторваны большие пальцы ног. Ей нужны медицинские швы, а не луговые ноготки. Зовите доктора.

— Идея поможет Леоноре лучше любых медикаментов.

— Есть еще одна проблема, — сказал Мартин. — Существо, которое напало на нее... Я думаю, что оно гонится за нами.

Рыбак похлопал мальчика по плечу и кивнул головой.

— Мой друг, мы позаботимся об этом.

Чуть позже, стоя на берегу в розовато-лиловом свете летнего вечера, они предали огню деревянную кровать Леоноры. Бросив на пылающий остов кипу разноцветных одеял и простыней, они вытолкали кровать в море, словно погребальную барку из эпохи короля Артура. Пламя поднималось в небо, словно языки драконов. В воздухе кружились тлевшие частички горевших одеял.

Леонора с перевязанными ногами стояла рядом с Мартином и держала его за руку. Когда пришло время для расставания, она поцеловала его. Глаза девушки были полны слез. Рыбак благодарно обнял мальчика.

— Всегда помни о главном, — сказал он. — Возможности так же важны, как и реально существующие вещи.

Мартин сделал прощальный поклон и зашагал вдоль берега к дюнам, покрытым пучковатой травой — к тому месту, откуда можно было попасть к Локтю Легга и подземным пещерам. Он обернулся лишь раз, но в сгущавшихся сумерках ему удалось увидеть только догоравшую вдали кровать Леоноры.

Утром, сбросив одеяла, мать нашла в постели его безжизненное тело, облаченное в красно-белую полосатую пижаму. Кожа Мартина была холодной. Мышцы рук и ног затвердели в трупном окоченении. Никакие реанимационные действия не помогли бы. Доктор сказал, что мальчик задохнулся сразу после полуночи — то есть, когда мать нашла его, он был мертвым семь с половиной часов.

Во время кремации мать плакала и сожалела о том, что жизнь ее сына не состоялась. А кто мог предположить такое? Во всяком случае, ни семья рыбака, вернувшаяся в свой воображаемый коттедж и молившаяся за храброго проходчика туннелей, спасшего их дочь. И ни дикая полуголая девушка, жившая в несуществовавшем лесу и вспоминавшая мальчика, который отважился бросить вызов самым ужасным и темным созданиям. Кто мог подумать, что одна из темных тварей, эта серая фигура в монашеском капюшоне, поднимется из-под слоя мха в Подкроватье, а затем появится в мире идей — прямо из дымящейся полузатонувшей кровати? Возможно, кто-то и мог бы догадаться, но только не мать

Мартина, вернувшаяся после похорон в спальную сына, чтобы убрать его кровать.

Сначала она сложила одеяла — одно за другим. Затем, стягивая простыню, она заметила черные кривые полосы на дальнем крае матраца. Нахмурившись, женщина обошла кровать, чтобы лучше рассмотреть необъяснимые отметины. И только потом, действительно приблизившись, она поняла, что это были когти.

Она осторожно приоткрыла простынь и увидела, что когти торчали из лап, а лапы, в свою очередь, исчезали в щели между матрацем и остовом кровати.

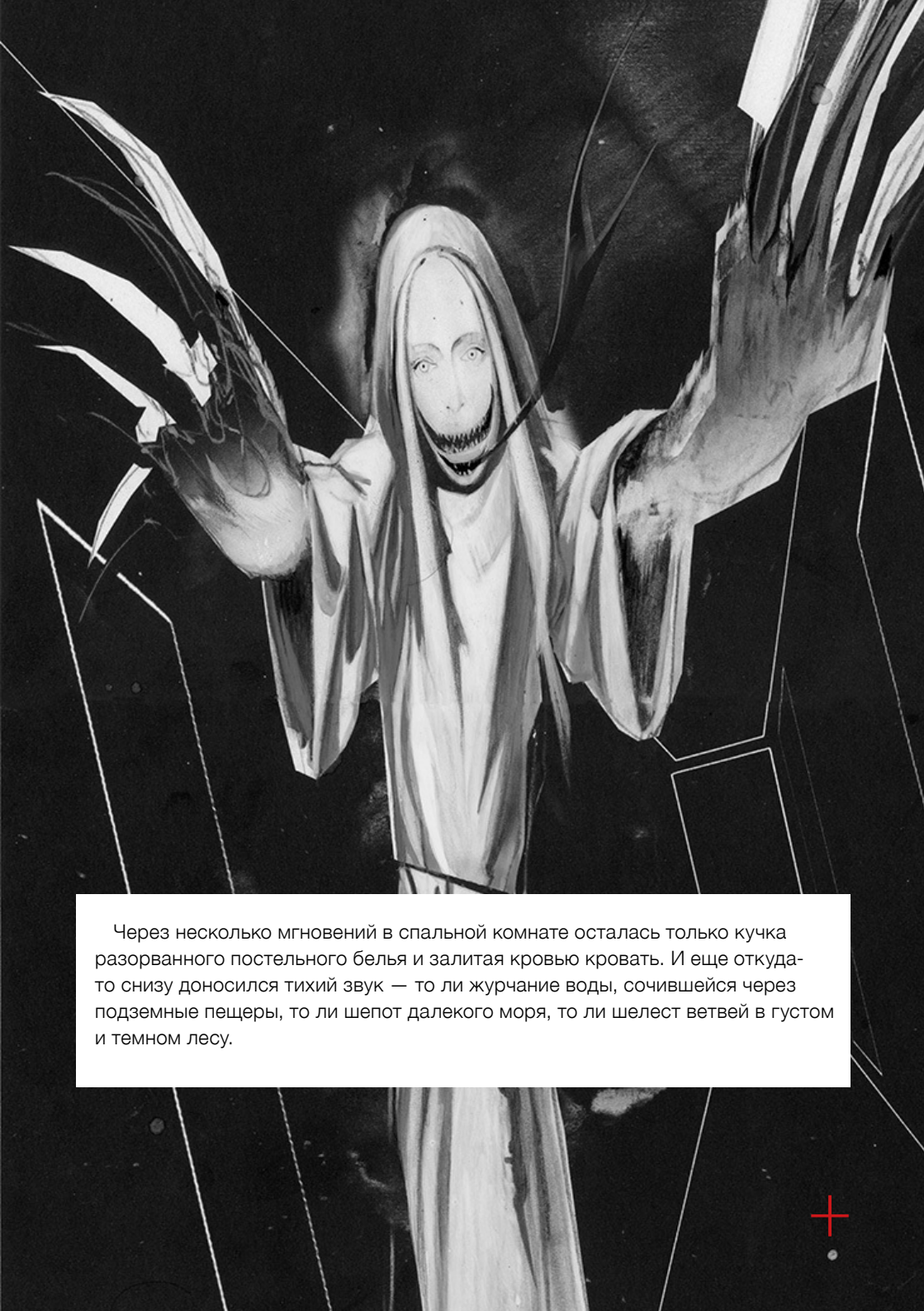
Что за шутка, подумала она. Какая-то отвратительная и мерзкая выходка. Очевидно, после смерти Мартина кто-то из местных мальчишек пробрался в дом, чтобы глупо и обидно напроказничать. Она отбросила край простыни и ухватилась за одну из когтистых лап, пытаясь вытащить ее из-под матраца.

К ужасу женщины, лапа хлестнула ее по руке, сорвав кожу с тыльной стороны ладони. Черные когти наносили резкие удары, кромсая простыню и разрывая матрац. Хозяйка дома закричала и отступила в сторону, пятная кровью постельное белье. В тот же миг из конца кровати, в буйстве выломанных деревянных щепок и вырванных кусков набивочного материала, поднялась высокая серая фигура с лицом ангела и двумя ртами, заполненными острыми акульими зубами. От существа, нависшего над женщиной, веяло арктическим холодом — холодом, от которого ее дыхание стало морозным.

— Существуют места, из которых невозможно уйти, — двумя ртами прошептало жуткое создание.
— Существуют вещи, о которых нельзя даже думать. Существуют люди, чье любопытство приносит беду — особенно, им самим и тем, кто их любит. Тебе не нужно искать свои страхи. Они всегда следуют за тобой! И они находят тебя!

С этими словами самая темная и страшная тварь махнула лапой, словно кот, настигший дрозда. Черные когти разорвали лицо женщины. И прежде чем бедняжка упала на ковер, тварь нанесла ей еще несколько быстрых ударов. Вскоре вся комната была залита кровью.

Затем ужасное существо склонилось над жертвой и встало на колени, будто извиняясь за собственную грубость. Оно алчно впилось обеими ртами в тело женщины и потащило труп к задней спинке кровати. Там оно начало медленно исчезать в щели между матрацем и деревянным остовом, дюйм за дюймом втягивая за собой мать Мартина — сначала ноги, затем торс и, наконец, безвольные руки. Последней исчезла ее левая ладонь с обручальным кольцом.



Через несколько мгновений в спальной комнате осталась только кучка разорванного постельного белья и залитая кровью кровать. И еще откуда-то снизу доносился тихий звук — то ли журчание воды, сочившейся через подземные пещеры, то ли шепот далекого моря, то ли шелест ветвей в густом и темном лесу.

ТОНИ БАЛЛАНТАЙН

2013

ДРЕМЛЮЩИЙ ЛОНДОН

Перевод с английского **СЕРГЕЙ ТРОФИМОВ**

§1

ОДИН: КАПИТАН ДЖИМ ВЕЛДЕР-БЕРН

Хрум хрум хрум. Ммммм, ммммм. Хрум хрум хрум.

В моей комнате кто-то был; кто-то что-то ел, притаившись за кроватью. И, судя по звукам, наслаждался этим.

Ммммм, ммммм. Хрум, хрум.

Какое сейчас время?

Мой мобильник перестал работать месяцы назад, а я так и не позаботился приобрести часы. Сияние уличных фонарей окрашивало изношенные занавески в желтоватый цвет. Я задержал дыхание и прислушался к стуку нагревателя — доисторической машины, которая дремала в подвале и пробуждала меня каждое утро, независимо от того, насколько теплой была ночь.

Тишина. Время могло быть любым — от десяти вечера до рассвета.

Ммммм.

Перед сном я запирал дверь спальной на ключ, но в Дремлющем Лондоне все постоянно менялось. Приоткрыв глаза, я осмотрел тускло освещенное пространство. За время сна потолок стал чуть выше, а комната немного сузилась. Медленно и осторожно я сунул руку под подушку и нащупал нож. Все тот же нож и в том же месте!

Город менялся еженощно, и люди тоже менялись — ежедневно. Кристина ушла, и с тех пор ни одна из женщин, забиравшихся в мою постель, не оставалась у меня больше, чем на ночь.

Неужели я привел кого-то к себе домой? Неужели какая-то леди попала в сети общеизвестного и весьма опасного обаяния Джеймса Веддерберна? Иногда мне казалось, что за прошлые месяцы я добился огромного количества любовных побед, о которых не всегда помнил по утрам при пробуждении. Может быть, одна из этих женщин, скатившись на пол, хрустела теперь чем-то вкусненьким и постанывала от удовольствия за спинкой кровати? Я не мог прояснить ситуацию, притворяясь спящим.

— Кто там? — спросил я у комнаты.

Хруст прекратился только на мгновение, затем ленивое чревоугодие возобновилось.

Мммммм...

— Кто там?!

Я приподнял голову, осмотрел подножье кровати, но никого не увидел. Мне пришлось проползти вперед, затем под стоны пружин опереться на медную перекладину задней спинки и заглянуть за нее.

На полу притаились две саламандры. Их тела озарялись красновато-золотистым внутренним светом. Поймав зеленого жука размером с тарелку и разорвав его пополам, они жадно лакали желтые жидкие внутренности. Одна из ящериц посмотрела на меня маленькими бусинками глаз, высунула пурпурный язык и, облизав губы, улыбнулась мне с нескрываемым удовольствием.

Мммммм.

Эти две саламандры могли бы принести большую кучу денег. Я прикинул, хватит ли мне резвости, чтобы схватить их обеих. Внезапно за моей спиной раздался голос:

— Добрый вечер, капитан Веддерберн.

Немного испугавшись, я повернулся и увидел толстяка, наполовину

выдвинувшегося из темноты в углу комнаты. Он опасно балансировал на маленьком походном стуле, по бокам которого свисали части его огромных, облаченных в бархатную ткань, ягодиц. Развернув носовой платок, мужчина вытер пот со лба.

— Люк Пенниз! Как ты пробрался сюда?

При этих словах неудержимая волна тошноты, которая доселе незаметно нарастала в моем животе, едва не переполнила меня. Я с трудом сглотнул желчь, подкатившую к горлу. Люк Пенниз вытянул руку. Мы оба посмотрели на стеклянный пузырек, лежавший на его короткопалой пухлой ладони.

— Две саламандры, одно противоядие, — сказал он, взглядом указав на красное пятно у моей подушки.

Я прикоснулся пальцем к левому плечу и почувствовал липкую влажность крови. Толстяк улыбнулся.

— Тысяча соверенов, и оно будет твоим.

— У меня нет тысячи соверенов. У меня даже нет тысячи долларов.

Люк зажал пузырек в руке и погрозил мне пальцем.

— Мы оба знаем, что это неправда, капитан. Говорят, все молодые женщины в этой части города находятся под твоим контролем.

Он лукаво подмигнул.

— Да-да, и что ты получаешь двадцать процентов с каждой их сделки.

Могу ли я предположить, что сейчас наступил идеальный момент для некоторых трат из твоих нечестных накоплений?

— На самом деле не так много.

— Главное, что ты не отрицаешь наличие денег. Говорят, тебе известны магазины, в которых можно купить любой товар в этом городе, капитан Веддерберн. Но я сомневаюсь, что ты найдешь аптеку с необходимым противоядием. Могу ли я предположить, что сейчас наступил идеальный момент для некоторых трат из твоих нечестных накоплений?

У меня поднималась температура. Я чувствовал жар и тошноту. Моя пижама, пропитавшись потом и кровью, начинала липнуть к телу. Мне приходилось прилагать усилия, чтобы сдерживать рвоту.

— Дай мне его, — сказал я, потянувшись за пузырьком.

— Осторожнее, — предупредил Пенниз. — Стекло очень тонкое. Любое внезапное сотрясение, и оно может треснуть в моем кулаке.

Я медленно опустил руку.

— Люк, это не твой стиль.

— Возможно, не мой.

Его лицо исказилось от гнева.

— Но ты реально оскорбил меня прошлой ночью. Джим, ты пересек красную линию!

— Наверное бессмысленно говорить тебе, что это был не я?

Моя голова безвольно раскачивалась в стороны.

— Судя по всему, бессмысленно, — прошептал я. — Особенно зная, что ты отравил меня.

— Похоже, до тебя дошло, — холодным тоном сказал Люк Пенниз. —Так, на чем мы остановимся? На тысяче соверенов? Или на медленной смерти?

Его губы растянулись в тонкую улыбку — улыбку, взвешенную в унциях. Она идеально балансировала между любезностью и бессердечием.

— Тот ночной пожар лишил меня половины собственности, капитан Веддерберн. И он погубил трех моих шлюх.

— Какой пожар?

Аренда на улыбку закончилась. Пенниз склонился вперед. Его маленькие глазки искрились злобой.

— Не придуривайся, Джим. Пламя было видно даже из доков.

— В этом городе люди часто злоупотребляют моим именем, — ответил я. — Особенно, некоторые нехорошие типы. Но каждый знает, что первым делом я вывел бы шлюх из здания. И тебе, Люк, тоже это известно.

У меня помутилось в глазах. Я чувствовал, как дрожат мои руки, и как пульсирует боль в воспалившемся плече.

— Люди меняются, — сказал Пенниз, и в его голосе прозвучала нота неуверенности.

— Да, люди меняются, — согласился я. — Город заставляет их меняться. Но не так быстро.

Желчь снова подкатила к горлу. На этот раз мне не удалось унять ее. Я выплюнул на кровать желтоватую слизь. Люк с усмешкой посмотрел на расползавшееся пятно — на красную кровь и желтую желчь. Его голос вновь стал бесстрастным.

— Джим, пора платить по счетам.

— Мне так не кажется, — ответил я, сражаясь с головокружением. — Люди меняются медленно. Даже ты, Люк. Ты не отважился бы прийти в мой дом, чтобы убить меня. Это не твой стиль. Решив покончить со мной, ты прислал бы ко мне одного из своих людей. Тогда, если бы полиция арестовала тебя и заставила прочитать Свиток правды, ты мог бы честно сказать, что это не твоих рук дело.

Почувствовав позывы к рвоте, я перехватил ком желчи в горле и с трудом проглотил его.

— Нет, это вообще не твой стиль. Вот, если бы тебе удалось заставить жертву совершить самоубийство... Так было бы более поэтично. Например, заставить соперника выпить пузырек со смертельным ядом? Как это было бы забавно! И более безопасно, если прибудет полиция.

Меня бросило в холодный пот. Голова гудела. Покрытый горькой желчью язык стал толстым и неповоротливым. Тем не менее, я пытался говорить нормально.

— Мне кажется, что воздействие этого укола скоро закончится. Фактически, я готов рискнуть своей жизнью. Поэтому я дам тебе шанс. Видишь мою куртку на вешалке?

Через пелену слез, застилавшую мои глаза, я заметил, что он повернул голову. Моя куртка, висевшая в шкафу, сияла золотисто-зеленым великолепием.

— Там в кармане лежит пистолет. Если тебе так хочется, чтобы я умер, возьми его и грохни меня. В противном случае, хватай свой походный стульчак и убирайся отсюда вместе с ядом. Прямо сейчас! Потому что если ты промедлишь, я сам тебя пристрелю. Что ты на это скажешь?

Люк Пенниз промолчал. И даже если он что-то сказал, я не услышал его слов. Мой живот снова сжался, я скатился на пол и начал нащупывать под кроватью ночной горшок. Рванув его к себе, я излил струю рвоты — все это в одном движении. Горбясь над китайским горшком и опустошая желудок, я лишь смутно отмечал действия Люка. Он медленно проковылял мимо меня, держа в руке походный стул. Его уход был мне не интересен. Каждый спазм организма

вызывал очередной поток радужной рвоты. Мне казалось, что я вот-вот умру.

Вскоре в желудке ничего не осталось. Я все еще тужился над полным горшком, но эти позывы длились недолго. Потерянный в ночи, я лег на пол и начал ждать, когда моя голова перестанет кружиться. Через некоторое время мне удалось подняться на ноги. Я посмотрел на испятнанную кровью постель и увидел там двух спавших саламандр, уютно обвивших друг друга.

Мне нужно было выйти наружу. Я хотел выбраться на свежий воздух.

/

Прежде напротив моего здания находилась станция метро. За прошлый год она дважды подверглась метаморфозам, сначала превратившись в железнодорожный вокзал, а затем — в постоялый двор. Я помню, как владелец заведения, развлекая посетителей бара, рассказывал о лестнице, спускавшейся вниз из подвала в тоннель, по которому раньше ходили поезда. Он говорил, что подземные тоннели сжималась, как сфинктеры. Они напоминали теперь заросшие жиром артерии, по которым в разных направлениях перемещались нескончаемые полчища черно-зеленых жуков. Там, под городом, на них охотились только серебристые змеи и прямоходящие крысы.

— А что стало с рельсами? — спросил я у владельца постоялого двора. — Они все еще там?

В тот тихий вечер немногочисленные посетители «Рекурсивного льва» сидели у барной стойки, сжимая в руках бокалы с джином и портвейном. Один из жильцов — худощавый мужчина с большими рыжими, подкрученными вверх усами — ехидно рассмеялся.

— Разве вы не слышали? — сказал он, погрузив усы в белую пену. — Рельсы вышли на поверхность в трех кварталах к югу отсюда. Они свернули к реке. Все дороги и пути в городе меняют направления!

С тех пор прошло довольно много времени. Изменения тогда лишь начинали проявляться, а я, вернувшись из Афганистана, был, фактически, никому неизвестной личностью. Сегодня никто в том постоялом дворе не посмел бы смеяться в лицо капитану Джиму Веддерберну.

Стоя в желтой луже света под уличным фонарем и глядя на мигавшие буквы неоновой вывески «Рекурсивного льва», я чувствовал, как прохладный ночной воздух выветривал из меня тошноту. У меня не было ни малейшего представления о времени. Вид постоялого двора не давал мне никаких намеков.

А о чем могла бы рассказать вам внутренняя жизнь подобного здания? Я знал, что там находились люди, но это ничего не означало. Утром постоялый двор заполнялся грузчиками с цветочных рынков, и в пропахшем пивом воздухе чувствовался насыщенный запах пыльцы. По вечерам у столов вытягивались в линии аккуратные, облаченные в черный бархат фигуры местных клерков и бухгалтеров. Около девяти часов их сменяли владельцы расположенного за углом работного дома. Подпирая локтями барную стойку, они поднимали бокалы за индустрию, построенную на рабском труде других людей. После полуночи здесь появлялись леди и джентльмены, немного уставшие от спектаклей в театрах оперы и балета. Чуть позже приходили портовые грузчики и мясники, готовые к дракам и поножовщине — у каждого под курткой был спрятан крюк или большой тесак. Кроме того, в баре всегда можно было встретить моряков, проводивших время на суше и искавших тот вид услуг, который предлагал им капитан Веддерберн.

В помещении бара имелись часы, по-прежнему отсчитывавшие время. Несмотря на все изменения, большой белый циферблат сохранял свои черные римские цифры и название фирмы, написанное витиеватым шрифтом. Заглянув в зал, я мог бы узнать, какой сейчас час. Однако стоило мне пройти несколько шагов, как темную улицу пересек треугольник света. Дверь постоялого двора открылась, и из здания вышла Кристина. При виде меня на ее лице промелькнула мимолетная улыбка.

— Привет, Джим, — сказала она.

— Только не ты, Кристина, — устало ответил я. — Прошу тебя, называй меня Джеймсом.

Несколько секунд мы осматривали друг друга, оценивая одежду и

свежесть лиц. Она выиграла эту битву. Ее сделанный на заказ костюм выглядел отлично; ажурные края темных шелковых чулков соблазнительно проглядывали из-под короткой юбки. Макияж был безупречным: на фоне гладкой, почти незаметной основы, выделялись подведенные глаза и ярко-красные губы. В свою очередь, на мне были потертые серые брюки, пропускавшие воду черные ботинки и цветастая военная куртка.

— Еще не нашла себе мужа? — спросил я.

— Пока нет, — хрипло ответила она. — Но я продолжаю тестировать список кандидатур. А ты, значит, по-прежнему раздаешь конфетки?

— Хочешь парочку? У меня тут завалялось несколько в кармане.

На мое дружелюбное предложение она ответила испепеляющим взглядом. В этот момент у меня заурчало в животе, и я понял, что не хочу стоять перед ней в таком виде.

— Ты не знаешь, где можно продать саламандр? В мою постель забрались две особи.

— Поговори с Фрэн. Ее магазин находится на Холкомб-стрит. Она торгует паразитами и вредными животными.

Сунув руку в карман, Кристина вытащила бархатный кошелек.

— У меня кое-что есть для тебя, — сказала она. — Я собиралась передать это через Второго Эдди, но поскольку мы встретились...

— Мне не нужны твои деньги!

— Я их не предлагаю.

Несколько секунд мы осматривали друг друга, оценивая одежду и свежесть лиц. Она выиграла эту битву.

Кристина выглядела модной и самоуверенной, одетой с иголочки, с куском пергамента в кармане, содержавшем список мужчин, из которого она — в поисках идеального мужа — уже вычеркнула несколько фамилий. Она купила список еще в ту пору, когда лавки свитков лишь начали появляться в старом городе; когда Джеймс Веддерберн, пытаясь жить честной жизнью, решил, что ему нужна любовь хорошей женщины, которая могла бы спасти его душу. Той женщиной была Кристина — моя прежняя страсть, вдруг воспылавшая тогда снова.

Однажды, прогуливаясь по летним улицам, мы ради забавы вошли в темное и убогое нутро одного из причудливых магазинчиков, которые, казалось, прорастали в стеклянные и бетонные фасады города. Помню, в кресле за стойкой сидела маленькая женщина, выглядевшая слишком помпезно в своих юбках, неряшливом переднике и вязаных перчатках. Эффект был особенно разительным, когда перед ней предстала Кристина — в шортах, короткой маечке и серебристых шлепанцах; повсюду крепкая загорелая плоть и тонна самоуверенности. Моя спутница выгрузила на стойку горсть монет, и женщина передала ей лист желтого пергамента. Как только мы вернулись в сияние солнечного дня, Кристина развернула пергамент.

Я помню выражение ее лица, когда она поняла, что в списке не было моей фамилии. Я ожидал увидеть досаду, шок или разочарование. Вместо этого она лишь улыбнулась, скрутила пергамент в трубочку и сунула его в наплечную сумку. Несколько последующих недель Кристина изучала свиток, когда была уверена, что я не наблюдал за ней. До меня не доходило, как серьезно она относилась к нему. Она уже тогда менялась понемногу. Все мы менялись — просто еще не понимали этого.

С тех пор прошел год, и посмотрите на нас!

— Что с тобой стало, Кристина? — мягким тоном спросил я. — Ты училась на страхового агента. И чем ты занимаешься теперь?

Мне не хотелось облекать свои мысли в слова: честнее старателя, но лживее шлюхи. Она молча открыла кошелек и осмотрела себя в крохотном зеркальце — свой модный костюм и шелковые чулки.

— Я не знаю, как это назвать, — ответила она. — А как насчет тебя, Джим? Что случилось с тобой?

— Я просил называть меня Джеймсом!

Она покачала головой.

— Джеймс, Джим... как угодно! Я слышала о твоей работе. Мне было... неприятно.

Кристина всегда знала, как нажимать на кнопки моей психики. Если она хотела погрузить меня в угрюмое молчание, то это ей удалось.

— Видишь? — тихо сказала она. — Кто ты такой, чтобы осуждать мое поведение?

— После армии у меня было трудное время. Приходилось как-то зарабатывать на жизнь.

— Ты мог бы стать другим человеком, Джеймс. Получше, чем сейчас.

Она произнесла эти слова очень ласково, и на мгновение в ее взгляде промелькнула старая привязанность.

— Когда мы жили вместе, я как раз и был другим.

Между нами повисло молчание. Затем она вспомнила о кошельке и вытащила свой подарок. Маленький свиток пергамента.

— Держи, — сказала она. — Это тебе. Не выпускай его из рук. Он стоил много денег.

— Что это?

— Твоя судьба.

Мне словно нанесли удар в живот.

— Кристина, — с грустью в голосе вымолвил я. — Зачем ты потратила деньги на эту ерунду? Ты же знаешь, я в нее не верю.

— Просто возьми.

Она отвела взгляд в сторону.

— Там что-то говорится о тебе? — спросил я.

— Нет, — опустив голову, ответила она.

Я взял свиток судьбы и развернул его настолько, чтобы прочитать первую строку предсказания.

Ты встретишь незнакомца...

Все, как я и ожидал. Люди постоянно пользовались ее легковерием.

— Туманные намеки. Я встречу незнакомца. Конечно, Кристина! Это же город!

— Тот незнакомец будет особым.

— Неужели ты не понимаешь, детка? Это надувательство. Ты катишься под гору с тех пор, как купила свой глупый пергамент. Что тебе нейметься? У нас было все, в чем мы нуждались.

Она посмотрела на меня с неподдельной жалостью.

— Джеймс, — печальным голосом сказала она. — Неужели до тебя не доходит? Я купила свиток не для

подтверждения того, что ты станешь когда-нибудь моим мужем. Я хотела убедиться, что ты им не окажешься.

— О!

Теперь я отвел глаза в сторону. Во мне разрасталась обида. Я чувствовал себя потерянным и одиноким. Она коснулась пальцами пергамента в моей руке.

— Обещай, что прочитаешь его, Джим. Он поможет тебе. Я ведь все еще волнуюсь о твоей судьбе.

— Все эти свитки — дерьмо. Они ничего не меняют!

Кристина посмотрела на меня. Несмотря на густые сумерки, моя память воскресила синий омут ее глаз.

— Пожалуйста, Джеймс. Обещай, что прочитаешь его.

— Обещаю, — ответил я.

Как будто обещание Джима Веддерберна что-нибудь стоило.

На ее лице промелькнула улыбка.

— Мне пора идти, — сказала она. — Еще увидимся.

Она уходила, и я смотрел ей вслед — одинокий и потерянный среди большого города — не зная времени суток, с остатками яда, покидавшими вместе с потом мое уставшее тело, с пустым желудком, который грозно урчал от нараставшего голода. Он словно протестовал против переменчивого мира, превращавшего меня в того, кем я не желал становиться. Мой взгляд еще раз пробежал по первой строке пергамента.

Он словно протестовал против переменчивого мира, превращавшего меня в того, кем я не желал становиться. Мой взгляд еще раз пробежал по первой строке пергамента.

Ты встретишь незнакомца.

Печально покачав головой, я сунул свиток в карман. Внезапно дверь постоялого двора вновь открылась, и в ночь вышел человек, которому предстояло изменить мою жизнь.

Мужчина безошибочно был геем. В ореоле открытой двери я увидел его бордовый бархатный костюм, шикарный галстук и рубашку в золотую полоску. Красный цилиндр был сдвинут набок под игривым углом. Однако мою догадку подтверждал не столько головной убор, сколько подведенные тушью глаза и губная помада. Мужчина выглядел женоподобным и милым. И он смотрел на меня.

— Я полагаю, вы капитан Джим Веддерберн? — спросил он, протягивая мне руку.

— Джеймс Веддерберн, — поправил я его, пожимая теплую и мягкую ладонь.

— Джим, Джеймс... не все ли равно для такого такого Джолли Джапера, как вы? Джим, я хотел бы пригласить вас на ужин. Что скажете? Приятная веселая компания и беседа на фоне поглощения съестных припасов?

— Даже не знаю. Я собрался отправиться в постель.

Мой живот заурчал, выражая собственное мнение.

— Не нужно скромничать, — сказал мужчина. — Фактически, я абсолютно уверен, что вы не собирались спать. В последнее время, Джолли Джим, вы находились под моим наблюдением. Семь вечеров я приходил в это заведение, садился за столик у двери и час за часом смотрел в окно, надеясь, что вы выйдете из дома. Шесть шлюх входили к вам и по нескольку часов оставались у вас, но в ночное время галантный капитан ни разу не покидал своей квартиры. Однако нынешним вечером, наполовину скрытый чарами гламура, в ваш дом вошел Люк Пенниз, и я понял, что эта ночь либо принесет мне удачу, либо разрушит все мои планы. У меня не было сомнений, что вы уцелеете после его ужасного покушения на вашу бесценную жизнь. И разве я не оказался прав?

— Что вам угодно?

— Мне нужна ваша помощь, — ответил он.

— Какая еще помощь?

Гей взмахнул рукой, указывая на высокие здания, чьи тонкие и заостренные вершины возносились к темно-пурпурному небу Дремлющего Лондона, с огромным полумесяцем луны, грозившим городу своими белыми рогами.

— Взгляните на это, — сказал он. — Я хочу, чтобы вы помогли мне понять, в какую западню мы попали.

§ 2

КРАСНЫЙ: АЛЬФОНС, ОН ЖЕ АЛАН

— Идемте, Джолли Джим!

Незнакомец взял меня под руку и повел по улице через пятна света под газовыми фонарями. Все в нем требовало внимания: цветастая одежда, бархатный цилиндр и перчатки; подведенные глаза и тушь на ресницах; красивый тембр голоса. Он говорил, как пропитанный портвейном старый актер, согревавший своим добродушием прохладный воздух ночи.

— Мы выглядим, как прелестная любовная пара, не так ли? — произнес он, пожимая мою руку. — Два милых друга в убогом районе без признаков транспорта!

Мой спутник склонился еще ближе, и я почувствовал запах лаванды, исходившей от его шарфа.

— Мы действительно можем стать любовниками, — прошептал он низким тоном. — Или вы не склонны к подобным отношениям? Какая жалость!

Мужчина весело рассмеялся.

— Я вас смущаю?

— Нет.

И это было правдой. Капитана Джима Веддерберна могли интересовать лишь крепкие напитки, сытная пища и приключения, с небольшими паузами для распутства в компании шлюх. Такой человек мог думать только о том, куда именно его приглашали — на поздний ужин или ранний завтрак. И пока спутники развлекали его, ему было плевать на их сексуальные предпочтения.

Однако Джеймс Веддерберн был более осмотрителен...

— Как вас зовут? — спросил я.

Гей открыл рот от изумления.

— Джим, вы знаете правила! Никаких имен!

Он огорченно вздохнул.

— Хотя так будет нечестно. Я ведь знаю ваше имя. Ладно, называйте меня Альфонсом!

— Альфонс? Не похоже, что это настоящее имя.

— Зато оно довольно милое. Вы так не считаете?

Он растянул рот в широкой улыбке, похлопал ресницами и захихикал. Мне пришлось улыбнуться в ответ.

— И куда вы ведете меня, Альфонс?

— В небольшое приятное местечко. Это уютная нора, где подают божественную выпивку и пищу, ради которой можно пойти на плаху. Да и компания там чисто декадентская.

— Это далеко?

— Вообще-то нет, дружок. Мы уже пришли.

Он подвел меня к узкой двери, зажатой между двумя магазинами — галантерей слева и лавкой скобяных товаров справа. Выставленные на витринах ленты и пуговицы, тазы и ведра казались незыблемыми и вечными, однако я помнил те времена, когда в этих помещениях располагались магазин мобильных телефонов и кофе-бар соответственно. Третьей двери не было вообще. Но в прошлом году она вдруг появилась на уличном фасаде — непритязательный безликий створ с латунной ручкой.

Альфонс дважды постучал по облупившейся краске на двери.

— Кто пришел к вам наконец? — со смехом вымолвил он. — Мистер Суперогурец!

— Это пароль? — спросил я.

— Нет, — ответил мой спутник. — Мне просто захотелось посмешить маленького Чарльза.

Дверь открылась, и на пороге появился мальчик лет тринадцати.

— Прикольно, Алан, — сказал он. — Кто ваш друг?

— О, Чарльз, ты все испортил! Я сказал Джолли Джиму, что меня зовут Альфонс!

— Мне без разницы, как вас называть, — прокомментировал я.

Альфонс/Алан беззаботно взмахнул рукой.

— Чарльз, мой столик готов?

— Они мигом накроют его, Альфонс. Входите!

/

Мы зашагали по тускло освещенному коридору, который, как минимум, был в два раза длиннее ширины всего здания. Старый коврик на полу соответствовал деревянным панелям на стенах. Проходя мимо потертых дверей, выходивших в коридор, мы слышали странные звуки и голоса. Каждая скрытая из виду комната была отдельным маленьким миром, в котором люди смеялись, играли, спорили или рыдали.

— С каждым разом этот коридор становится длиннее, — сказал Алан. — Наш город расползается во всех направлениях.

Мы подошли к узкой лестнице. Красная дорожка стелилась по ней, как пересохший запыленный язык. Восхождение было долгим. Все выше и выше — третий пролет, четвертый...

— Мы уже на полпути, — заверил меня Алан.

Двери, выходившие на лестничные площадки, выглядели ветхими и поцарапанными. Краска на них шелушилась. Где-то рядом я услышал

скрипку, игравшую печальный мотив. От этих унылых звуков вибрировал даже пол под нашими ногами.

Все выше и выше. Странно, с улицы строение выглядело трехэтажным. По моим примеркам, мы поднялись теперь на такую высоту, что могли бы увидеть Темзу. Из приоткрытой двери следующей комнаты потянуло сквозняком.

— Это чеснок? — спросил я. — Или тухлый фарш?

Я еще раз принюхался.

— Или красавчики из лапшичной*?

— Лучше не спрашивайте, — ответил Алан.

Наконец, мы добрались до верхней лестничной площадки. Вместо очередного коридора я увидел добротную, обитую филенками дверь. Едва мы приблизились к ней, она открылась, и Алан жестом пригласил меня войти.

Я оказался в небольшой передней. У одной стены стоял валлийский буфет, чьи полки были заставлены бутылками с вином и бренди. На противоположной стене с деревянных колышков свисали шубы и бархатные накидки. Здесь же посетители оставляли свои фуражки и шляпы. Прямо передо мной стояла почтенная женщина. Она носила напудренный парик и явно злоупотребляла макияжем. Облегающее платье подчеркивало глубину декольте. И там действительно было что декольтировать!

— Мама Клэп! — громко возвестил Алан. — Прошу приветствовать Альфонса и Джима!

— И кто из вас кто? — сухо спросила женщина, закрывая за нами дверь, украшенную золотистыми виньетками.

Мой компаньон засмеялся.

— О, Мама Клэп! Вы все время дразните маленького Альфонса! Наш столик готов?

— Конечно. Со своими шляпами сами разбирайтесь. Где оставили, там и забирайте.

Последняя фраза, очевидно, относилась ко мне. У меня не было головного убора — уходя из дома, я накинул только куртку и кое-что еще. Алан удрученно застыл на месте, с цилиндром и перчатками в руке.

— Этот ужин записать на ваш счет? — спросила Мама Клэп.

*Красавчики из лапшичной — название южно-корейского молодежного телесериала.

— Естественно, — ответил Алан.

Хозяйка ввела нас в маленький зал, заполненный столиками на двоих. Тут уже было полдюжины пар — все мужчины. Мое внимание привлек высокий черный джентльмен, сидевший в углу. Он был неописуемо красивым. Лицо, будто выточенное из эбенового дерева. Наверное, выходец из королевской семьи. Его лацканы и манжеты были оторочены леопардовой шкурой. Напротив красавца сидел цветочник. Кристально чистые глаза и стройная фигура делали юношу довольно привлекательным, но в его взгляде угадывалось лукавство, а на лице сияла всем знакомая улыбка. Работа на цветочном рынке — с его тяжелым воздухом, пропитанным пыльцой и опьяняющими запахами — оказывала сильное воздействие на молодых торговцев. Все цветочники выглядели милыми и, одновременно, тошнотворными созданиями. Парень расправлялся с устрицами, поднимая раковины длинными тонкими пальцами и высасывая их пухлыми губами. Его компаньон безмолвно наблюдал за этой сценой.

Тут уже было полдюжины пар — все мужчины. Мое внимание привлек высокий черный джентльмен, сидевший в углу. Он был неописуемо красивым.

Алан склонился ко мне и поднес лицо так близко, словно хотел поцеловать меня. У него было сладкое дыхание.

— Уделите мне внимание, — прошептал он. — Я должен заботиться о своей репутации.

Было ясно, что он имел в виду. Я позволил ему взять меня под руку и подвести к небольшому столику. Он отодвинул кресло, предлагая мне сесть, и затем устроился напротив меня. К нам тут же подошла Мама Клэп. Ее напудренная грудь слегка прижалась к моему уху.

— Джентльмены? — спросила она.

— Ваш заказ, Джим.

Меню не предлагалось, но сценарий был известен. Я знал, что ожидалось от меня.

— Эти устрицы выглядят весьма аппетитно. Я полагаю, по дюжине каждому.

— С шампанским! — добавил Алан, восхищенный моим ответом.

Я воодушевился его игрой.

— И еще стейк. Недожаренный! Подайте нам авокадо, миндаль и спаржу! Малину и землянику, имбирь и мускатный орех, а затем шоколадный пудинг!

Я взглянул на темнокожего мужчину, но тот не удостоил нас своим вниманием. Однако цветочник, с устрицей в руке, не только повернулся к нам, но и одарил меня всепонимающей ухмылкой. То же самое сделали и некоторые другие посетители. Алан склонился ко мне еще ближе.

— Это же сильнейшие афродизиаки, — прошептал он с восторгом. — Да вы плохой мальчишка!

— Вам хотелось позабавиться. Я подыграл. Теперь, мне кажется, вы должны рассказать о той услуге, которая вам требуется.

Остальные посетители клуба вернулись к своим закускам. Один мужчина вытащил карманные часы, и я вытянул шею, чтобы определиться со временем. Но он захлопнул крышку и возобновил беседу с партнером, который, судя по всему, смущался своего дешевого парика и плохо сидевшей одежды. Осматривая зал, я был несколько удручен отсутствием элегантности: потрескавшиеся столы с золотистым пластиковым покрытием, потертые бархатные кресла, местами продранные ворсистые обои. Несмотря на все прилагаемые усилия, в атмосфере клуба было больше безвкусия, чем безнравственности.

Алан бросил на меня оценивающий взгляд.

— Знаете, вы почти добились оптимального образа. Эта военная куртка выглядит замечательно. Я обожаю золоченные эполеты. Но если бы вы отрастили волосы, обзавелись усами и приоделись соответственно, то вполне сошли бы за подражателя Байрона. И тогда женщины просто падали бы в обморок у ваших ног.

Он игриво подмигнул.

— Да и мужчины тоже.

— Меня не интересует подражание поэту, — ответил я.

— И зря. Вы выглядели бы лучше, чем сейчас.

Он постучал наманикюренным ногтем по столу.

— Вы воевали в Багдаде и провинции Гильменд. Проводили операции в Бирме. Затем ушли из армии. Будь это позорное увольнение, вы были бы вообще неотразимы.

— Что вам известно о моем уходе из армии? — спросил я.

Он проигнорировал мои слова.

— Вам только двадцать шесть, —

продолжил Алан. — Кто знает, каких высот вы достигли бы, следуя узким и прямым путям военного устава. Но людям, похожим на нас с вами, трудно сдерживать страсть в своих брюках. Не так ли, Джим?

Я вспомнил о том, что говорила мне Кристина на улице около моего дома.

— Меня подставили. У них не было никаких доказательств, и они знали об этом.

— Братание с врагом?

— Нет. Мы просто водили дружбу с местными женщинами.

— И никогда не зарабатывали на них никаких денег?

Алан посмотрел на меня, и его фатовская усмешка исчезла с лица. Он помахал рукой в воздухе, как бы сожалея о последней фразе.

— Всё это уже в прошлом. Я полагаю, вы счастливчик, Джим Веддерберн.

— Откуда такое предположение?

— Мы с вами неплохо устроились в Дремлющем Лондоне. Интересно, кем бы вы стали без этих перемен?

Он обвел рукой комнату. Мы оба посмотрели на посетителей за дальним угловым столиком, которые сражались с салатом из морепродуктов. Они упорно старались проткнуть свой ужин вилками, но зеленые щупальца отбивали все их атаки.

— Я приспособился бы к любым обстоятельствам.

— Возможно, — согласился Алан.

Он еще раз оглянулся на незадачливых любителей морепродуктов.

— Им следовало бы окропить осьминога лимонным соком и чили. Это успокоило бы его.

Он с улыбкой повернулся ко мне.

— Не могу отделаться от мысли, что в старом городе вы были бы просто еще одним отставным солдатом. Однако вам повезло, и вы стали заправским жуликом.

Он лукаво подмигнул.

— Леди любят шарлатанов.

Я не успел произнести и слова,

как Мама Клэп принесла нам шампанское. Ее служанка поставила на стол ведерко со льдом.

— Позвольте мне, — сказал Алан, открывая бутылку. — Без всяких хлопков. Со вздохом удовлетворенного любовника.

Он налил шипящий напиток в бокалы. Золотистые пузырьки соответствовали золоченой комнате. Я сделал глоток и почувствовал легкое головокружение — реакция напитка на яд и на пустой желудок.

— Так что вам угодно?

Алан не слушал меня. Он наслаждался шампанским.

— Прекрасно! — воскликнул он, почмокав губами. — Знаете, Джим, вам нужно взяться за написание мемуаров. Это принесло бы вам немалый доход. А потом вы могли бы стать поэтом. Никто не требовал бы от вас хороших стихов. С такой прекрасной внешностью вам позволили бы писать все, что угодно.

А потом вы могли бы стать поэтом. Никто не требовал бы от вас хороших стихов. С такой прекрасной внешностью вам позволили бы писать все, что угодно.

— Поэзия меня не увлекает.

— Естественно, не увлекает. С чего бы? Вы же Джим Веддерберн. Жуликоватый джентльмен, по общему признанию!

Я открыл рот, чтобы опровергнуть его утверждение, но Алан продолжил свое пустословие:

— В наш романтический век людям нравятся не только положительные герои, но и отрицательные. Хотя на самом деле ни тех, ни других не бывает...

Он откинулся на спинку кресла и с усмешкой посмотрел на меня. Я вновь почувствовал тонкий расчет, скрывавшийся за его словами. С тех пор, как мы встретились, он вел какую-то игру. И я начал подозревать, что за его шутовством стояло нечто серьезное.

Алан отхлебнул шампанского.

— Джим, вы когда-нибудь подумывали о побеге из Дремлющего Лондона?

Я засмеялся.

— А кто об этом не думал? Наш город, как ловушка для раков. Легко попасть, но невозможно выбраться.

Пытаясь бежать, вы садитесь на поезд, идущий в другом направлении, или пропускаете нужную пересадочную станцию, или вообще оказываетесь не на той платформе. Сами того не понимая, вы снова и снова направляетесь на станцию «Энджел»*.

— Верно. Но если бы имелся способ побега, вы воспользовались бы им?

— Если вам известен этот хитрый способ, я с радостью послушаю рассказ о нем.

— Неужели вы бросили бы свой бизнес и умчались отсюда?

— Как пуля. И что за способ?

— Я такого не знаю.

Принесли устриц. Раковины были раскрыты и лежали во льду. Мой живот так громко заурчал, что джентльмен за соседнем столиком услышал его. Он покосился на меня. Я продемонстрировал ему средний палец. Он, в свою очередь, показал мне язык.

— Попробуйте хрен, — сказал Алан, указав на маленький поднос с гарниром. — Он просто восхитительный.

Томимый зверским голодом, я проглотил свою порцию устриц и позаимствовал еще четыре у Алана.

— Замечательно, — произнес мой спутник, когда официантка убрала тарелки.

После того, как стол был очищен, он поместил передо мной мерцавшую в свете ламп фотографию. Заметив его выжидающий взгляд, я констатировал:

— Это Лондон.

— Снимок сделан с дирижабля — незадолго до того, как аэропорт поглотили болота.

Я взглянул на фотографию. Она была сделана с помощью замедленной съемки.

— Сколько времени прошло с тех пор?

— Пять месяцев, — ответил он.

Меня не оставляло ощущение, что я находился во сне внутри сна, затерянный между ночью и утром. Я по-прежнему не ориентировался во времени, а в этом клубе не было часов.

*Название девятого альбома рок-группы «Манфред Мен» с рефреном: «Станция Энджел все еще закрыта».

Выискивая Квадратную милю**, я перевел взгляд на правую часть снимка. Озаренные лунным светом высокие башни отбрасывали длинные тени на реку. В наши дни Темза свивалась в кольца, как змея, готовая к броску. Но пять месяцев назад она еще сохраняла остатки прежних очертаний, поэтому я без труда нашел Вестминстерский дворец.

— Посмотрите сюда, — сказал Алан, указав на центральную часть фотографии.

— Это Гайд-парк?

— Грин-парк, — ответил он. — Взгляните, как другие парки перемещаются к нему.

Я с изумлением осмотрел искривленные зеленые участки, которые крались в сердце города.

— Вы бывали в Грин-парке? — спросил Алан.

— В последнее время, нет. Река обернула его кольцами. Соседние парки превратились в непроходимые чащи, и теперь уже невозможно найти пути через эту преграду...

Я снова взглянул на снимок. Неужели все зеленые пятна стремились слиться в одно целое?

— В центре города что-то происходит, — многозначительно продолжил я. — Во всяком случае, мне так говорили.

— Кто говорил?

Я посмотрел на него.

— Знакомые. Деловые партнеры. Сведущие люди.

— Похоже, я знаю, о ком вы говорите. И что вы слышали?

— Только слухи и домыслы. Ничего существенного. Но эти слухи дают нам намек. Если вы отследите любую историю от конца до начала, то, рано или поздно, в ней будут упомянуты парки.

Мы еще раз посмотрели на фотографию. Я заметил вторую реку, которая начиналась на севере и соединялась с Темзой на востоке. Река Родинг выглядела гораздо шире, чем прежде.

Мой собеседник перешел на шепот.

Река обернула его кольцами. Соседние парки превратились в непроходимые чащи, и теперь уже невозможно найти пути через эту преграду...

**Центральный лондонский квартал, чья площадь составляет 1.22 кв. мили

— Джеймс, мы хотим, чтобы вы выяснили суть происходящих событий.

Услышав свое настоящее имя, я вскинул голову и увидел, что шутовская маска была сброшена. Передо мной сидел реальный Алан.

— Кто вы? — спросил я.

— Человек, которому не нравится нынешние изменения в мире.

Он постучал пальцем по столу.

— Человек, чей стиль жизни в который раз подвергается осуждению. Человек, который не хочет, чтобы общество возвращались к тому состоянию, в котором оно находилось сотню лет назад, когда подобные мне люди считались извращенцами и париями. И я не один. Этот новый мир создает победителей и побежденных, но некоторые из проигравших по-прежнему имеют силы и влияние, чтобы нанести ответный удар. Мы хотим, чтобы вы оказали нам помощь.

— Почему вы выбрали меня?

— Из-за вашей репутации, Джеймс.

— И какая у меня репутация? Я капитан Джим Веддерберн. Мошенник, пьяница и любитель шлюх. Дебошир и вор.

— Тем не менее, к вам прислушиваются, Джеймс. У вас привлекательная внешность и убедительный голос. Конечно, мы могли бы найти людей поумнее... Прошу вас. Без обид.

Он поднял руку, извиняясь за свои слова.

— Или тех, к чьим советам стоило бы прислушаться. Но у вас имеется харизма, которая влечет поклонников за вами. Вы естественный лидер.

— Возможно, вы правы, — согласился я.

Люди действительно прислушивались к моему мнению. Благодаря этому я не раз получал внеочередные армейские звания.

Алан склонился над столом.

— Вы слышали о Картеле?

Я промолчал.

— До вас же доходили какие-то слухи?

Достав из ведерка холодную бутылку шампанского и ощутив ее вес в своей руке, я осторожно ответил:

— Мне говорили, что имеются влиятельные круги, которым не нравится путь развития Дремлющего Лондона. Бывшие банкиры, представители теневого бизнеса, политики и младшее дворянство, оставшееся в городе — все те, кто за прошлый год, так или иначе, потерял свою власть.

Я наполнил наши бокалы и с улыбкой добавил:

— Что тут можно сказать? Я в восторге от этого.

Лицо Алана недовольно вытянулось.

— Ах, Джеймс, не будьте таким. Между прочим, Картель, дает высокую оценку вашим перспективам.

— От этого я тоже в восторге.

— Умерьте свой сарказм. Что если я от их имени предложу вам работу? За которую хорошо заплатят.

Я посмотрел на Алана.

— Все зависит от работы. Точнее, от гонорара.

— Речь идет не о наличных деньгах, — сказал он. — У нас имеется кое-что получше. Мы предлагаем вам участок земли. В личную собственность. Не хотите стать одним из лордов Дремлющего Лондона?

§ 3

ДВА: ДЭДДИО КЛАРК И МЭЛОН УЭЙЛЕРС*

*название известной британской рок-группы

В этот момент официантка расставила перед нами чистые тарелки. Я услышал приятное шипение и уловил пикантный аромат. К нам подошла Мама Клэп, неся в руках серебряный поднос с двумя прекрасными толстыми стейками. Она выложила их на наши тарелки — розовато-кровавые, сочившиеся соком на белый фарфор. Я разрывался между голодом и любопытством. Пока сопутствующие соусы в маленьких стеклянных сотейниках выставлялись на стол, меня сводило с ума нетерпение. Мне хотелось приступить к еде и хотелось услышать детали делового предложения. Я наблюдал, как Мама Клэп водрузила перчик на мой стейк, затем еще один — на мясо Алана. Я наблюдал, как, ловко орудуя ложкой, она выкладывала на наши тарелки картофель, зеленые бобы и тушеную капусту. Затем очередь дошла до французской горчицы и соли. Мазок анчоусной пасты «Приправа джентльмена». Мне не терпелось возобновить беседу, но я был вынужден ждать, когда в мой бокал нальют бургундское вино для первой пробы. Я сделал глоток, кивнул головой, и Мама Клэп наполнила наши бокалы.

Горячее блюдо была подано, но хозяйка по-прежнему не покидала нас.

— Может, мне порезать ваши стейки на кусочки, джентльмены?

— Нет, спасибо, Мама Клэп, — с улыбкой ответил Алан.

— Уверены? Если хотите, я могу подуть на ваше мясо, чтобы оно немного остыло.

— Мы большие мальчики, Мама Клэп. Сумеем о себе позаботиться.

— Ну, как скажите.

Наконец, нас оставили в покое. Мы начали резать мясо.

— Вы предлагаете мне стать владельцем земли? — спросил я. — Что за участок?

— Колокольный квартал. Вы же там ведете свой бизнес, не так ли?

— Все-то вы знаете.

— Как много вы платите за ренту? — спросил Алан, набивая рот стейком.

— Ужасно много. И цены постоянно растут.

У меня возникли смутные подозрения. Я сурово посмотрел на собеседника.

— Так, значит, вы являетесь нынешним владельцем Колокольного квартала? Вы это хотите сказать?

— Я? Какая чушь!

Он выглядел разочарованным.

— Наверное, вы думаете, что знаете порядки Дремлющего Лондона? Уверяю вас, Джеймс, вы ничего в них не смыслите.

— Мне известно, что земля в нашем городе даруется, как награда, — ответил я. — Форма Дремлющего Лондона постоянно меняется. Кто-то может пойти в постель владельцем сотни акров и проснуться обладателем земельного участка не больше почтового штампа.

Я надкусил кусочек стейка. Теплая красная кровь брызнула в мой рот. Это было чудесно.

— Действительно, — согласился Алан. — Хотя равно вероятен и обратный результат. Каждый

собственник земли может надеяться, что его владения будут расти.

Он многозначительно подмигнул мне.

— Подумайте об этом на досуге.

— Чем мне придется заниматься?

— У вас будут два поручения.

Взглянув на вилку, с нанизанным куском мяса, Алан опустил ее на тарелку. Очевидно, он не был таким голодным, как я.

— Мне кажется, что первое из них гораздо легче, чем второе.

— Продолжайте.

— Начну с более легкого задания. Мы хотим, чтобы вы нашли людей, ответственных за перемены, происходящие в Дремлющем Лондоне.

Я проглотил кусок стейка.

— Хм! Как будто никто другой еще не пытался отыскать этих типов!

— Многие пытались, — сказал Алан. — Но я считаю, что вы можете добиться успеха. Присоединяйтесь к Картелю. Титул лорда и военная форма будут отлично приняты в залах заседаний восточной части города. Капитан Джим Веддерберн внесет ценный вклад в наше общее дело.

— И как вы собираетесь вводить меня в это высшее общество?

— Вы поедете со мной. Я проведу вас в наше учреждение. Придам вам лоск респектабельности. Устрою вас на работу в Сити, где, в общем-то, и начались перемены. Вы будете нашим человеком в логове врага. А как там действовать, вы и сами знаете. С вашей внешностью и харизмой вас примут с распростертыми руками.

— И взамен вы даруете мне участок земли, на котором находится Колокольный квартал? Вам придется заплатить за него огромную сумму. Я не уверен, что Картель может позволить себе такие расходы.

Алан улыбнулся.

— Да, это интересная тема! Понимаете, если мы осуществим наши планы, Картель завладеет многими частями города. И если он добьется успеха, мы с вами будем в числе победителей, Джеймс.

Я обмакнул кусочек стейка в горчицу. Треснувшие коричневые семена прилипли к розовому мясу.

— Думаю, мне нужно нечто большее, чем Колокольный квартал.

Я сунул мясо в рот и начал пережевывать его, глядя на собеседника. Алан кивнул головой.

— Мы можем это обсудить.

— Ох о-хо! И что еще вам нужно от меня?

— Да... Второе задание.

Алан снова опустил вилку на край тарелки. Он с серьезным видом посмотрел на меня.

— Вы должны понять, Джеймс, что люди привыкают к изменениям. Оправдывая свои проступки, они говорят, что во всем виноват Дремлющий Лондон. И они не собираются менять свое поведение.

Он был прав. Я подумал о Кристине и ее куске пергамента со списком идеальных мужчин.

— Это вы верно заметили.

— Итак, второе поручение. Когда начнется решающее сражение, нам понадобится лидер. Харизматичный плохой парень, пожелавший стать хорошим гражданином. Нам нужен смелый человек, который возглавил бы революцию против злодеев, изменивших наш мир.

— И этой персоной буду я?

— А кто еще? Как я уже говорил, люди следуют за вами, капитан Джим Веддерберн. Хотя вы можете добиться большего! Знаете, кем вы можете стать?

Оправдывая свои проступки, они говорят, что во всем виноват Дремлющий Лондон. И они не собираются менять свое поведение

— Кем?

— Героем Дремлющего Лондона. Героем с заглавной буквы!

Я рассмеялся.

— Это правда, Джим.

— Извините, Алан. Какой из меня герой? Даже слушать неловко.

— Ладно, поговорим об этом позже. Так, значит, вас не соблазнило наше предложение?

Я пожал плечами.

— Мне хотелось бы узнать, что происходит в городе. Кому бы не хотелось?

— И что вас останавливает?

— Картель. Судя по всему, это те самые люди, которые прежде управляли нами.

— Некоторые из них, — согласился Алан.

— Предположим, что мы добьемся успеха и свергнем тех, кто навязал нам Дремлющий Лондон. Но что я получу взамен? Мы по-прежнему будем набивать карманы прежних правителей.

— Вы войдете в их круг. Джеймс, вы станете владельцем Колокольного квартала.

— Это интересное предложение Я подумаю о нем.

— Только не слишком долго.

Алан вытащил из кармана бумажник серебристого цвета. Он достал из него визитную карточку.

— Тут указан мой адрес.

Он сунул бумажник в карман.

— Если вы захотите присоединиться к Картелю, вам следует явиться по данному адресу до наступления рассвета. Учтите, вы должны прийти в мой дом раньше, чем узнаете точное время.

Я с недоумением взглянул на него. Неужели он решил поиздеваться надо мной?

— Никаких шуток, — пояснил Алан. — Вы не знаете, какой сейчас час. Это дополнительная мера предосторожности. Никто не сможет определить время нашей беседы. Вы же понимаете, Картель заботится о своей безопасности.

Он осмотрел посетителей клуба — наверное, хотел убедиться, что никто не проявлял к нам повышенного интереса.

— Вы помогли мне принять решение, — суровым тоном сказал я. — Не люблю, когда на меня оказывают давление. Мой ответ — «нет».

Опустив вилку и нож на тарелку, я поднялся на ноги.

— Спасибо за ужин. Мне пора идти.

— Не торопитесь, — произнес Алан. — Сядьте и закончите ужин.

Я еще раз окинул взглядом порочное великолепие зала. Возможно, остальные члены Картеля сидели сейчас в таких же закрытых клубах и замышляли аферы в надежде вернуть былую власть. Я не хотел быть частью их круга. Я не верил в эффективность этих людей. Мой внутренний голос говорил, что лучше держаться от них подальше.

— Нет, аппетит пропал. Благодарю за ваше предложение, но я не желаю быть героем революции. Спокойной ночи.

— И вам того же, — ответил Алан. — Не буду притворяться. Вы разочаровали меня.

Я повернулся и вышел из зала. Мама Клэп закрыла за мной дверь.

Итак, я вновь оказался на улице, по-прежнему не зная точное время, но чувствуя себя не столь опустошенным.

Заманчивые слова Алана не выходили из моей головы. Не слишком ли я поторопился? Мне хотелось вернуться назад в клуб Мамы Клэп и узнать подробности о планах Картеля. Неужели я упустил свой счастливый шанс? Алан дал мне время на размышления — до рассвета. Но основное правило бизнеса гласило: никогда не позволяй другим людям ограничивать твои действия конкретными сроками. Кроме того, мне не нравилось двуличие Картеля: его представители утверждали, что беззаветно трудятся для общего блага, а на самом деле нагло обогащали собственные гнезда. Такие же мошенники, как я. Им нельзя было доверять. Я не смог удержаться от смеха. Алан предлагал мне стать героем Дремлющего Лондона. Неужели они надеялись поймать меня на эту наживку?

Я зашагал по ночной улице. Мне не хотелось возвращаться домой. Ноги сами понесли меня в каменные дебри Дремлющего Лондона. Звезды казались такими тяжелыми,

что пурпурное небо прогибалось в середине и нанизывалось на шпили городских башен. Я вышел из тихой скуки своего квартала в процветающую мглу Мандолинового дола. Здания здесь были облицованы черным глянцевым кафелем. Окна отражали тени других измерений.

Хотя капитан Джим Веддерберн ничего не боялся, его альтерэго Джеймс внезапно почувствовал озноб, пробежавший по телу. Он услышал доносившиеся из ночи невероятно сладкие и манящие звуки аккордеонов. Они, будто леденящий ветер, плели свой путь между фонарных столбов.

Аккордеоны — источники зла. Аккордеоны, как хамелеоны. Они необычны даже для этого переменчивого мира. Механизмы, приводящие их в действие, нераспознаваемы для человеческого глаза. Вы когда-нибудь видели внутренние части аккордеона? Что интересно, они не содержат микросхем, которые могли бы объяснить создаваемые ими звуковые колебания. Они производят их без всякого уважения к законам науки. И теперь, когда мы живем в мире, где микросхемы стали просто песком на асфальте, аккордеоны кажутся куда более зловещими, чем когда-либо. Их блестящие каркасы напоминают панцири насекомых. Их меха алчно вздыхают, а клавиши блестят, словно зубы ночных хищников.

Я мог бы развернуться и уйти. Но что-то в звуках музыки тянуло меня, как магнит. Свернув за угол, я увидел трех аккордеонистов, стоявших под фонарями маленького сквера. Их мелодия создавала эхо с ревербрацией, схожей на куранты башенных часов. Год назад здесь была площадь с популярным парком, у ограды которого парковались машины. Теперь все машины исчезли из Дремлющего Лондона. Окружающие дома разбухли, сократив городскую площадь до размеров небольшого двора. Сейчас крыши зданий нависали над колодцем сквера, блокируя свет звезд, который пытался проникнуть вглубь темного пространства.

Люди, жившие в соседних домах, должны были проклинать музыкантов, мешавших им спать среди ночи. Но никто не роптал. Музыканты были одной из каст, получивших привилегии от изменений. Они не платили налоги. Они имели право — и даже обязанность — играть везде, где находились. Однако, самое главное, их повсеместно уважали. Даже лишенные музыкального слуха шестнадцатилетние подростки, которым удавалось выжимать лишь три аккорда из гитары, пользовались в городе неизменным успехом. Для самооправдания они сопровождали свои песни жалобным воем, но их выступления встречались неприкрытой лестью, которую прежде дарили только тем, кто мог изобретать пенициллин или раздавать беднякам обеззараженную и бывшую в употреблении одежду.

Да, эта музыка тянула меня к себе. Казалось, что вершины домов изогнулись и склонились надо мной. Я чувствовал себя в бокале, наполненном мелодией. Неестественная вибрация аккордеонов обвивала меня невидимыми лентами. Струи мелодии свивались и путались в голове. Трое аккордеонистов отстранено смотрели мимо меня. Это был тот пустой полуосознанный взгляд, который присущ музыкантам, когда они сосредотачиваются на сложных произведениях. Я не знал, что они исполняли — наверное, какую-то восточно-европейскую мелодию со странным мотивом и сигнатурой времени. Она переносила меня в настроение вампиров и людей, танцевавших под звездами. Аккордеонисты стояли с широко расставленными ногами в черных ботинках. Они манипулировали мехами, посылая потоки музыки в маленький сквер, с явным желанием ввести меня в транс.

Я чувствовал, как мой шаг замедлялся. Я понимал, что входил не в пространство, заполненное музыкой, а в паутину. Это была ловушка, в которую меня успешно завлекли. Я покачал головой от досады. Конечно, это была западня! Иначе, почему я шел навстречу ненавистным звукам?

Музыка зазвучала тише, и до меня донеслись шаги. Медленная осторожная поступь. Кто-то подходил все ближе и ближе. Что-то металлическое и острое укололо мою спину.

— Это нож, капитан Веддерберн.

— Да, я уже почувствовал.

— Сейчас музыка остановится. Я не хочу, чтобы вы делали неосмотрительные движения. Действительно не хочу.

— Я тоже.

Голос не был враждебным, хотя в нем звучала наполовину дружелюбная угроза, если только подобный вид опасности существует на свете.

— Что вам нужно? — спросил я.

— Мне много чего нужно, и я с радостью поговорил бы об этом. Но речь пойдет о другом. Меня послал Дэддио.

— Кто?

— Вы не слышали о Дэддио Кларке и Мэконе Уэйлерсе? — с неподдельным удивлением спросил незнакомец.

Теперь я понял, о чем он говорил.

— Ах, да! Дэддио из Ист-энда! Мне рассказывали о нем, хотя, признаюсь, я не верю таким слухам.

— Не верите? Это можно исправить.

К счастью, меха аккордеонистов замерли. Последние ноты мелодии повисли в воздухе и через несколько мгновений растворились в ночи. Я услышал перестук клавиш, пощелкивание щеколд, пока музыканты укладывали инструменты в футляры, и, наконец, их шаги, удалявшиеся за пределы сквера. Мы с таинственным собеседником остались одни в опустевшем квартале.

Мой голос сохранял спокойствие. Никакого чувства паники перед человеком, который держал нож у самой моей почки.

— Послушайте. Я не знаю, по какой причине вас послали ко мне, но можете сказать Дэддио, что капитан Джим Веддерберн передает ему свои приветствия и желает всего наилучшего. Кроме того, насколько мне известно, мы с ним не имели никаких разногласий — во всяком случае, до настоящего времени.

— Я думаю, вы недопоняли меня. Дэддио не имеет к вам претензий. Скорее даже наоборот.

— Тогда почему вы приставили нож к моей спине?

Последовала небольшая пауза. Очевидно, мой собеседник размышлял над ответом.

— Чтобы привлечь ваше внимание, — ответил он.

— Оно принадлежит вам всецело.

— Ладно. Позвольте мне передать слова Дэддио. Вы должны знать, что он восторгается вами, капитан Веддерберн. Он считает, что человек вашего калибра мог бы неплохо продвинуться в его организации. Короче, он предлагает вам работу.

Два предложения о сотрудничестве за одну ночь? С каких пор капитан Джим Веддерберн стал таким популярным? Я решил немного потянуть с ответом.

— Почему Дэддио думает, что меня заинтересует его работа?

— Вы действительно верите, что у вас имеется выбор?

Судя по голосу, мой собеседник был искренне озадачен. И, похоже, у нас возникли трудности в общении. Кто-то должен был вывести беседу из патового положения.

— Послушайте, — сказал я, — мне трудно думать, ощущая кончик ножа под ребром. Я собираюсь отойти в сторону и повернуться к вам.

После секундной задержки нож был отведен от моей спины. Я сделал шаг вперед и повернулся, чтобы посмотреть на своего противника. В тот же миг все мысли о сопротивлении покинули меня.

Передо мной стоял мужчиной, но его с трудом можно было назвать человеком. Высокий рост, широкий торс. Руки толщиной с мои ноги. Ноги, как мое тело. Его одеяние походило на монашеский балахон. Для подгонки по размерам боковые швы пришлось распороть и вшить туда дополнительные вставки. Тело мужчины выглядело несколько гротескным. Однако ничто не могло сравниться с его головой. Ее пропорции были в два раза больше естественных. Узкие глаза сияли огнем, рот напоминал широкую щель, вырезанную в огромной тыкве. Но хуже всего было то, что находилось в его рту...

— Что у вас во рту?

— У меня во рту? Ничего там нет.

Голос гиганта звучал так уверено, что я не знал, как разубедить его. Привстав на цыпочки и присмотревшись, я разглядел на языке мужчины два маленьких глаза. Они наблюдали за мной, и в их взгляде угадывался безошибочный интеллект.

— А вы собственно кто? — спросил я.

— Один из квантификаторов Дэддио, — неохотно ответил мужчина.

— Что с вами произошло?

— Странный вопрос. Почему вы считаете, что со мной могло что-то произойти?

Два маленьких ока на языке большого мужчины ехидно посмотрели на меня. Стараясь не замечать их иронии, я перевел взгляд на глаза квантификатора.

Два маленьких ока на языке большого мужчины ехидно посмотрели на меня. Стараясь не замечать их иронии, я перевел взгляд на глаза квантификатора.

— Какую работу собирается дать мне Дэддио?

— Он расширяет подконтрольную территорию. Раньше его организация занималась рэкетом и «крышевала» азартные игры. Теперь он решил подчинить себе проституцию. А под

чьим надзором находятся шлюхи всего Западного Лондона, капитан Веддерберн?

— Не под моим! Я просто слежу за порядком в нашем маленьком районе. Присматриваю за девочками. Угощаю их конфетами.

— То есть, весь бизнес в ваших руках?

— Мне помогает Второй Эдди.

— Но хозяин вы?

— Можно и так сказать.

— Значит, шлюхи подчиняются вам.

— Они доверяют мне.

— Дэддио расширяет свою территорию. Вы понимаете, что это значит?

Квантификатор взмахнул ножом, указывая на окружающие здания.

— Кто-то скупил всю недвижимость. Но мы все равно можем делать деньги, окучивая людей. Именно в этом и хорош Дэддио Кларк.

— В окучивании людей?

— Точно! И я скажу вам так. Это только начало. Сюда стремятся новые миры. Скоро тут будут толпы их предпринимателей. Поэтому Дэддио намерен взять под контроль все, что только можно. У него большие планы, и он хочет, чтобы вы стали их частью.

— А если я откажусь? Квантификатор нахмурился.

— Вы же видели мой нож, не так ли?

Он приподнял лезвие для визуального осмотра. Клинок выглядел, как осколок керамического барабана — черный, блестящий и зловеще зубчатый. Я знал, как убийцы пользовались им: вонзали лезвие в живот, проворачивали его по оси и смотрели, как желудочная кислота жертвы разъедала умирающее тело.

— Ладно, — сказал я. — Обещаю вам подумать об этом.

Лицо квантификатора снова озадаченно вытянулось.

— Не понял. Мне нужен конкретный ответ! Вы будете работать на Дэддио? Или вас порезать на куски?

Я посмотрел на огромную фигуру квантификатора. Удастся ли мне одолеть его в бою? В кармане куртки у меня был пистолет, но я сомневался, что он способен завалить такое существо.

— Хорошо, — сказал я.

Морщины на лбу квантификатора стали еще глубже.

— Что «хорошо»? Так вы согласны работать на Дэддио?

— Передайте ему, что капитан Веддерберн получил сообщение и пребывает в восторге от проявленного к нему уважения!

— Ладно, — медленно кивнув, произнес квантификатор.

Похоже, мой ответ понравился ему. Тем не менее, его язык высунулся изо рта и пристально уставился на меня.

— Я могу теперь идти домой?

— Нет! — рявкнул гигант. — Мне осталось передать вам еще одно указание. Дэддио хочет, чтобы вы не имели никаких дел с Картелем.

Я благоразумно помолчал пару секунд. Неужели квантификатор знал о моей встрече с Аланом? Или выбор времени для разговора со мной был случайным совпадением?

— Вот как? Почему?

Громила почесал свою «тыкву» острым кончиком ножа.

— Не думаю, что вы можете обсуждать приказы Дэддио. Как я уже говорил, он имеет большие планы на Дремлющий Лондон. Ему нравится, как складывается ситуация, и он не хочет, чтобы Картель препятствовал пришествию нового мира.

— Что за Картель? — невинным тоном поинтересовался я.

Возникла новая пауза.

— Мне кажется, вы притворяетесь.

Я тут же сменил тему.

— Так что Дэддио хочет от меня? Что я должен делать?

— Дэддио хочет, чтобы вы пока ничего не делали. Идите домой, ложитесь в постель. Он свяжется с вами, когда придет нужный момент. Это может занять несколько дней или недель. Не волнуйтесь и ждите.

— А если я не выполню приказа Дэддио?

— Зачем вам подставляться? Вы теперь работаете на него.

— Забыл. Спасибо, что напомнили.

И снова два глаза на его языке сурово посмотрели на меня.

— Отлично. Я могу идти?

— Да.

Квантификатор сделал шаг в сторону.

Я медленно покинул сквер и, выбравшись из Мандолинового дола, отправился домой — в свой квартал. В конце длинной улицы, в обрамлении зданий и пурпурного неба, виднелась выпуклая башня колокольни, в честь которой был назван наш район. Луна, укрывшись за плотными тучами, хранила секрет о времени ночи.

Я шел по тротуару между лужами света, прислушиваясь к крикам синих обезьян, стрекоту насекомых и обрывкам песен, вылетавшим из полуоткрытых дверей пабов. Одна из шлюх, стоявшая в подворотне магазина, узнала меня.

— Капитан Веддерберн! Может быть, зайдете в гости?

— Не этой ночью, Сьюки Сью.

— Не будьте таким букой. Мы хорошо проведем время.

Время... Интересно, какой сейчас час? Алан предупреждал меня не расспрашивать о времени. Что если я нарушу это условие?

Интересно, какой сейчас час? Алан предупреждал меня не расспрашивать о времени. Что если я нарушу это условие?

Сьюки Сью вцепилась в мою руку.

— А вы дадите мне конфетку?

Я порылся в карманах и сунул ей полосатый леденец в целлофановой обертке. Она схватила его и скрылась в подворотне, оставив меня наедине с моими мыслями.

Что мне делать? Вернуться домой? Но в таком случае я подчинился бы приказу Дэддио. Хотя о каком подчинении могла идти речь? Я сам собирался отправиться домой. А каковы мои дальнейшие планы? Капитан Джим Веддерберн всегда приказывал другим и никогда не следовал чужим указаниям. Однако, какое бы решение я ни принял этой ночью, мне все равно пришлось бы выбирать между Дэддио и Картелем.

Здесь, на одной из улиц Дремлющего Лондона, я вдруг вспомнил о клочке пергамента, который подарила мне Кристина. Терзаясь сомнениями, я вытащил из кармана свиток с предсказанием судьбы. Что предвещала мне ночь?

Мое возвращение в Лондон совпало с началом изменений. Здания разрастались в ширину и высоту. Люди менялись. На первой стадии это было почти незаметно, но затем никто уже не сомневался в очевидности событий. Казалось, что ночные чары увеличивали их скорость.

Я не верил в судьбу и предсказания, однако эта ночь была особенной. В атмосфере назревало какое-то смутное обещание... Обещание чего-то. Улицы выглядели темнее обычного. Воздух дурманил непривычными пикантными ароматами. Словно весь мир затаил дыхание в ожидании... В ожидании чего? Моего выбора?

Я с любопытством развернул свиток и начал читать предсказания.

Ты встретишь незнакомца.

Тебе предложат работу.

Тебе предложат вторую работу.

Я почувствовал тревогу. А разве не это случилось со мной нынешней ночью? Дальнейшие размышления заставили меня нахмуриться. Все жители Дремлющего Лондона пытались сделать карьеру. Они опробовали любые варианты сотрудничества, и было ли что-то необычное в предложении новой работы? Я продолжил чтение свитка.

Пойдешь в таверну и встретишь друга — того, кто предаст тебя.

Пойдешь в доки и встретишь самого лучшего друга — того, которого предашь ты...

Я перестал читать. Все эти предсказания имели один недостаток. Их смысл становился понятным только после того, как указанные события случались в вашей жизни. Пергамент сообщал, что мне предложат две работы. Да, я получил их — до известной степени. Однако в свитке не давалось никаких советов по поводу того, какое предложение принять. И что ценного было в подобных пророчествах?

Я скрутил пергамент и задумчиво постучал им по губам.

Что же делать дальше? Проще всего было вернуться домой и завалиться в постель. Но тогда я подчинился бы приказу Дэддио Кларка. У меня имелась альтернатива: навестить дом Алана до рассвета. Если я и дальше буду бродить по улицам города, то, сам того не желая, выполню указание Дэддио. В любом случае, я становился объектом манипуляций, и мне это не нравилось. Что же делать?

В конце концов, я решил следовать старому правилу, которое часто помогало мне в минуты колебаний: идти на запах денег. Через полчаса, держа в руке визитную карточку, ваш покорный слуга уже стоял на пороге «Ядовитого тиса».

Когда Алан открыл входную дверь особняка, с его губ сорвался вздох облегчения. Он отступил на шаг, приглашая меня в широкий холл. У дальней стены стояли напольные часы, медленно отсчитывавшие ход времени.

— Не смотрите на них! — предупредил меня Алан. — Это защитная мера, которая, в случае необходимости, сделает наши свидетельские показания неточными.

Я услышал шаги. В холл вошел другой мужчина — неописуемо красивый, гибкий юноша, с бархатистой темной кожей и глазами цветочника.

— Значит, он пришел, — сказал он утомленным голосом.

— Конечно, пришел, — ответил Алан. — Не будем терять времени. Рассвет уже близок. Пусть Джим немного поспит.

Они сопроводили меня по лестнице на второй этаж — в комнату с большой бронзовой кроватью — затем, придерживая дверь полуоткрытой, пожелали мне спокойной ночи.

— Мы поговорим с вами утром, — сказал Алан.

*Тут без спроса вставлены примечания уважаемого переводчика:

*Бывают случаи, когда примечания (сноски), на мой взгляд, просто необходимы. Дэддио Кларк и Мэкон Уэйлерс — известная британская рок-группа. Почему Баллантайн превратил их в мафиози? Потому что они его лучшие друзья, соратники по пабовским попойкам. Он решил «приколоться» над ними. В книге нет никаких пояснений и сносок. Этот как бы шутка для близких друзей. Но примечание переводчика может подарить читателям веселую историю.

§ 4

ГОЛУБОЙ: ЯДОВИТЫЙ ТИС

Меня разбудили блики солнечного света и притягательный запах кофе. Следуя за ароматом, я спустился по лестнице и увидел женщину, сидевшую за стойкой в большой столовой. Она улыбнулась и приподняла серебряный кофейник.

— Черный, пожалуйста, — сказал я. — Извините, а вы кто?

— Я Маргарет. Жена Алана.

По моим догадкам, ей было около пятидесяти лет. Полная фигура, приятная внешность, густые брови и коричневые волосы, аккуратно подрезанные чуть выше плеч. Эта женщина носила цветастое платье, хотя по ее виду я мог бы сказать, что большую часть времени она ходила по дому в темном деловом костюме, сшитом для сотрудниц судебной коллегии или какой-то солидной фирмы в центре Сити.

— Его жена? — спросил я, подумав о гейском клубе, который мы с Аланом посетили прошлым вечером.

— Мы с ним заключили соглашение, — ответила она, поднимаясь на ноги. — Как насчет английского завтрака?

— Было бы неплохо.

Мой живот заурчал, выражая свое согласие, и я вдруг почувствовал ужасный голод. Человек, лишь несколько часов назад съевший стейк и около десятка устриц, не мог быть таким голодным. Но пища из прошлой ночи казалась столь же призрачной, как и события, которые я пережил.

— Если хотите, подлейте себе еще.

Я осмотрел столовую и гостиную, оценивая уровень благосостояния моих хозяев. Семейство Алана было зажиточным. Картины, превосходная мебель. И хотя Дремлющий Лондон ночь от ночи менял свою топологию, качество вещей говорило само за себя. Полированные полы сверкали интенсивным блеском, и это, судя по всему, объяснялось не только использованием воска. Большие зеркала отражали мир в более ярких красках. Бархатные шторы щеголяли богатством. Диваны и кресла с мягкой обивкой разлагались кашмирскими узорами и кишели кружевами. Прежние орнаменты, некогда украшавшие дом, трансформировались в фарфоровые вазы и кувшины. И, тем не менее, обстановка сохраняла воздушность и чувство света. Я замер на миг, вдыхая запах пыльцы и медового воска. Возможно, если мои дела с Картелем пойдут удачно, я тоже буду жить в таком особняке.

На кухне, стоя у плиты «Рейберн», Маргарет жарила бекон.

— Скоро будет готово, — сказала она. — Вода для кофе закипает.

Я сел за деревянный стол, располагавшийся посреди комнаты. На белой скатерти лежали три поваренные книги. Средняя была открыта на рецепте для выпечки пудинга. Потускневший снимок блюда напоминал гравюру на дереве.

— Отвечая на ваш возможный вопрос, я скажу, что мы предпочитаем лишь естественную пищу, — продолжила Маргарет сквозь шипение жарки.

На кухне имелось множество образчиков естественной пищи, начиная с двух свисавших с потолка окороков и кончая глянцевыми зелеными яблоками, которые в ожидании консервации лежали на полке буфета.

— Можете не беспокоиться, — ответил я. — Мне подойдет любая еда.

— Вот тут вы не правы. Картель убежден, что уличные пищевые полуфабрикаты ускоряют изменения.

Она выложила бекон на самоподогревающуюся тарелку, затем разбила два синих яйца и вылила их содержимое на сковороду.

— Утиные яйца, — сказала она, обернувшись и посмотрев на меня большими карими глазами. — Если вы живете рядом с Яичным рынком, у вас всегда будут прекрасные завтраки.

Шипение яиц, запах бекона и кофе — все это, объединившись, заставило меня почувствовать тоску по родному дому. Тоску по старым дням до радикальных изменений.

Рента поднялась по всему городу, и многим семьям пришлось уйти в работные дома. Отныне каждый мужчина Дремлющего Лондона отвечал только за самого себя

— Вы не могли бы сделать тосты? — с надеждой спросил я.

— Запросто, — ответила она.

Наблюдал за ней, я вдруг вспомнил о том, что она сказала.

— Вы тоже из Картеля?

— Конечно, нет. Женщин туда не допускают. Сами знаете, во что превращают нас изменения.

Я еще раз осмотрел кухню и заметил пару фазанов, висевших за окороками — красно-золотистый самец и коричневая самка, связанные вместе за шеи.

— И сколько денег потребовалось Алану, чтобы приобрести этот дом?

— Когда мы заселились в него, мой муж еще не был Аланом, — ответила Маргарет.

— Я сожалею, что так случилось.

— Сейчас он по-прежнему старается выплачивать ипотеку...

— Но делать это все труднее и труднее, — закончил я прервавшуюся фразу.

Рента поднялась по всему городу, и многим семьям пришлось уйти в работные дома. Отныне каждый мужчина Дремлющего Лондона отвечал только за самого себя, и поэтому единственной надеждой женщин были добрые парни, которые могли позаботиться о них.

Когда яичница присоединилась к бекону на само-подогревающейся тарелке, Маргарет быстро отрезала два куска белого хлеба и бросила их на сковороду.

— С двумя зарплатами мы как-то справлялись, — задумчиво сказала она. — Но когда начались изменения, я быстро поняла, куда катится мир. Прежде чем меня сократили по штату, я уволилась и оформила пособие по безработице.

Она выложила горячие тосты на тарелку и придвинула ее ко мне. Я приступил к завтраку. Маргарет сходила в столовую за кофейником, затем достала две чистые чашки и села напротив меня. Когда она склонилась над столом, ее пышная грудь едва не выкатилась через вырез платья. Судя по хищной улыбке, она была женщиной огромных аппетитов.

— Вы симпатичный мужчина, капитан. Теперь я понимаю, почему Алан так увлекся вами.

— Чем он занимается в Сити? — спросил я, не желая идти по этой скользкой дорожке.

Секунду или две она смотрела мне в глаза. Потом, смутившись, отвела взгляд в сторону.

— Раньше мой муж работал в финансовых органах. Думаю, он все еще там. Сейчас его фирма страхует корабли, которые отправляются в плавание в другие страны. Плюс, делает ставки на их возвращение в Темзу.

— Что за корабли? Что за «другие страны»?

Она приподняла чашку и отпила кофе.

— А откуда, по-вашему, появляются новые товары? Наверное, вы слышали, что торговый флот теперь курсируют по реке Родинг. Скоро ситуация ухудшится. Откроются новые и совершенно иные пути.

— Мммм.

Я сосредоточился на еде. Утиные яйца казались мне немного необычными для завтрака.

— Вы знаете, как начались изменения? — спросила Маргарет. — Банки продали несколько офисных зданий в центре Сити — продали тем, с кем не должны были иметь дело. Они дали точку опоры какой-то неведомой силе...

— Я слышал об этом.

— Правительство помалкивает о той незаконной сделке — что вас не должно удивлять. Власть имущие никогда не признают ответственность за ошибки прошлого.

Заканчивая прием пиши, я подтер яичный желток последним ломтиком хлеба. Моя любимая часть завтрака.

Маргарет с рассеянным видом смотрела прямо перед собой.

— Это началось в Восточном Лондоне. Однажды по пути на работу я вдруг заметила, что здания стали выше. Сначала мне подумалось, что всему виной мое воображение, но потом...

Она сделала еще один глоток и подлила кофе в чашку.

— Дома на Уайтчепел постепенно превращались в трущобы...

Я откинулся на спинку кресла и удовлетворенно вздохнул.

— У меня все было по-другому. Я осознал перемены, когда моя квартира начала сжиматься. Впрочем, нет. Не так. Я решил повесить полку на стену, пошел в магазин за шурупами, а его на прежнем месте не оказалось. Мне даже не удалось найти нужную улицу. Я весь вечер бродил по району, выискивая ее среди домов...

Заметив мою пустую чашку, Маргарет снова наполнила ее из кофейника.

— У вас не будет сигаретки? — поинтересовался я.

На ее лице появилась лучезарная улыбка.

— Я думала, вы уже никогда не спросите.

Она достала из ящика стола пурпурную пачку и коробку с желтыми спичками, затем вытащила две овальные турецкие сигареты и прикурила их — одну отдала мне, вторую оставила себе. После первой затяжки ее улыбка стала еще шире.

— Так гораздо лучше, — выдохнув синий дым, сказала она. — Одно из преимуществ перемен. Сигареты вновь вошли в моду.

Какое-то время мы молча наслаждались кофе и табачным дымом.

— У вас есть подруга? — внезапно спросил Маргарет.

Я покачал головой.

— Она купила список мужчин для идеального брака.

Немного помолчав и сделав еще одну затяжку, я печально добавил:

— Теперь ищет безукоризненного партнера.

— Похоже, вашего имени в списке не было?

Я пожал плечами.

— Одно время мне тоже хотелось купить такой список, — сказала Маргарет. — Но потом я поняла, что мое положение может ухудшиться. Судьбы женщин в Дремлющем Лондоне складываются так, что для некоторых из них лучше оставаться домохозяйками. Вы согласны?

Я промолчал, хотя и знал, к каким последствиям приводил карьерный выбор многих женщин. Капитан Джим Веддерберн не зря брал свои двадцать процентов за опеку над ними.

В холле пробили часы.

— Уже полдень? Неужели я так долго спал?

— Это пойдет вам на пользу. В ближайшем будущем у вас почти не останется времени для сна.

Я вскинул голову.

— Почему? Что конкретно хочет от меня Картель?

Она встала из-за стола.

— Я думаю, нам пора выпить.

/

Это был славный солнечный день. Деревья в саду сияли белым майским цветением. Воздух был наполнен запахом тепла.

— Тем, кто не видит ничего хорошего в изменениях, нужно указывать на боярышник, — сказала Маргарет. — В прошлом его соцветия никогда не выглядели такими белыми, а листья — настолько зелеными.

Она была права. Соцветия будто бы сияли собственным цветом, и на их фоне зазубренные листья казались ярко изумрудными.

Пройдя по дорожке вдоль дома Алана, мы свернули на затененную деревьями и пеструю от солнечных пятен улицу. Толстые «свечи» каштанов уже отцветали, но листья по-прежнему притягивали взгляд своей свежей чеканкой в зеленых кронах. В густых ветвях я заметил золотистых обезьян-тамаринов, которые, жестикулируя лапами, о чем-то спорили друг с другом.

Одетый в горизонтально-полосатую красно-белую фланелевую куртку и вертикально-полосатые штаны, которыми снабдила меня Маргарет, я чувствовал себя едва ли ни щеголем. Несмотря на сохранившуюся смену сезонов, в Дремлющем Лондоне с каждым месяцем становилось все теплее и теплее. Однако в этом наряде я ощущал приятную прохладу даже при полуденном солнце. Казалось, что на мне была соломенная шляпа, хотя из нас двоих лишь Маргарет носила панаму с широкими полями.

— Еще далеко? — спросил я.

— Нет. В ближайшем пабе нас ждет Билл Дикенсон.

— Кто это?

— Билл вам все объяснит.

/

Наш город всегда расставлял богатство и бедность в непосредственной близости. Дремлющий Лондон усилил этот эффект. Выйдя из денежного благоденствия Хэйлинг-стрит и ступив на территорию Яичного рынка, я будто сошел с самолета в чужеземную страну. Минутой раньше воздух освежался кондиционерами салона, рядом слышалась знакомая речь европейских пассажиров, одетых в привычные наряды, а в следующее мгновение вас уже окружала жара, разноголосый шум, странные запахи и понимание того, что вы находитесь где-то в другом экзотическом месте.

Мы вышли на Променад Яичного рынка. Воздух наполнился звуками флейт и барабанов, криками уличных продавцов и шипением жареных блюд. Кто-то поблизости напевал унылую песню с самоанализом поблажек для своих тайных желаний — жанр, который особо ценился в Дремлющем Лондоне. Один из продавцов сунул мне под нос корень в желто-красную полоску.

— Только с грядки! — сказал он. — Очисти его от кожуры, нарежь кусочками, поджарь и дай поесть своим детям. Они будут вести себя, как ангелы!

— Нет уж, спасибо! — ответила Маргарет.

Передернув плечами, она потянула меня за собой. Мне хотелось остановиться и осмотреться по сторонам.

— Я не помню этого места, хотя и проходил тут прошлой ночью.

Маленькие лавки за рыночными павильонами манили темными дверными проемами — солнечный свет не проникал в их помещения. На витринах были выставлены оловянные кастрюли, часы, меховая одежда, ряды разноцветных бутылок с алкогольными напитками, бутыли с эфиром, метанолом и другими вредными жидкостями.

— В темноте все выглядит иначе, — сказала Маргарет.

На другой стороне улицы я увидел сам Яичный рынок — декорированное белой плиткой здание, в честь которого этот квартал получил свое название. Оно располагалось между старым кинотеатром и новой мечетью. Его внутренние переходы напоминали крест. По углам возвышались четыре павильонных купола. Стены были покрыты белым кафелем из

Чайнатауна. Люди приходили сюда со всего Дремлющего Лондона. Я тоже частенько посещал это место, чтобы пройтись по магазинам и ларькам внутри кафельных холлов. Там можно было увидеть плетеные корзины, наполненные коричневыми и белыми яйцами кур и гусей. Рядом продавались пятнистые яйца ржанок, похожие на маленькие камешки. В кульках из коричневой бумаги хранились яйца крапивника, а страусиные яйца были обвязаны бечевкой и для удобств переноски имели маленькие петли наверху. Рынок славился своим «холодным» залом, где на витринах, заполненных льдом, стояли чаши с рыбьей икрой. Напротив размещались эзотерические лавки, где продавались яйца аллигаторов и крокодиловая кожа. Здесь же в чашах выставлялись змеиные яйца — оплодотворенные и неоплодотворенные. В магазине амфибий предлагались садки с лягушачьей икрой. В энтомологическом отделе вы могли купить муравьиные и мушиные яйца. Кроме того, на небольших и тонких витринах были выставлены яйца различных насекомых. На рынке так же имелся зал, куда могли входить лишь женщины. Там на столиках стояли контейнеры с менструальной кровью и неоплодотворенными яйцеклетками.

На рынке так же имелся зал, куда могли входить лишь женщины. Там на столиках стояли контейнеры с менструальной кровью...

Лондон удовлетворял запросы очень разных людей — как, впрочем, он всегда и делал.

— Уже пришли.

Мы стояли перед пабом «Смеющийся пес». С вывески — через очки в форме двух полумесяцев — на нас смотрел сердитый далматинец.

— Возьмите, — сказала Маргрет, сунув в мою руку кожаный бумажник.

Я почувствовал тяжесть хранившихся в нем монет.

— Лучше смотрится, если напитки оплачивает мужчина, а не женщина.

Мы вошли в паб, и я, окинув взором неряшливый тусклый зал, пробормотал себе под нос:

— Какое-то отстойное место.

— Мне портвейн с лимоном, — попросила Маргарет.

Она похлопала ладонью по моей руке.

— Я сяду там.

Она указала пальцем на несколько деревянных кабинок. Многие из них были уже заняты одиноко сидевшими женщинами. Я тут же понял, каким дополнительным бизнесом занимались в данном заведении. И когда эта мысль пришла мне в голову, я вспомнил, что уже бывал здесь по работе.

— Пинту светлого, портвейн и лимон, — сказал я небритому бармену.

— Светлого нет, — ответил он, осматривая меня с пренебрежительной усмешкой. — Есть или горькое или мягкое.

— Тогда горькое.

Он налил мне пинту с верхом и бокал довольно липкого портвейна. Я понес их к кабинке, на которую указала Маргарет, и сел за столик.

— Это для меня, любовничек? Спасибо!

Женщина, сидевшая напротив меня, отличалась от Маргарет, как день и ночь — рыжая, с наимилейшим лицом, которое я когда-либо видел. Она залпом опустошила бокал портвейна и скорчила гримасу.

— Клянусь богом! — сказала она. — Смертельная отрава!

Меня удивил ее акцент. Казалось, что она училась кокни у Дика Ван Дайка.

— Извините. Я ищу мою подругу...

— Твоей подругой буду я, красавчик.

Снова этот акцент. Ее фразы звучали ужасно неправильно. Взяв пинту, я встал из-за стола.

— Извините, мне нужно...

Она схватила меня за рукав и дернула к себе. Пиво едва не вылилось на стол.

— Не будьте таким тюфяком, — сказала девушка. — Давайте, пойдем наверх...

Несмотря на свое смущение, я заметил, какой дивной и прекрасной была ее рука. Совершенно не такая, как у знакомых мне шлюх.

— Я извиняюсь. Произошла какая-то ошибка.

И тут она придвинулась ко мне.

Когда я подумал, что эта неземная дева поцелует меня, она тихо прошептала:

— Не валяйте дурака. Это я — Билл Дикенсон.

Естественно, мое замешательство было вызвано не странным именем, а ее акцентом — в прежние времена достаточно привычным, но почти забытым в Дремлющем Лондоне.

— Вы американка, — догадался я.

— Тише! — прошептала она.

— Извините...

Она встала и выставила грудь вперед, затем соблазнительно спросила на своем фальшивом кокни:

— Они вам нравятся, правда? Хотите увидеть остальное?

Девушка взяла меня под руку и повела к лестнице, которая находилась в задней части зала. Очевидно, ей нравились восторженные, завистливые или притворно скучающие взгляды других посетительниц. А я размышлял: может стоить подыграть ей и обнять ее за талию? Но внутренний голос заставил капитана Джима Веддерберна остановиться. Я интуитивно знал, что Билл Дикенсон не была легкомысленной дамой.

§ 5

ЗОВ ПУТЕШЕСТВИЯ: БИЛЛ ДИКЕНСОН

Что может быть лучше борделя для встреч в приватной обстановке?

Билл Дикенсон отвела меня в маленькую комнату с грязно-белыми стенами, увешанными плохо нарисованными порнографическими картинами. Углы каморки были декорированы пыльным пурпурным шифоном.

— Садитесь на кровать, — как-то не к месту сказала Билл.

Единственным другим предметом в комнате было кресло, и она уже сидела в нем. Девушка подтянула вверх длинные юбки, и я заметил, насколько хороши были ее стройные ноги в длинных чулках.

— Даже не думайте об этом, — сказала она с чисто американским акцентом.

Прелесть фальшивого кокни ушла. Я не понимал, для чего она пригласила меня сюда. Все стало ясно, когда девушка вытащила из-под юбок кожаную папку. Она поймала

мой взгляд, но я воспользовался чарами лихого капитана Веддерберна.

— Вы не можете осуждать мужчину за искреннее восхищение прекрасной женской фигурой.

— Я не осуждала бы, если бы он не был сексистом и ослиной задницей.

Мне пришлось охладить ее леденящим взглядом. Кем бы она ни была, шлюхой или нет, никто не говорил в таком тоне с Джимом Ведербарном.

— Вы далеко от дома, мисси, — сказал я. — Запомните получше этот факт. Особенно, если вам нужна моя помощь.

Она выдержала мой взгляд и ответила спокойным голосом:

— Поймите, Джеймс. Если кому и нужна помощь, то только вам. Запомните это!

Она открыла папку и вытащила пачку фотографий.

— Вот, взгляните, — сказала она, передавая мне один из снимков.

Глянец бумаги и акцент американки пробудили во мне невыносимую тоску, которая пронеслась через меня гигантскими волнами. Я вспомнил старые деньки. Просто поразительно, как быстро привыкаешь к изменениям. Дремлющий Лондон влиял на людей. Он ожесточал мужчин, наделяя их крутизной и сентиментальностью. Он смягчал нрав женщин, делая их более податливыми. По крайне мере, внешне это выглядело так.

Я взглянул на фотографию. Какой-то коллаж из смазанных образов. Пригород, город и вода — все перемешено с зелеными, серыми и голубыми пятнами. Часть снимка была вообще неразличимой: сгустки оранжевых и бледно-розовых оттенков.

Просто поразительно, как быстро привыкаешь к изменениям. Дремлющий Лондон влиял на людей. Он ожесточал мужчин...

— Что это? — спросил я, вращая фотографию в руках. — Похоже, ее напечатали на неисправном принтере.

Билл внимательно смотрела на меня, оценивая мою реакцию на снимок.

— Принтер был в порядке. Смазанные части отмечают те места, где спутнику не удалось произвести фокусировку. Перед вами снимок города, сделанный четыре дня назад с высоты двадцати двух тысяч миль.

По крайней мере, это тот фрагмент Дремлющего Лондона, который вторгся в наш мир.

После ее слов все начало приобретать определенный смысл. Прошлой ночью Алан показал мне снимок, сделанный с дирижабля пять месяцев назад. Там части Лондона уже теряли правильные очертания. Очевидно, скорость изменений увеличилась, и какое-то вмешательство стало сворачивать пространство в хаотичную спираль.

— Это Сити, — сказал я, указав на область между центром снимка и его правым краем. — Квадратная миля. Башни стали выше.

— Некоторые из них теперь достигли мили в высоту. Мы уверены, что именно они являются источником изменений.

— Маргарет тоже так говорила, — прошептал я, прослеживая пальцем извилистый путь Темзы.

Голубая линия начиналась в верхнем левом углу фотографии и, закручиваясь в неровную двойную спираль, заканчивалась в нижнем правом.

— Вот река Родинг. Раньше она соединялась с Темзой около Баркинга...

— Я знаю, — сказала Билл. — Теперь Родинг стала шире и глубже, а место слияния сместилось к западу. Это основной маршрут для судоходства из других мест — для тех кораблей, которые находят свой путь в Дремлющий Лондон. Взгляните на это.

Она пролистала пачку фотографий и, найдя нужный снимок, передала его мне. Это был вид со спутника на прямоугольные синие очертания Доклендс. Несколько городских кварталов и прежние здания с современными квартирами уступили место старомодным пакгаузам. Дизайн из стекла и стали не устоял против кирпичей столетней давности. Пристани исторгли из себя нескончаемые ряды дорогостоящих яхт, и те были поглощены разверзшимися водами Темзы. Теперь доки снова покрылись копотью, грязью, соломой и фекалиями животных. Но здесь бурлила жизнь. У причалов швартовались пароходы, парусные фрегаты и весельные галеры. Я видел мириады кораблей вчерашних дней: клиперы, барки, рыбацкие лодки, одномачтовые и двухмачтовые каботажные судна, а также транспортные баржи. На фотографии можно было различить толчею портовых рабочих, переносивших грузы. Чуть дальше виднелись паровозы, скопившиеся на запасных путях.

— Взгляните еще раз на первый снимок, — сказала Билл. — Посмотрите, как доки переплелись с городом.

— Логистика, — ответил я, и мои глаза расширились от осознания произнесенного мной слова.

Половина любой битвы состояла из логистики: доставки припасов в нужное место и в нужное время. Если вам нечем корить солдат, вы не можете сражаться в войне. Сходным образом, вы не можете вести бизнес, если не способны доставлять продукцию на рынок. А теперь представьте себе, как легко пойдут ваши дела, если вы контролируете конфигурацию страны!

— Что вы имеете в виду? — спросила Билл.

— Я только что понял, какие могущественные силы стоят за всеми этими переменами.

Мой взгляд перешел с симпатичного лица девушки на ее стройное тело.

— Вы действительно думаете, что мы сможем сражаться с ними?

— Пусть вас не обманывает моя одежда, — нахмурившись, сказала она. — Я не шлюха. По крайней мере, я еще не стала ею.

Еще не стала. Смысл ее слов был ясен. Дремлющий Лондон воздействовал на мой ум. Наверняка, Билл знала об этом. Интересно, приезжали ли к нам другие американские шпионки? Скорее всего, да. И что случилось с ними? Я решил, что после встречи с Билл мне не мешало бы поговорить со Вторым Эдди. Возможно, нам удастся отследить пару-тройку американок... помочь им, если потребуется. Экзотика ведь никому не помешает.

— Конечно, вы не шлюха, — рассудительно ответил я. —Но что вам нужно от меня?

— Вы что-нибудь знаете об изменениях?

— Мне известно, что они начались в Квадратной миле. Хотя это только слухи.

— Тогда расскажите мне о слухах, — с нетерпением попросила она.

— Какой смысл? Кто может говорить о чем-то конкретном, когда весь город продолжает меняться? Лучше поделитесь со мной вашей информацией.

Билл с усмешкой посмотрела на меня, но мое невозмутимое молчание заставило ее сдаться.

— Ладно, — сказала она. — Вы слышали о компании «Дэвиес

— Нет.

— Это международная финансовая организация. В основном, ведет дела в Европе и на Дальнем Востоке. Никаких операций в Соединенных Штатах. И именно она ответственна за все изменения.

Это было серьезное обвинение. Речь шла о появлении Яичного рынка и о растущих шпилях башен, о возникновении Цветочного базара и странных железнодорожных станциях.

— Как финансовая организация могла вызвать такие огромные перемены? — с изумлением спросил я.

Она передала мне другую ксерокопию с серией снимков, сделанных через определенные периоды времени. Улицы и здания на каждом из них расцвечивались разными оттенками.

— Первый снимок был сделан год назад — примерно в то время, когда начались изменения. В центре отображается офисное здание «Дэвиеса непорочного». Присмотритесь к нему. Заметили странность?

Я взглянул на фотографию. Типичная лондонская улица в Квадратной миле, какой она была до перемен. Узкая дорога петляла среди хаоса многоэтажек. При виде белых фургонов и автомобилей, прижимавшихся к тротуарам, к моему горлу подступил комок. Знакомая суета пешеходов, стиснутых в узком пространстве. Повсеместное смешение стилей: современные здания из стекла и стали, а рядом старомодные дома из красного кирпича. Обитель «Дэвиеса непорочного» была облицована желтыми плитами. Умеренная высота фасада, арочные окна.

— На что мне нужно обратить внимание? — спросил я.

— На окна.

Наконец, я заметил аномалию. Окна в середине здания были более вытянутыми, чем по бокам. Они начинали расти вверх. Я понял, что нашел искомое. Казалось, что весь центр строения немного набух.

— Теперь взгляните на это, — сказала Билл.

Она передала мне снимок, сделанный со спутника.

— Здания, обрисованные красными контурами, принадлежат «Дэвиесу непорочному». Присмотритесь, и вы увидите изменения.

— Похоже на район у станции «Ливерпуль-стрит», — произнес я. — Это «Спиталфилдс маркет»?

— Да.

Она передала мне следующую фотографию. Небоскреб «Геркин» был выделен зеленым цветом.

— «Геркин» стал их следующим шагом в покорении города. «Дэвиес непорочный» купил его сразу после первых изменений. В это же время их организация получила огромные суммы из неизвестных источников. Деньги пошли на скупку Лондона — район за районом, кусок за куском. Когда контракты были подписаны, изменения ускорились.

— Кто-то скупил всю городскую недвижимость? Да, что-то такое мне и говорили.

Я нахмурился и покачал головой.

— Можно ли их остановить?

— Нам понадобилось много усилий на выявление их финансовых схем. К тому времени было уже слишком поздно.

Мне вспомнились старые истории, которые я слышал в детстве.

— Фейри! Они продали наш город фейри.

— Многие эксперты предлагают схожие гипотезы, — сказала Билл. — Но то, что Лондон продали кому-то, это точно.

— Только Лондон? — спросил я. — Вы сказали, что «Дэвиес непорочный» вел дела по всему миру.

Еще одна фотография: спутниковый снимок южной части Англии — немного влево от Уэльлса. Насколько я помнил, там все выглядело нормально, но в правой нижней части начинался хаос. Там все шло неправильно: там была свернутая кутерьма — расширяющаяся область вокруг места, где раньше находился Лондон.

— Если говорить об остальном мире, феномен изменений локализован вокруг Лондона. Он частично проявился в Париже, в Будапеште, Праге и Таллинне, но его эффект не распространялся в таких огромных масштабах.

— Как он был локализован?

— Когда в тех городах начались изменения, мы уже были научены горьким опытом. Мы знали, что делать. При первых признаках инфекции людям запретили

продавать свою недвижимую собственность.

— Инфекции?

— Я слышала, что ученые описывают этот феномен, как заражение. Но эффект везде был минимальным. Люди видели, что случилось с Лондоном. Более того, им было известно, что случится с ними, если они продолжат продавать свои дома. Двадцать лет тюрьмы, и никакие оправдания не принимаются. В более серьезных случаях была предусмотрена смертная казнь...

Люди видели, что случилось с Лондоном. Более того, им было известно, что случится с ними, если они продолжат продавать свои дома. Двадцать лет тюрьмы...

— Все-таки этого не достаточно, — сказал я. — Люди алчные.

— Мы держим оборону. Но, по нашему мнению, имеется другая опасность. Куда более серьезная. Вот, почему вы здесь.

Позволив себе краткую паузу, она печально добавила:

— И я.

Билл поникла в кресле, и в это мгновение, сидя там в украшенной рюшами одежде, с рыжими волосами на обнаженных плечах, с потупленными зелеными глазами, она выглядела неописуемо прекрасно и ранимо.

— Прекратите! — закричала она, и я получил впечатление, что слова были адресованы не только ко мне. — Не смейте смотреть на меня подобным образом! Я не кусок товара. Я не шлюха, Веддерберн. Я хорошо обученый агент. Вы понимаете это?

— О, да! Конечно! Я могу заверить вас, что наши отношения будут чисто профессиональными.

Она понизила голос.

— Если вы попытаетесь совратить меня, Веддерберн, я сломаю вам руки. Вы поняли мои слова? Вы поняли меня?

— Как долго вы в Дремлющем Лондоне? — спросил я, меняя тему.

Она смотрела на меня секунду или две. Затем черты ее лица расслабилась.

— Два дня. Мне удалось заскочить в поезд, идущий сюда из Манчестера. Кстати, в Манчестере теперь

расположен Британский парламент. Настоящий парламент.

Я знал, о чем она говорила. Мне часто доводилось проходить мимо парламента Дремлющего Лондона. Это было то же самое здание, стоявшее у Темзы — здание, наполненное кучкой лжецов, некомпетентных самозванцев и социопатов. Можете спокойно добавлять к моим словам свои собственные шутки. Мне знакома каждая из них.

Все же слова Билл дали мне импульс для размышлений. В последнее время, очарованный Дремлющим Лондоном, я редко думал — честно говоря, не думал вообще — о том, что происходило с остальной Англией. Для подобных мыслей требовалось нормальное поведение и осознание потери своей любимой столицы.

— Говорят, что туда же эвакуировали королевскую семью, скрывавшуюся в замке Барморал, — продолжила Билл. — Всех тех, кто не попал в ловушку Дремлющего Лондона.

Как будто меня заботила участь королевской семьи. О, нет! Я был пленен другой идеей.

— Вы не первый агент, направленный к нам? Не так ли?

— Конечно, нет. Наши разведчики проникали в Дремлющий Лондон с того самого момента, как начались изменения. Мой предшественник продержался здесь дольше всех. Свой последний отчет он отправил три недели назад. Мы не ожидали, что наши люди так быстро станут местными.

— Хм. Почему же они не уходили отсюда? Допустим, дней через пять или через неделю?

Она бросила на меня испепеляющий взгляд.

— А вы почему не ушли? Джим, почему никто не уезжает из Дремлющего Лондона? Наверное, потому что для многих людей поезда здесь движутся только в одном направлении.

— Для большинства людей? — переспросил я ее.

Билл убрала с глаз упавшую прядь волос.

— Вы когда-нибудь думали о том, как остальной мир приспосабливается к Дремлющему Лондону? — спросила она.

— До этого момента нет.

— Железнодорожное сообщение между Лондоном и другими городами по-прежнему действует.

Она понизила голос до шепота.

— Два дня назад я была на манчестерской станции Пикадилли. Это была обычная железнодорожная платформа двадцать первого века. Представьте, что вас окружают люди, которые используют мобильные телефоны и пьют кофе в «Старбаксе». Внезапно раздается скрипучий визг, и вы видите, как странный состав, больше похожий на темно-зеленого крокодила, проскальзывает между современными поездами и прибывает на станцию. Весь из меди и искр! Лишь кабина машиниста оснащена двумя маленькими круглыми иллюминаторами. Толпа вокруг вас замирает в молчании. И так случается всегда, несмотря на тот факт, что лондонский поезд приходит в начале каждого часа. Впечатление невероятное: нечто среднее между ужасом и очарованием.

— В начале каждого часа, — повторил я.

Меня охватила ужасная тоска. Как бы я хотел уехать отсюда на поезде!

В моей голове зародился вопрос.

— Неужели кто-то приезжает сюда по собственной воле?

— Вы удивитесь, — сказала Билл, — но я была одной из таких. И не забудьте, о чем я говорила. Дремлющий Лондон не изолирован полностью. Сюда стремятся торговцы, послы и бизнесмены. Чтобы гарантировать возвращение того или иного путешественника, город держит в заложниках его родных и любимых людей. Многие персоны перемещаются на поездах, потому что Дремлющий Лондон знает, что они к нему вернутся.

— И каким образом он это знает?

Билл не ответила на мой вопрос. Судя по всему, она искала в пачке снимков некую особую фотографию.

— Нам нужно торопиться. Вы провели со мной больше пятнадцати минут.

— Не беспокойтесь об этом, — с усмешкой ответил я. — Здесь никто не удивится, если капитан Джим Веддерберн проведет в борделе больше часа.

— Вы, кажется, гордитесь данным фактом.

— Детка, это другой мир.

— И вам нравится быть его частью? Тогда взгляните еще на один снимок.

Очередная фотография со спутника.

— Какой-то парк? — спросил я.

— Грин-парк.

Прошлой ночью Алан уже показывал мне снимок этого места. Небольшой лондонский парк, расположенный между Гайд-парком и парком Святого Джеймса — не столь многолюдный, как два его собрата — был приятным островком спокойствия среди шумного города. Некоторое время назад мне захотелось прогуляться там, но из-за нынешней путаницы улиц я не нашел к нему дорогу.

Прежде небольшие зеленые лужайки увеличились настолько, что стали, вероятно, в милю шириной. Стройные ряды деревьев обрамляли широкие аллеи...

То, что я увидел на фотографии, не соответствовало прошлым впечатлениям. Вид Грин-парка лишь отдаленно напоминал снимок Алана. За прошлые пять месяцев эта территория разрослась до гигантских размеров. Прежде небольшие зеленые лужайки увеличились настолько, что стали, вероятно, в милю шириной. Стройные ряды деревьев обрамляли широкие аллеи, тянувшиеся к одному и тому же месту.

— Что это? — спросил я, указав на величественное золотисто-белое здание, напоминавшее по форме крест.

Располагаясь между казино и сказочным замком, оно красовалось высокими шпилями, осадными башнями, флигелями, окнами и... многим чем еще.

— Букингемский дворец, — ответила Билл. — Он выглядит теперь более внушительным и все еще меняется. Стела перед ним некогда была Мемориалом Виктории.

Я помнил этот памятник: белая скульптура королевы Виктории, множество ангелов, а над ними — золотая статуя Победы.

— И что там сейчас вместо мемориала?

— Мы пока не знаем. Фигуры преображаются и растут. Джеймс, посмотрите на весь снимок. Что вы видите?

Я еще раз взглянул на фотографию и пришел к окончательному выводу.

— Аллеи и дороги тянутся к дворцу. Их много. Но наибольшая концентрация аллей наблюдается...

Это место располагалось в стороне от дворца — ближе к центру снимка. Здесь сходились почти все пути.

Они напоминали круги на полях и кельтские узоры, бледно-зеленые на яркой зелени лужаек.

Билл выжидающе смотрела на меня.

— Все аллеи ведут к середине парка. Что, по-вашему, там находится?

— Какой-то вход, — хрипло ответил я. — Любой разумный человек скажет вам, что кто-то подготавливает проникновение в город. Но откуда?

— Мы не знаем. Может, это выясните вы?

В углу комнаты что-то мелькнуло, и Билл мгновенно пришла в движение. Пока снимки, которые она секундой раньше держала в руках, вращались в воздухе и падали на пол, девушка соскочила с кресла, устремилась за проворным лазутчиком и схватила его вытянутой рукой. Переведя дыхание, она начала медленно вытягивать из широкой трещины в полу какую-то тварь.

— Что это? — спросил я.

Меня впечатлила ее скорость — можно сказать, вдвойне поразила, учитывая длинные юбки, которые она носила. Билл выпрямилась, и я увидел змею лимонно-персикового цвета, которую она сжимала пальцами чуть ниже головы. Изумрудно-зеленый язык рептилии тревожно трепетал, тестируя несвежий воздух комнаты.

— Разве такие водятся в Англии? — спросила девушка.

Я громко рассмеялся. Длина ядовитого существа не уступала росту Билл. Спину змеи украшали концентрические круги одинакового цвета.

— Нет, дорогая. Я думаю, что она проникла в наш мир вместе с Дремлющим Лондоном.

— Похоже, у нее гнездо под досками пола. Интересно, что она высматривала в этой комнате?

— Ну, а что тут еще высматривать? — ответил я, глядя на картины будуара с их излишками розовых красок.

— Не нужно быть таким грубым, — сказала Билл, одним резким движением сломав змее шею.

Она осторожно начала просовывать тело рептилии обратно в широкую щель между досок.

— Если бы вы оставили змею живой, мы могли бы получить за нее хорошую цену.

— Не будьте идиотом! Она могла шпионить за нами.

— Змея? Мне просто не верится, что вы говорите об этом серьезно.

И тут я замолчал. А почему не верится? Кто я такой, чтобы судить о возможностях Дремлющего Лондона?

Что-то во мне изменилось. Я уже год рассматривал перемены с позиции циничного наблюдателя. Даже в эпицентре яростных ссор с Кристиной — и после ее бегства от меня — мне удавалось сохранять к ней некоторую жалость. Я чувствовал определенное превосходство в том факте, что Дремлющий Лондон не обольщал меня, как все остальных. Да, я ходил по извилистым преображавшимся улицам, вкушал пропахшую дымом пикантную пищу, слушал чрезмерно сентиментальную музыку и думал, что меня все это не касалось. Но теперь, увидев себя глазами пришлого человека, я понял, как сильно ошибался. Дремлющий Лондон менял и меня — незаметно, хитро, постоянно. Змеи не могли говорить? А было ли это правдой? Что еще я воспринимал в новом мире, как должное?

Посмотрев на Билл — на ее милое лицо, омраченное решительной усмешкой — я впервые понял, какая отвага понадобилась ей, чтобы приехать сюда. У меня-то не было выбора. А у нее он имелся. С самого начала она знала, что ей придется изображать из себя проститутку, и что срок, отведенный для действий, был ограничен, максимум, тремя неделями.

— На кого вы работаете? На ЦРУ?

— Вы же знаете, что я не могу отвечать на такие вопросы.

Втолкнув змею в широкую щель между досками, она выпрямилась и посмотрела на меня.

— Ладно, — сказал я. — Полагаю наше время действительно подошло к концу...

Я начал собирать рассыпавшиеся по полу фотографии — спутниковые снимки Дремлющего Лондона. Вот железнодорожная станция: носильщики в темной форме и пассажиры, роившиеся на платформах. А это золотистый пляж у синих вод: люди в полосатых купальниках прогуливаются вдоль Темзы и лакомятся мороженым. Цветочный рынок: алые и золотистые пятна букетов и дымка от пыльцы, повисшей в воздухе. Снимок знакомой улицы...

— Эй! Это мой квартал!

Я пролистал еще десяток

— И тут! И здесь! Везде здание колокольни. Вы следили за мной!

— Конечно, следили, — ответила Билл.

Она взяла у меня снимки и сложила их в кожаную папку.

— Держите.

Девушка передала мне толстый конверт кремового цвета.

— Это для вас, — сказала она. — Не открывайте его.

Я взял конверт. Внутри прощупывалась плотная бумага.

— Здесь ваши характеристики и рекомендательные письма.

— Зачем они мне?

— Для новой работы. Завтра утром вас примут младшим клерком в фирму «Дэвиес непорочный». Просто войдете в Ангельскую башню и подниметесь на Письменный этаж. Мы считаем, что именно там находятся ответы.

— Какие ответы?

— Контракты, подписанные старым Лондоном с людьми, которые ведут теперь дела. Мы хотим, чтобы вы попытались найти эти документы.

— А если я откажусь?

Никто не мог приказывать капитану Джиму Веддерберну.

Билл оставалась эталоном спокойствия.

Неужели вы действительно думаете, что можете отказаться от сотрудничества с нами? Как долго, по-вашему, мы позволим вам жить после этого?

— Не будьте ребенком, Джеймс, — сказала она. — Неужели вы действительно думаете, что можете отказаться от сотрудничества с нами? Как долго, по-вашему, мы позволим вам жить после этого? Вы знаете слишком много. Вы стали частью наших планов.

Я даже не пытался возражать. Она была права. Кто, кроме меня, мог выполнить эту работу? Нужно было как-то сменить галс.

— Но я ничего не смыслю в обязанностях клерков!

— И что? Разве в прошлом вас останавливали такие препятствия?

Не вы ли однажды прошли через весь Афганистан, одетым в паранджу?

Я повертел конверт в руках, оценивая качество дорогой бумаги.

— Как насчет одежды? Клерки ведь носят костюмы.

— Сегодня вечером все необходимые вещи принесут в дом Алана.

Я одобрительно кивнул головой. Люди Билл продумали план обстоятельно.

— Как вы устроите мое внедрение?

— Через Алана. У нас осталось только несколько контактов с внешним миром. С каждым месяцем их становится все меньше и меньше. Да, и еще кое-что! Отныне вы будете считаться племянником Алана. Вечером он проведет с вами подробный инструктаж.

— А если бы я сказал ему «нет»? Что случилось бы, если бы прошлой ночью, когда Алан встретил меня, я ответил бы ему отказом?

Билл сладко улыбнулась.

— На самом деле это ничего не поменяло бы. Для наших дел нашлись бы другие герои. Личность исполнителя уже не является настолько важной, какой она была прежде. И нужно сказать, мы этим пользуемся.

Ее слова возмутили меня — причем, она произнесла их в тот момент, когда я начал чувствовать себя едва ли не избранным!

— Теперь отвернитесь, — сказала Билл.

Выполнив ее просьбу, я услышал шелест юбок. Вероятно, она прятала кожаную папку в своем тайнике. Я взглянул на одну из картин на стенах будуара. Обнаженная женщина держала в руках желтую змею, поразительно похожую на ту рептилию, которую минуту назад убила моя собеседница.

— Можете повернуться.

Я так и поступил. Билл стояла передо мной — уже без папки с фотографиями. На вид обычная работящая девочка, и каждый дюйм ее тела доказывал это.

— Ладно. Теперь можете спуститься вниз. Когда выйдите из паба, возвращайтесь в дом Алана. Маргарет будет ждать вас там.

— Хорошо, — сказал я. — Мы еще увидимся?

— Завтра вечером. После работы.

— Где встретимся?

— Конечно, здесь, — ответила Билл. — Куда вы еще можете пойти, чтобы отметить свой первый трудовой день? Буду рада пообщаться с вами.

§ 6

ГЛАВА 3: КОЛОКОЛЬНЫЙ КВАРТРАЛ

Я вышел из комнаты и спустился по лестнице в прокуренное помещение паба. Проходя через затемненный зал, я чувствовал на себе взгляды других посетителей. Интересно, они узнавали меня? Наверное, думали, что капитан Веддерберн пришел сюда, чтобы оценить конкуренцию.

Я выбрался в яркий свет июньского дня.

— Эй, мистер! Купите спаржу? Верните немного свинца в ваш натруженный член.

Торговка захихикала и, перегнувшись через прилавок, сунула мне в лицо какие-то побеги.

— Нет, спасибо, — ответил я, проходя мимо нее.

Моя рука все время поглаживала конверт, лежавший в кармане. Я подошел к углу Хэйлинг-стрит и посмотрел в ее зеленые глубины. До меня доносилось чириканье попугаев. В сравнение с хаосом рынка там все

казалось мирным и спокойным. И тогда я остановился. Билл велела мне вернуться назад в «Ядовитый тис» — к гостеприимной Маргарет. Я подчинился ее приказу...

С того момента, как меня разбудил шум пировавших саламандр, не прошло и суток. За это время я будто потерял контроль над собой. Точнее не «потерял», а как бы передал его Алану и Билл... и каким-то трансатлантическим заговорщикам. Новый дом и новая работа. Я почти без сожаления покинул Колокольный квартал и отказался от прежней жизни.

Неужели я попал под чужое влияние? По Дремлющему Лондону ходило множество историй о людях, терявших контроль над своей волей. В каждом борделе вы могли услышать рассказы о женщинах, которые бросали свои дома и, попав под влияние мерзких сутенеров, просыпались в чужих постелях на другой стороне города уже в качестве сексуальных тружениц. Нет, сам я не встречал таких женщин. Те девушки, которые работали на меня, более или менее, делали это по собственному выбору.

Насколько я мог доверять Алану и Билл? Скорее, мне лучше было довериться Дэддио Кларку.

Дэддио! Я убедил его квантификатора в своем желании работать на них. Что он подумает, когда узнает о моем неподчинении и связях с Картелем? Ладно, я разберусь с этим, когда придет время. На данный момент, несмотря на инструкции Билл, мне не хотелось возвращаться в дом Алана. В моем распоряжении был целый вечер, и я имел кучу дел, о которых следовало позаботиться. К тому же, мне не терпелось проверить, как Второй Эдди справлялся в отсутствии капитана Веддерберна. Поэтому я зашагал к Колокольному кварталу — сердцу моей маленькой империи.

/

Колокольня находилась прямо за бывшей станцией метро. Сама станция давно трансформировалась: она вывернулась из-под земли, поднялась вверх на металлических опорах и слилась с обширной железнодорожной системой. До радикальных перемен мой квартал был захудалым местом, почти лишенным внимания больших коммерческих сетей. Несколько магазинов и кафе, расположенных вдоль дороги, едва сводили концы с концами, с трудом соскребая деньги с местного населения, которое снимало однокомнатные квартиры в обветшалых домах. Неподалеку от дороги размещался джентльменский клуб «Голубой попугай». Именно там, вернувшись в Лондон, я нашел работу. Сначала «вкалывал» на фейс-контроле. Естественно, человек с моей харизмой не стал задерживаться внизу слишком долго. Вскоре я командовал другими вышибалами, присматривал за девочками и следил, чтобы все было красиво и надежно. В принципе, это общее правило: «джентльменам» нравится тратить деньги только в безопасном и благоразумном окружении.

Затем начались изменения. Атмосфера в клубе становилась тошнотворной. Девочки искали у меня защиты больше, чем когда-либо. Они советовались со мной, и я заботился о них, как мог. Например, я предложил им другое место для работы, и они с благодарностью откликнулись на мой призыв.

Только не называйте капитана Веддерберна сутенером. Я слежу за безопасностью квартала и помогаю людям тратить или зарабатывать деньги так, как им нравится. Да, я не терплю конкуренции! Люк Пенниз мог бы рассказать вам об этом. Но, с другой стороны, кому по душе упрямые соперники?

Первоначально мой район состоял из нескольких многоэтажных домов с подвесными террасами. Рядом с ними располагалась церковь с большой колокольней, в честь которой наш квартал получил свое название. Теперь дома, как и все городские здания, стали значительно выше. Они сгорбились и сблизились вершинами, образуя структуры в форме подков. На их фасадах нарос желто-алый плющ, скрывавший окна и карнизы. Лишь на верхних этажах сохранились небольшие балконы, куда девочки иногда выходили подышать свежим воздухом. В свободное время они обычно сидели на ступенях парадной лестницы, соблазняя мужчин, которые вальяжно прогуливались в сквере, зажатом между концами бетонных подков. Там, в маленьком саду, можно было спрятаться в темной листве и проследить за каждым, кто входил на внутреннюю территорию нашего

В это время дня тут было малолюдно. Посреди сквера стояла молодая темнокожая женщина, курившая сигарету.

— Добрый вечер, Мэри. Ты не видела Второго Эдди?

— Извини, капитан. Я только что поднялась с постели. Тяжелый выдался денек. Я не стояла на ногах уже несколько часов кряду.

У меня не было сомнений, что Второй Эдди находился где-то рядом. Он относился к своим обязанностям очень ответственно — особенно, когда речь шла о девочках.

— Увидишь Эдди, передай ему, что я ищу его. Пойду, посмотрю в «высотках».

Если я, помогая Билл и ее американским боссам, буду вынужден отлучиться на некоторое время, мне понадобится человек, который мог бы присмотреть за ситуацией. Второй Эдди считал себя моим заместителем. Я доверял ему и знал, что при моем отсутствии он не выпустит поводья из рук. Кроме того, я был уверен, что верну контроль обратно, если он окажется излишне амбициозным помощником.

— Хорошо, капитан, — зевнув, ответила Мэри.

Рядом с нами маленькая девочка рисовала что-то мелом на тротуаре. Когда я подошел к ней, она склонила голову на бок и покосилась на меня. Ее белокурые кудряшки восхитительно закачались вверх и вниз.

— Мистер, вам нравится мой рисунок? — спросила она слегка шепелявым голосом.

Я взглянул на нее. Ну, просто милашка. И я впервые видел эту девочку в нашем квартале.

— Да, что-то красивое.

На ней было розовое шелковое платье, которое, наверное, обошлось ее родителям в приличную сумму. Рукава с буфами казались немного большими для белых и тонких рук ребенка.

— Ты дашь мне за мой рисунок один пенни?

— Тебе нельзя оставаться здесь, маленькая мисс. Это место не предназначено для детей.

И лишь тогда я понял, что именно нарисовала девочка. Такой рисунок мог бы выйти из-под руки Иеронима Босха, если бы тот решил заняться махровой порнографией.

— Что за...?

— Дэддио передает тебе привет, — сказала малышка.

Глядя на меня, она открыла рот. Я почувствовал дрожь ужаса, когда увидел на ее языке два маленьких глаза. Девочка встала. По моим оценкам, ей было около шести лет.

— Ты сама это нарисовала? — спросил я, указав рукой на рисунок.

— Дэддио хочет знать, где ты шлялся прошлой ночью. Почему ты не вернулся в свою квартиру.

— Я... Я был с подругой.

— Да? Ты трахал шлюху?

Маленькая девочка рассудительно кивнула головой.

— Дэддио предупреждал, что ты падок на такое дерьмо.

Вы должны понять, что капитан Джим Веддерберн слышал в свое время и более крепкие выражения. Но в устах маленькой сладкоголосой девочки подобные фразы казались очень непристойными. Я едва не покраснел.

— Могу поспорить, что твоя маменька была бы недовольна, услышав эти грубые слова, — поморщившись, заметил я.

— Пусть моя маменька катится куда подальше вместе со своим вибратором.

Внезапно девочка похлопала меня чуть ниже живота.

— Слушай внимательно! Дэддио хочет, чтобы ты сделал для него одно дело.

— Да? —спросил я, еще раз поморщившись (теперь уже от боли). —И что он хочет?

— Иди в район доков. Там пришла поставка по заказу Дэддио. Несколько новых подруг для твоего заведения. Приведи их сюда и устрой в комнатах. Позже тебе скажут, какую долю с их заработка ты будешь выплачивать Дэддио.

— К сожалению, сейчас я занят, дорогая. А вот завтра, возможно, схожу.

Малышка ласково улыбнулась.

— Отправляйся немедленно. Иначе Дэддио пришлет кого-нибудь, чтобы

вскрыть твой живот и наложить туда кучу какашек.

Она высунула свой язык, и два маленьких злобных глаза посмотрели на меня.

— Ты так мило выражаешься, — деликатно ответил я. — Как тебя зовут, прелестная куколка?

Маленькая девочка поправила розовое платье и сделала реверанс.

— Я Медовый перчик. Мне шесть лет и девять месяцев.

— Хорошо, Медок. Можешь передать Дэддио, что я без всяких промедлений направляюсь в район доков.

После этих слов я быстро повернулся на каблуках и зашагал по тротуару. За моей спиной раздал стук маленьких каблучков. Пытаясь угнаться за мной, Медовой перчик перешла на бег.

— Эй! Подожди! Я должна пойти с тобой!

— Тогда поспеши, — крикнул я через плечо. — Дэддио рассердится, если мы заставим его ждать!

— Эй! Не так быстро!

— Что? Ты говоришь, что мы идем слишком медленно?

Ускорив шаг, я начал размахивать локтями, как настоящий марафонец. Благоуханная сень нашего квартала осталась позади. Передо мной, полого спускаясь, тянулась Клозетная улица. Ее сточные канавы были наполнены полупрозрачными раковинами «импортных» креветок. Обитатели этого района зарабатывали деньги, обрабатывая морепродукты, поступавшие из доков Дремлющего Лондона.

После этих слов я быстро повернулся на каблуках и зашагал по тротуару. За моей спиной раздал стук маленьких каблучков. Пытаясь угнаться за мной, Медовой перчик перешла на бег.

Медовый перчик, взвизгнув, закричала:

— Если ты не остановишься, я пришью твой член к мошонке! И тогда мы посмотрим, как ты будешь делать «пи-пи»!

Ее последняя угроза была настолько брутальной, что я, потеряв концентрацию внимания, споткнулся о выступавший камень брусчатки. Впрочем, это не повлияло на скорость моего отступления.

— Извини, Медок, но тебя уже не слышно!

Перейдя на бег трусцой, я одолел пол-улицы, свернул на поперечную дорогу и помчался изо всех сил в неизвестном направлении. Дома справа от меня были безлюдными и заброшенными. Прораставшие через их окна золотистые ветви деревьев создавали арку над дорогой. Из полуразрушенных зданий доносилась болтовня синих обезьян. Услышав ее, я ускорил свой бег.

Резко сворачивая то влево, то вправо, я попадал на аллеи, где мостовую застилал слой мусора. Мои ноги скользили на губчатом зеленом слое мха, заставляя меня покачиваться, будто я был пьяный. На одной из улиц мне повстречались три синие обезьяны, которые мучили кота. Одна из них задумчиво взглянула на меня. Пробегая мимо, я не спускал с нее глаз.

Все это время я направлялся к докам, хотя мои намерения были абсолютно противоположными. Казалось, что где-то надо мной, высоко в башнях Дремлющего Лондона, какой-то кукловод тянул за ниточки, и я кружил по улицам, танцуя, как марионетка.

Казалось, что где-то надо мной, высоко в башнях Дремлющего Лондона, какой-то кукловод тянул за ниточки, и я кружил по улицам, танцуя, как марионетка.

Осознав этот факт, я замер на месте. Кто-то играл со мной в нечестную игру. Я обернулся. Никаких признаков Медового перчика. Быстро свернув в переулок, я увидел несколько выставленных у стены разбитых оконных рам и неприметную дверь, рядом с которой стояло, как мне показалось, новое кресло, обитое золотистым бархатом.

Кто притащил сюда кресло? В тот момент я не думал об этом. Рухнув на мягкое сидение, я ловил ртом воздух и несколько минут переводил дыхание. Все верно! Какие-то силы играли со мной.

Я почувствовал неудобство — предмет в моем кармане мешал мне сидеть. Поерзав на сидении, я вспомнил о свитке Кристины. Вот еще одна женщина, которая пыталась контролировать меня. Я вытащил свиток, развернул его и прочитал полдюжины строк:

Ты встретишь незнакомца.

Тебе предложат работу.

Тебе предложат вторую работу.

Пойдешь в таверну и встретишь друга — того, кто предаст тебя.

Пойдешь в доки и встретишь самого лучшего друга — того,

Которого предашь ты...

«Пойдешь в доки.» Неужели Медовый перчик знала о куске бумаги в моем кармане? Я верил в свиток судьбы не больше, чем в список вероятных мужей Кристины, но... Мы жили в городе, где здания менялись каждую ночь, где некоторые люди имели глаза на языках, и где за три недели женщины превращались в отпетых шлюх. Был ли таким уж фантастическим свиток, пересказывавший мою судьбу? Пока в нем все казалось верным, не так ли? Я покачал головой. Не обязательно. Встретишь друга в таверне? Что в этом необычного? Того, кто предаст тебя...

Ладно, я встретил в таверне прекрасную девушку Билл. Но неужели она предаст меня? Хотя, честно говоря, в этом не было никаких сомнений. Конечно предаст! Она служила в армии и выполняла приказы командиров. Если моя собственная страна без колебаний предала меня, то почему руководители другой державы должны были заботиться о моем благополучии?

Однако следующая фраза звучала унизительно: *Пойдешь в доки и встретишь самого лучшего друга — того, которого предашь ты...*

Слова затронули чувствительный нерв. Они как будто говорили о моей настоящей натуре. Ну, да! Найти самого лучшего друга и предать его — это было именно то, что мог сделать Джим Веддерберн. Меня тошнило от такой голой правды. За свою жизнь я совершил немало подобных поступков. А мне хотелось выглядеть лучше, чем я был на самом деле. С Кристиной мой характер начал улучшаться, но она бросила меня, и жизнь снова вернулась на старую колею. Теперь я следовал инструкциям ее свитка судьбы, и мои дела, свернув куда-то в сторону, катились по наклонной плоскости.

Что же мне делать? Все, что угодно, но только не ходить в доки. Может быть, вернуться в «Ядовитый тис»?

Порыв любопытства заставил меня развернуть остальную часть свитка. Мне хотелось прочитать остальные предсказания, но в этот момент я услышал детский голос.

— Капитан Веддерберн?

Приподняв голову, я увидел рядом с собой Медового перчика, с ее качавшимися золотистыми кудряшками.

— Мне кажется, ты убегал от меня, капитан Веддерберн.

— Вовсе нет, Медок.

— И все же я нашла тебя в одной из ловушек Дэддио.

Она имела в виду кресло.

— О чем ты говоришь, малышка? Я горю желанием выполнить задание нашего босса.

Меня удивило, что ее розово-белое платье осталось абсолютно безупречным.

— Надеюсь, что это так, — сказала девочка. —В противном случае мне придется воткнуть осколок стекла в твой писюн, и мое платье запачкается кровью. Давай поторопимся.

— Конечно, милая.

Я встал с кресла и сунул свиток в карман.

— Показывай дорогу!

Взяв меня за руку, она зашагала к докам.

С тех пор, как начались изменения, доки разрослись и превратились в разветвленную систему. Судоходные каналы проникали в городские кварталы, и люди, выглядывая из своих окон, могли видеть корабли, проплывавшие там, где раньше были дороги. Вместе с доками росли и подъемные краны. Их могучие стрелы достигали теперь такой длины, что спокойно поднимали с корабельных палуб огромные грузы и переносили их на полмили к портовым складам.

Стоя у дверей таверны и радуясь напитку, искрившемуся в солнечном свете, я заметил промелькнувшую тень и, задрав голову, увидел высоко над собой стрелу крана, опускавшую дюжины ящиков и бочек во двор суетливого владельца заведения.

Пакгаузы Докленда выглядели, как набитые под завязку мешки. Их окна и дверные проемы были завалены товарами, которые доставлялись через Родинг и складировались в Дремлющем Лондоне. Улицы буквально кишели разноцветными крысами, жабами и вшами. Приплыв в порт на лодках и баржах, они решительно направлялись в город, мечтая о покорении новых

Что касается самих кораблей, то они швартовались вдоль берегов и сияли всеми цветами радуги: золотистые и серебристые, с шахматным узором, в полоску и с узорами кашмирских шалей — шхуны и баркасы, построенные по чужеземным чертежам. Матросы со странными лицами склонялись над их бортами и смотрели на вас, щуря темные глаза в полуискренних улыбках. Иногда они говорили что-то на экзотических языках и выкрикивали непристойно звучавшие фразы.

Впрочем, ничто из этого не беспокоило Медового перчика, пока она вела меня за руку по лабиринту швартовных канатов.

— Нам туда, — сказала она. — Спускаемся.

Пробираясь через путаницу мелководных доков, ведущих к крупным причалам, мы зашагали вдоль берега Темзы. Наш путь проходил мимо загаженных мусором бухт с маслянистой водой, где стояли ничем не примечательные корабли — небольшие и менее цветастые посудины. Казалось, что многие из них были сделаны из сгнившего дерева, покрытого черной смолой. Грязные загроможденные палубы соответствовали рваным изношенным снастям. Члены команды предпочитали прятаться на нижних палубах, охраняя таинственные и часто нелегальные грузы.

— Вот это судно, — сказала Медок, осматривая корпус корабля.

Я с трудом прочитал название, написанное потускневшей краской.

— «Куртизанка».

— Что это означает? — спросила Медок.

— Ну, что-то типа проститутки, — ответил я.

— Ты хотел сказать, шлюхи?

— Да.

Медовый перчик понимающе кивнула головой. Я печально вздохнул. Корабль нависал над нами темной мрачной массой, вызывая у меня чувство тоски по дому.

— Позови их! — велела Медок. — Дай им знать, что ты пришел!

— Позвать кого?

— Команду! Давай, окликни их!

Я взглянул на нее — такую розовую и милую посреди уныния и запаха

гнилой рыбы — затем поднес ладони ко рту и прокричал:

— Ахой! Вас приветствует капитан Джим Веддерберн. Я получатель груза.

— Ахой? — хихикнув, спросила Медок.

— Я солдат, а не моряк. По-моему, «ахой» звучит вполне нормально.

Я выполнил ее просьбу, и на этот раз на палубе появилась женщина. Она была старой и ветхой, как и ее грязная одежда. Женщина склонилась над бортом и посмотрела на меня с неописуемым презрением.

— Они прислали ко мне *мужчину*? — спросила старая карга.

— Они прислали капитана Веддерберна! — гордо ответил я.

Старуха заметила девочку.

— Это твой папа, малышка? Скажи ему, чтобы он убирался отсюда! Ни один *мужчина* не сможет противостоять моим девушкам.

— Она мне не дочь..., — начал было я, но Медок прервала мою возмущенную реплику.

— Он отведет их в бордель в Колокольном квартале! — прокричала посланница Дэддио.

— Никуда он их не отведет, — ответила старая женщина. — Я привезла вам мостонских* девочек. Они высосут его досуха. Пусть он валит отсюда подальше. Скажи ему, что это его последний шанс.

— Но...

— Ты хочешь, чтобы они сбежали? Гони его прочь! Сейчас же! Через минуту я спущу сходни!

— Медок, ты слышала, что она сказала?

Я улыбнулся моей маленькой спутнице.

— Вряд ли Дэддио понравится, если мостонские девочки высосут меня досуха. Ты отведи их в комнаты борделя, а я встречу вас там.

— Но...

Над нашими головам начал выдвигаться грязный деревянный настил. Я услышал пение молодых обольстительниц.

* Мостон — район Манчестера.

— Мне лучше уйти, — сказал я, мягко похлопав девочку по голове. — Увидимся позже.

— Ты мелкофаллосный обманщик!

— Я знаю. Но ты ведь не можешь переделать меня?

Развернувшись на каблуках, я быстро зашагал прочь от судна. Естественно, не далеко — всего-то за край пакгауза, чтобы меня не было видно. Осторожно выглядывая из-за угла, я рассматривал мостонских девочек, пока те спускались по сходням.

На этом расстоянии они не казались какими-то особенными существами. Просто шестнадцать тощих девиц с грязными копнами белокурых волос. Изношенная одежда девушек имела столько дыр, что я достаточно детально разглядел их бледные мальчишеские тела. Совершенно не мой тип! Мне нравятся настоящие женщины — с округлыми формами. Мостонские девочки хихикали, толкались, хватали друг друга за руки и по очереди похлопывали Медового перчика по голове, восторгаясь тем, как прекрасно она выглядела. Я не понимал, почему мне нужно было опасаться их. Но потом они почувствовали меня — будто уловили мужской запах. Одна из девушек посмотрела в моем направлении. Она захихикала и указала на меня рукой. Другие тут же повернулись. Их большие голубые глаза буквально излучали нежность и мольбу. Внезапно я понял, какими безумно привлекательными они были. Нет, такое определение не отражает действительности. То была не привлекательность, а нечто более основательное! Они источали сексуальный призыв. Я вдруг понял, что начал двигаться к ним. С немалыми усилиями мне удалось отступить назад и скрыться за стеной склада. Если бы я вышел и оказался у них на виду, то не знаю, что они сделали бы со мной. Их власть была безграничной.

Я понял, что старуха говорила правду. Я не смог бы подчинить себе мостонских девочек. Ладно, пусть Медовый перчик устроит их в номерах в Колокольном квартале. Я разберусь с ними позже. Сейчас мне пора было выпить.

/

Сразу за Доклендом я нашел таверну, стоявшую на краю Темзы. Солнце уже клонилось к горизонту. Мне захотелось посидеть на открытой веранде и подумать о сложившейся ситуации. Зал таверны был заполнен народом. Оттуда доносились смех и крики выпивших людей. На скамье рядом со мной сидело трое мужчин. Двое из них утешали третьего.

— Не печалься, Пол, — сказал первый. — Ты связал бы себя по рукам, если бы купил это заведение.

Пол не собирался успокаиваться.

— Весь портовый район «крышуют» джентри*, — со злостью ответил он. — Еще на прошлой неделе я мог бы купить этот паб. И денег хватало. Но когда сегодня утром я пришел к агенту по недвижимости, он сказал мне, что цена удвоилась. Удвоилась! Разве это честно?

Другой мужчина с сочувствием покачал головой.

— Может джентри не хотят, чтобы ты покупал тут недвижимость? Ведь если ты возьмешь таверну в аренду, они навяжут тебе договор на двадцать пять лет. Конечно, им выгоднее рента. Они живут на эти деньги!

Я был более чем знаком с подобными историями. Разве мои усилия купить Колокольный квартал не привели к таким же результатам? Нас окружал грубый мир.

Я задумчиво посмотрел на Темзу. За прошлый год река заметно расширилась. Теперь до дальнего берега было не меньше мили. Здания на другой стороне казались не такими высокими, как в Сити, но между ними росли деревья, похожие на банановые пальмы. Это придавало береговой черте приятный тропический колорит. Там на мелководье паслись неведомые большие существа. Мне давно хотелось посмотреть на них, и я не раз задумывался о переправе через реку. Но после начала изменений вдоль русла Темзы не осталось никаких мостов. Сохранились лишь тоннели Блэкволл и Гринвич. К сожалению, после изменений ни один человек, осмелившийся войти в тоннель Блэкволл, не вышел с другой стороны. Что касается пешеходного тоннеля в Гринвиче, то он расширился и удлинился. Кафель на стенах зарос пышным глянцевым мхом. С потолка свисали кристаллические сталактиты. В стенах тоннеля возникли ниши с элегантными магазинами для тех покупателей, которые могли позволить себе дорогие товары.

*Джентри — изначально, нетитулованное дворянство; в наше время — правительственные функционеры

Пока я сидел, все больше теряясь в собственных мыслях, мой взгляд неосознанно отслеживал некий объект, пересекавший реку. Какое-то странное существо из иных мест — возможно, из далекого чужого государства — перебиралось через Темзу. Оно выглядело, как оранжевый человек, плывший лягушачьим стилем. Или это была огромная лягушка, которая двигалась подобно человеку. Чем или кем бы ни являлось существо, оно не имело одежды. И оно уверенно преодолевало кристально синие воды магической реки. На его блестящей спине выделялись темно-коричневые тигровые полоски, оттененные угасавшим солнечным светом. Когда оно приблизилось, я увидел сумку, закрепленную на его плечах. Два бледно-желтых глаза, высоко расположенных на голове существа, рассматривали берег. Оно заметило меня, и наши взгляды встретились. Когда пловец направился прямо ко мне, я встал из-за стола и спустился с веранды.

Пролеты каменной лестницы вели к реке. Последняя ступень было окантована мехом зеленой тины. Я увидел, как мускулистая оранжевая рука поднялась из воды, и через миг существо уже выбралось на сушу. Это был, скорее, гуманоид, чем большая лягушка. Во всяком случае, он стоял прямо — вполне по-человечески. На его гладком теле отсутствовали половые признаки. Между ног виднелась только лоснящаяся оранжевая кожа. Лицо существа было тоже почти человеческим: немного широкий рот, большие и выпуклые глаза, две носовые щели вместо ноздрей. Но каким-то странным образом этот чужеземец выглядел достаточно приятным парнем. Он улыбнулся и, вытянув одну руку, поднялся ко мне по ступеням.

— Добрый вечер, добрый сэр! — сказал незнакомец. — Приветствую вас!

— Здравствуйте, — осторожно ответил я.

— Извините мое невежество, но к кому я имею честь обращаться?

— Называйте меня Джеймсом.

— Джеймс? Джеймс! Какое превосходное имя. А я мистер Монаган!

Он все еще тянул ко мне руку, желая, чтобы я пожал ее. Пусть немного запоздало, но я так и поступил. Ладонь гуманоида была на удивление теплой и сухой. Казалось, что вода вообще не задерживалась на его теле.

— Рад познакомиться с вами, Джеймс, — сказал он, встряхнув мою руку.

Парень осмотрелся вокруг и смущенно спросил:

— Извините за мой вопрос... это Лондон? Я не ошибся? Это Лондон? Город людей?

— Я никогда не слышал, чтобы его описывали подобным образом. Однако вы правы. Это Лондон.

Он сплясал джигу прямо передо мной — настолько сильным было его восхищение.

— Спасибо, добрый сэр! Я в Лондоне! Вы только подумайте! Они говорили, что никто не сможет проплыть такое расстояние! Они говорили, что я никогда не доберусь до этого города. И вот я здесь! О, Лондон! Город, где меня, наконец, будут считать человеком!

Человеком? Его слова удивили меня. Хотя почему бы и нет? Ведь мы находились в Дремлющем Лондоне.

§ 7

ЧУВСТВО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ: МИСТЕР МОНАГАН

Передо мной стоял обнаженный человек-лягушка. Вопреки врожденной тактичности, я продолжал посматривать вниз на пустое место между его ног. Когда оранжевый парень заметил направление моего взгляда, он испуганно ахнул.

— О, сэр! Конечно! Я чуть было не забыл о ней! Одежда! Мне говорили, что я должен носить ее. Мои старшие коллеги настояли, чтобы я взял одежду с собой. Мне-то думалось, они просто шутили! Похоже, я совершил большую ошибку! Подождите минуту...

Он снял с плеч черную кожаную сумку и расшнуровал ее верхнюю часть. В воздухе закружились ароматы специй и запах тепла иных мест из туманных окраин незнакомых государств — стран, потерянных для зеленого мха, волосолистного лютика и болотного кипариса. Существо вытащило черные брюки и быстро натянуло их на себя. За ними последовали белая рубашка и красный узорчатый галстук, который мистер Монаган аккуратно повязал вокруг шеи.

— Я практиковался, — сказал он с некоторой гордостью.

Склонившись снова над кожаной сумкой, парень вытащил зеленый жилет, пару черных башмаков и котелок. Он натянул шляпу на голову и убедился, что поля расположились чуть выше его выпученных глаз.

— И знаете, мистер Джеймс! У меня имеются деньги! Позвольте в знак благодарности купить вам выпивку!

Он еще раз сунул руку в черную сумку и достал — прямо как в песне про раззяву — кошелек из вываренной кожи. Его наивная доверчивость настолько тронула меня, что ледяная корка моей подозрительный натуры подтаяла и треснула.

— Мистер Монаган, я советую вам никогда и никому не говорить о ваших деньгах.

Он выглядел, как пришибленный пес.

— Но почему? Я сам их заработал! Служил матросом на колесных пароходах, которые курсировали в Водолей и обратно.

Я осмотрелся по сторонам. Высокая оранжевая фигура мистера Монагана уже привлекла внимание. Позади нас, лениво подпирая стену таверны, стояли трое мужчин в черных куртках. За их поясами виднелись укороченные докерские багры. Парни осматривали мистера Монагана, словно он был частью их груза. Однако капитан Веддерберн не относился к категории бессердечных ублюдков! Джеймс Веддерберн не отдал бы незнакомца в руки вороватых негодяев, которые легко одурачили бы его — причем, когда он сам мог сделать это.

— Как насчет того, чтобы пойти куда-нибудь еще? — предложил я. — Пошли. Мне известно более уютное место.

/

Согласно заверениям его землевладельца, «Пятнистый пес» первоначально располагался у станции Баркинг. В период перемен он сместился к западу и, пройдя через Докленды, закончил свой путь в лабиринте аллей близ Колокольного квартала. Во время этих путешествий он вытянулся, его деревянные полы потрескались и постарели, кабинки стали более просторными и темными. Идеальное место, чтобы тихо посидеть в безопасной полутьме.

— Что это? — спросил мистер Монаган, поднимая свой бокал.

— Портвейн, — ответил я, наливая себе выпивку из графина.

— Прекрасно! Какой милый цвет! Он красный, когда вы смотрите через него на свет, и выглядит темным в тени. У нас в Водолее нет ничего подобного!

— А что вы там пьете? — спросил я почти без интереса.

— Ничего. Зачем пить, когда вы все время живете в воде?

Он сделал глоток портвейна и улыбнулся.

— Мммм. У него вкус теплоты.

— Так зачем вы прибыли сюда?

— Чтобы стать человеком, — серьезным тоном ответил мистер Монаган.

Я посмотрел на парня сквозь дымку полумрака. Казалось, что его слишком толстые пальцы были раздуты жидкостью, находившейся внутри. Кожа странно сияла, а горло постоянно расширялось и сокращалось, как у жабы — глумп, глумп, глумп.

— Стать человеком? — переспросил я. — И что хорошего в том, чтобы быть человеком?

Он улыбнулся.

— О, мистер Джеймс! Вы дразните меня! Что хорошего в том, чтобы быть человеком? Да ладно вам! У каждого человека свободная жизнь! Он может стать тем, кем захочешь! Птица всегда будет птицей, и поэтому она живет в воздухе. Лягушка — это просто лягушка, обреченная на сырость и пищу, состоящую из бабочек, пиявок и мышей. А человек... Человек может жить, где захочет! В воздухе, в болоте,

на полях! Он может воплощать свои мечты!

Эти слова были произнесены с таким энтузиазмом, с таким сиянием в глазах, что я почувствовал себя смущенным. Позади него три шлюхи делили графин портвейна, набираясь сил перед началом вечерней работы. Интересно, подумал я, что они сказали бы, услышав мнение мистера Монаган о радостях человеческого бытия. Одна из них заметила меня и протянула медную монету. Я передал ей кусок полосатой конфеты. Сжав сладость в руке, она вернулась к беседе с подругами.

— Звучит чудесно, — сказал я, поворачиваясь к мистеру Монагану. — Поведайте мне, а на какие средства вы будете жить, оставаясь в нашем городе?

Улыбка гуманоида дрогнула.

— Мистер Джеймс, я не понял, о чем вы говорите.

— Я говорю о том, что вам нужно будет где-то спать и питаться. В Дремлющем Лондоне все это стоит денег. Причем, приличных денег.

Мистер Монаган вновь заулыбался.

— Тут в реке достаточно еды, — радостным тоном ответил он. — Рыба, крабы и угри, а еще имеются жуки и трава. Вокруг множество ракообразных! Что касается сна, то кто же платит за сновидения?

— Вам понадобится комната, где вы будете спать. Иначе, вас посчитают бродягой. Тогда полиция Дремлющего Лондона посадит вас в тюремную камеру. Если вы не сможете дать взятку, вас отправят в суд. Если вы не сможете оплатить штраф, вас отправят в работный дом.

Интересно, подумал я, что они сказали бы, услышав мнение мистера Монаган о радостях человеческого бытия.

— Это неплохая перспектива! Я буду трудиться, мистер Джим. Как еще я смогу заработать деньги, чтобы стать человеком?

— В работном доме вы не получите денег, мистер Монаган, — ответил я. — В любом случае, они достанутся другим людям. Вы будете отрабатывать свой пансион и накапливать долг перед государством. С того момента, как вы переступите порог подобного заведения, ваш долг начнет расти до небес. Вы останетесь там до конца своей жизни. А затем начисленный долг перенесут на ваших детей и внуков, и чем все это закончится? Считайте, что врата работного дома являются входом в вечное рабство...

Он смотрел на меня с нескрываемым недоверием. Его глаза расширились от ужаса.

— Но мистер Джеймс! Так нечестно!

Я засмеялся.

— А кто вам говорил, что люди честные? Есть хищники, и есть покорное стадо. Вы сами должны выбрать, к какому виду примкнуть.

Казалось, он вот-вот расплачется. Глядя на печальное лицо гуманоида, я почувствовал небольшую жалость.

— Мистер Джеймс, — сказал он дрожащим голосом, — вы не посоветуете мне место, где я мог бы спать по ночам?

Я вытащил свиток из кармана. Он сам развернулся на той строке, которую мне хотелось перечитать...

Пойдешь в доки и встретишь самого лучшего друга — того, которого предашь ты...

Я посмотрел на мистера Монагана, и в моем уме сформировалась идея. Что ожидало меня в Колокольном квартале? Я вспомнил вчерашнего квантификатора Дэддио — большого мужчину, который, воспользовавшись ловушкой с аккордеонами, приставил нож к моей спине. К настоящему времени Медовый перчик уже вернулась в бордель и приступила к моим поискам. Она могла привести подкрепление. Что если они сейчас наблюдали за моей квартирой? Будет ли мудро возвращаться туда...

— Известно ли мне место, где вы могли бы ночевать, мистер Монаган? — спросил я, демонстрируя грубую деловую хватку Джима Веддерберна. — Вполне возможно! Но стоит ли арендовать вам квартиру в моем доме?

Похоже, парень пал духом.

— Я был бы очень благодарен, — ответил он тихим голосом.

— Вы? Серьезно?

Я снова посмотрел на свиток. В прошлом циничный капитан Веддерберн предал немало людей. Почему бы мистеру Монагану не пополнить их число? Прежде всего, я только недавно познакомился с ним...

Твой самый лучший друг, утверждал предсказательный свиток.

Во мне разгорался стыд. Часто — в тех случаях, когда люди находят свои действия неправильными — их гнев

изливается на персону, с которой они поступают нечестно.

— Да кем вы себя считаете? — спросил я, не в силах удержаться от очередного «наезда» на собеседника. — Лягушкой, поймавшей перо удачи?

Рот мистера Монагана открылся; глаза иноземца расширились, и я увидел болезненную гримасу обиды, исказившую его лицо.

— Вы назвали меня лягушкой? О, мистер Джеймс! Как вы можете быть таким грубым?

Наивность и бесхитростность пришельца били влет. Флюиды его невинной натуры проникали сквозь слои цинизма, которые я годами выстраивал вокруг своей психики. Они вонзилось прямо в мое сердце.

— Я извиняюсь. Мне не хотелось бы выглядеть...

— Не важно, — ответил он. — Никаких обид...

Он упорно смотрел вниз на стол, и было понятно, насколько сильным оказалось оскорбление.

— Мистер Монаган, я извиняюсь!

К моему собственному удивлению, я чувствовал огромное сожаление. Его почти детское доверие задело самое мое нутро.

— Послушайте, — сказал я. — У меня найдется для вас не только комната, но и нечто лучшее. Вы хотите работу?

— Работу? О, мистер Джеймс!

Глаза мистера Монагана засияли от восхищения.

А я в это время размышлял о мостонских девочках. Медовый перчик устраивала их в номерах борделя Колокольного квартала. Второй Эдди и остальные не смогут выстоять против таких невообразимых сексуальных чар. Возможно, мистер Монаган будет именно тем человеком, который справится с ними. Так «человеком» или «лягушкой»?

/

Пора было возвращаться в «Ядовитый тис». Я оставил мистера Монагана в опытных руках Кроткой Энни, которая обещала показать ему мою квартиру и Колокольный квартал. Напоследок я лишь улыбнулся, услышав, как мой новый друг ответил на вопрос о том, имелась ли у него на родине какая-нибудь «миссис Монаган»:

— ...ах, Кроткая Энни, мне не хотелось бы рассказывать леди вашего благородного сословия о поведении женщин в нашем домашнем пруду. Я боюсь, это может ранить ваши чувства...

Ночь была теплой и сине-фиолетовой. Вечерние запахи в общей сумме склонялись к аромату корицы. Я шел по шоссе. Яичный рынок тускло сиял на фоне пурпурного неба. Меня обогнал мужчина, за которым тащились четыре ребенка. Каждый из них нес в ладошке голубоватое яйцо малиновки.

— Папочка, мы проголодались, — сказала маленькая девочка.

— Прости меня, Нелли. С тех пор, как аренда за комнату поднялась вдвое, мы можем позволить себе на ужин только это...

Я свернул на Хэйлинг-роуд. На липах раскачивались и кричали синие обезьяны. Пройдя по аккуратной, усыпанной гравием дорожке «Ядовитого тиса», я остановился у крыльца. Нужно ли было входить в особняк? Я позвонил в колокольчик. Дверь открыла ошеломляюще красивая девушка лет шестнадцати-семнадцати. Она носила школьную форму: серую гофрированную юбку, белую блузку и галстук. Ее заколотые булавками, черные волосы создавали воздушную прическу. Большие карие глаза какое-то время сверлили меня неодобрительным взглядом.

— Вы капитан Джеймс Веддерберн? — спросила она.

Девушка повернулась и крикнула кому-то в доме:

— Родичи! Он вернулся!

Алан торопливо вышел в сопровождении шокирующие привлекательного темнокожего мужчины.

— Где вы были? — возмущенным тоном произнес хозяин дома. — Я уже подумывал послать людей на ваши поиски.

— Мне нужно было позаботиться о некоторых делах.

Алан повернулся к молодой девушке.

— Анна, иди и скажи матери, что мы ужинаем через десять минут. Это даст капитану Веддерберну достаточно времени, чтобы приготовиться к ужину.

Он посмотрел на меня.

— Вы не против?

— Ничуть.

Анна бросила на меня косой взгляд, затем повернулась и величественно удалилась в глубины дома. Интересно, сколько ей было лет? Впрочем, не важно. В Колокольном квартале она заработает кучу денег. Хотя вряд ли такая девушка, как она, обоснуется в моем заведении. При ее манерах и образовании Анна будет получать в Вест-Энде в десять раз больше, чем у меня.

Интересно, сколько ей было лет? В Колокольном квартале она заработает кучу денег. Хотя вряд ли такая девушка, как она, обоснуется в моем заведении.

— Все в порядке? — спросил Алан.

— Никаких проблем, — ответил я. — Схожу, переоденусь.

Моя полосатая куртка была теперь грязной и не годилась для семейного ужина.

Я направился вверх по лестнице в отведенную мне комнату. Кто-то побывал там и навел порядок. Кровать аккуратно застелили. На боковом столике стояли две бутылки с минеральной водой. Рядом с ними располагалась небольшая стопка книг. Я взял в руки верхнюю и посмотрел название: 1984: Эротическая история Джорджа Оруэлла. На задней обложке размещалась аннотация: «Большой брат следит за нами...» Вернув книгу на место, я произвел осмотр комнаты.

Из окна открывался очередной невероятный вид, который мог предоставить только Дремлющий Лондон. Ряды серых зданий спускались к реке. Их окна пламенели в лучах вечернего солнца. Алый плющ вздымался волнами в красном приливе, желтые листья трепетали на ветру, а разноцветные птицы порхали взад и вперед, выискивая гнезда на кронах деревьев. Однако мой взгляд постоянно тянулся к береговой линии, где стояла башня.

До перемен она была обычным небоскребом — это было очевидно. Но за последние года здание разрасталось все выше и выше.

Раздувшаяся вершина из стекла из стали превратилась во нечто другое, напоминавшее отросток гигантского растения. И с него, насколько я мог видеть, сползали вниз какие-то вьюны и лианы.

Я боялся представить себе, насколько высокой была теперь башня. Ее верхнюю часть окутывала туманная дымка, в гуще которой мелькали черные тени. Мне хотелось надеяться, что это были просто птицы. Отвернувшись от окна, я взглянул на серебряный бритвенный набор, лежавший около раковины. Как раз в этот момент по щетине помазка полз оранжевый паук. Я поднял кисточку и постучал ею по краю раковины. Из щетины выглянули шесть оранжевых глаз и неодобрительно посмотрели на меня, прежде чем снова спрятаться в своем домике. Оставив помазок на краю раковины, я направился к большому деревянному гардеробу.

Тут висело несколько недоделанных костюмов, заготовленных для первой примерки. Я видел полоски белого хлопка в местах, где намечались карманы. Рядом располагались три готовых темных костюма и две куртки сливового цвета. Их воротники и лацканы были отделаны бархатом. На дверной вешалке висело несколько серых галстуков. На полках лежало пять сложенных белых рубашек. В самом дальнем углу я увидел мою военную куртку — свежеотстиранную, с золотистыми нашивками, мерцавшими на фоне изумрудной ткани.

Раздевшись до трусов, я примерил рубашку. Она была неудобной и излишне жесткой, но соответствовала росту — так же, как и брюки костюма. Туфли подходили по размеру, но швы неприятно давили на ногти больших пальцев. Кожаные подошвы скользили даже на плетенном коврике, а что уже говорить о полированных полах! Видимо, все это мне предстояло надеть завтра утром. Проигнорировав костюм, я воспользовался одеждой попроще и завершил свой наряд военной курткой. Мне не хотелось блистать нарядами во время ужина.

Послышался стук в дверь.

— Войдите!

Стоявшая на пороге Анна выглядела еще более ошеломительно в домашнем сером платье.

— Мама просила передать, что ужин готов.

Она направилась к лестнице. Следуя за ней по ступеням, ведущим в столовую, я с удовольствием наблюдал за движениями идеально округлых форм под ее скромной одеждой.

Стол был накрыт большой белой скатертью. Я посчитал количество серебряных столовых приборов и понял, что ужин готовился для

пятерых человек. Алан, Маргарет и «друг» Алана уже были здесь.

— Спасибо, Анна, — сказала Маргарет.

Она одарила меня сдержанной улыбкой.

— Мы уже немного выпили, Джеймс. Надеюсь, вы не обидитесь. Некоторые из нас даже начали сомневаться, что вы присоединитесь к нам.

В столовой пахло сладостями и подливкой.

Мы сели: Алан во главе стола, я слева от него, любовник справа, напротив меня. Маргарет устроилась рядом со мной. Анна заняла место напротив нее. Служанка в сине-белом полосатом платье внесла в комнату большую супницу.

— Яичный суп, — объявила Маргарет и затем гордо добавила: — Ведь у нашего порога самый лучший яичный рынок в городе!

Служанка начала наливать суп в глубокие тарелки.

— У нашего порога вообще все лучшее! — поддержал ее Алан. — Кроме сырного магазина. В Фаррингдоне сыр более качественный, чем у нас. Что скажешь, Шагил?

Шагил промолчал. Заметив непристойную улыбку чернокожего гостя, я догадался, где блуждала его рука под столом. Анна, сидевшая рядом с ним, намеренно фиксировала взгляд на своей миске.

Тарелку, стоявшую передо мной, наполнили супом. В ней плавали яйца — нарезанные и целые. Большие яйца были куриными, а маленькие — крапивными, то есть, снесенные самками крапивника. Я с любопытством погрузил ложку в желтую жидкость. К моему удивлению, вкус супа был великолепным.

— Анна, — произнес Алан, нарушив неловкое молчание, повисшее над столом, — расскажи, как прошел твой день в школе?

— Очень хорошо, отец. Спасибо, что спросили.

— У Анны все пять предметов сданы на уровень А, — с гордостью сказала ее мать.

— Невероятно! — восхитился я. — И что она изучает?

— Английскую литературу, музыку, историю и искусствоведение.

— Но это только четыре предмета, — заметил я.

— Один в наше время обязателен для всех, — ответила Анна. — Я имею в виду «Секс и сексуальность». Он является частью ПСФО.

— ПСФО?

— Персональное, социальное и физическое образование. Все, что относится к сексу.

Она отхлебнула суп, давая понять, что тема подошла к концу.

— Учитывая выбранные вами предметы, вы, наверное, будете художницей? — вежливо поинтересовался я.

— Меня всегда интересовали математика и физика, но они больше не доступны для девочек. Даже парни изучают теперь только бухгалтерию и экономику. Остальные предметы преданы забвению.

— Джеймс, а вы что проходили в школе? — спросила Маргарет, не желая слушать надоевшие жалобы дочери.

Алан и Шагил заигрывали друг с другом, не обращая внимание на нашу беседу.

— Я бросил школу в шестнадцать лет. Мне пришлось присоединиться к армии.

— И вы убивали людей? — спросила Анна, глядя на меня поверх приподнятой ложки.

— Анна! Я думаю, это невежливый вопрос! Извините, Джеймс. Так о чем вы говорили?

Она придвинулась ко мне, и я почувствовал запах ее духов — сильный аромат цветов, с помощью которого мои девочки вводили клиентов в режим ночных удовольствий.

— О том, что я бросил школу и пошел в армию. Демобилизовался лишь в прошлом году.

— Вас уволили? — спросила Анна.

— Дочь, прекрати!

Мы закончили суп. Служанка заменила тарелки на белые плоские блюда, украшенные узорами синей ивы. Я прикоснулся к краю фарфорового чуда.

— О, похоже, вы оценили красоту этой посуды, — сказала Маргарет. — Она из Чайнатауна.

Я почувствовал, как ее рука погладила мое бедро.

— Из Чайнатауна? Как мило.

Я посмотрел на Анну.

— Меня действительно уволили. За то, что я переспал с дочерью капитана. Ему это не понравилось.

Маргарет поперхнулась вином.

— Анна, не думаю, что тебе нужно слушать такие истории. Надеюсь, Джеймс, вы перемените тему.

— Все в порядке, мама, — сказала Анна. — На ПСФО мы слушаем более худшие вещи. Как и на уроках по английской литературе.

— Ах, даже так...

Лицо Анны сохраняло бесстрастное выражение.

— Тем более, что капитан вряд ли расскажет нам полную историю...

Она выдержала мой взгляд. Меня восхищали ее темные глаза и каштановые волосы, ниспадавшие волнами на плечи. Она действительно была красивой. И очень сдержанной.

— Конечно, вы правы, — с улыбкой ответил я.

Ладонь хозяйки вновь опустилась на мое бедро. Справа от меня Шакил поглаживал Алана. Слева Маргарет предлагала такую же услугу. Я оттолкнул ее руку.

Меня восхищали ее темные глаза и каштановые волосы, ниспадавшие волнами на плечи. Она действительно была красивой.

Служанка внесла в комнату большой поднос. Она поставила тарелку передо мной. Там в лужице коричневой подливы покоилось зеленое яйцо цвета имперской мяты*. Оно было размером с мой кулак.

— Страусиные яйца, — с гордостью сказала Маргарет. — Когда вы живете около Яичного рынка, глупо не пользоваться этим.

— Жаль, что рядом нет приличного магазина сыров, — проворчал Алан.

*Имперская мята — популярный сорт жевательной резинки.

— Удаляйте скорлупу таким образом, — наставляла нас Маргарет, демонстрируя процесс очистки страусиных яиц. — Мы замариновали их по новому рецепту. Слышали о таком? Для него требуется много кипятка и куча соли.

— А чего больше? — спросила Анна. — Кипятка или соли?

— Три кучи на общую массу, — пошутил я, с улыбкой подмигнув девушке.

Она не впечатлилась и отвернулась в сторону. Я снял часть скорлупы и набрал полную вилку серого белка. Пряная масса напоминала дхансак с барашком.

— Так вот оно какое — маринованное яйцо! Не плохо.

— Вы подготовились к завтрашнему дню? — спросила Маргарет.

— Конечно, — ответил Алан. —Встаем в шесть утра. Капитан Веддерберн, Анна разбудит вас в нужное время.

— А что мне нужно будет делать? — спросил я у него. — Вы сказали, что мы отправимся в Сити. Нашей целью является Цифровой этаж Ангельской башни. Но что мне следует делать, когда я там окажусь?

— Шшш! — прошипел Алан. — Вы же знаете, что даже стены имеют уши.

— Но...

— Шшш!

Мы продолжили поедать маринованные яйца. Служанка принесла нам следующее блюдо: икру. И затем еще одно: шоколадный мусс.

— Сделанный на яичных желтках, — отметила Маргарет.

— Когда вы живете около Яичного рынка, глупо не пользоваться этим, — согласился я.

— Жаль, что рядом нет приличного магазина сыров, — язвительно добавила Анна.

— Дочь, манеры! — прикрикнула Маргарет.

Алан и Шагил шептались о чем-то друг с другом. Маргарет придвинулась ко мне еще ближе, и ее грудь прижалась к моей руке.

— Немного вина, капитан?

— Нет, спасибо, — ответил я. — Завтра утром рано вставать.

Маргарет наполнила бокал доверху. Я заметил, что ее уже слегка покачивало в стороны. Алан и Шагил потерялись в своем маленьком приватном мире. Анна смотрела на меня без интереса, а ее мать прижималась ко мне все сильнее и сильнее. Ее грудь призывно и ласково терлась о мою руку.

— Мне нравится ваша курта, капитан, — прошептала хозяйка. — Она придает вам такой решительный вид.

— На самом деле куртка бутафорская. Я купил ее на распродаже театрального реквизита. Такие цвета можно встретить только в Дремлющем Лондоне.

— И все же она вам подходит.

Принесли последнее блюдо.

— Лимонный сорбет, — провозгласила Маргарет, еще раз касаясь моего колена. — Очищает нёбо. Вам нравится?

— Не мешало бы больше яиц, — ответил я.

Ее лицо застыло лишь на мгновение, пока она гадала, насколько приемлемой была моя шутка. Затем она рассмеялась.

/

Ужин закончился, и Анна, пожелав нам доброй ночи, ушла в свою комнату, чтобы заняться школьными заданиями — во всяком случае, она так сказала. Алан и Шагил удалились в кабинет.

— Хотите бренди, капитан Веддерберн?

Рука хозяйки расположилась на верхней части моего бедра. Я говорю «на верхней части бедра» из вежливости. На самом деле Маргарет уже массировала мои шарики.

— Нет, спасибо, дорогая. Я хотел бы прогуляться перед сном. Мне нужен свежий воздух.

— Когда вернетесь, я, возможно, буду еще на ногах. Загляните ко мне в гостиную.

Я покинул дом и около получаса бродил по улицам. Мне никак не удавалось расслабиться. Я все время думал, что где-то рядом меня разыскивала девочка с кудряшками — Медовый перчик.

На востоке, вонзаясь в пурпурное ночное небо, поднимались раздувшиеся шпили Сити. Завтра мне предстояло отправиться в одну из этих башен. На деревьях визжали синие обезьяны. Услышав предсмертный вой очередного замученного кота, я на всякий случай прикоснулся к пистолету. Когда-нибудь обезьяны перейдут от котов к более крупным жертвам их глумливых забав. Если они попытаются напасть на меня, я хотел бы быть готовым к такому повороту событий. И все-таки приятно было шагать по тихим и безлюдным улочкам, прислушиваясь к потаенным звукам города.

Вернувшись в Ядовитый тис, я прошмыгнул наверх в свою комнату, разделся и натянул голубовато-белую хлопчатобумажную пижаму, которую кто-то аккуратно сложил на моей подушке. Я забрался в постель, взял первую книгу из стопки на прикроватном столике и открыл первую страницу. Это были стихи Томаса Элиота:

Апрель, счастливейший месяц,

Сирень в свежем ветре со смехом качает,

Желание и память в листве пробуждает,

Питая корни весенним дождем.

Я не узнал эту поэму. Хотя и не удивительно — мне никогда не нравились стихи. Радостное и

несколько затянутое словоблудие. Полистав страницы, я заметил, что поэма состояла из нескольких частей. Одна из них называлась Приветствие, посвященное детям. Там, в рифмованных строках описывались люди, бродившие по улицам Дремлющего Лондона.

Мои веки стали тяжелыми. Откуда-то из глубины дома послышались тихие звуки — кто-то разучивал гаммы на трубе. Я отложил книгу, выключил свет и начал погружаться в сон под серебристую капель арпеджионого дождя.